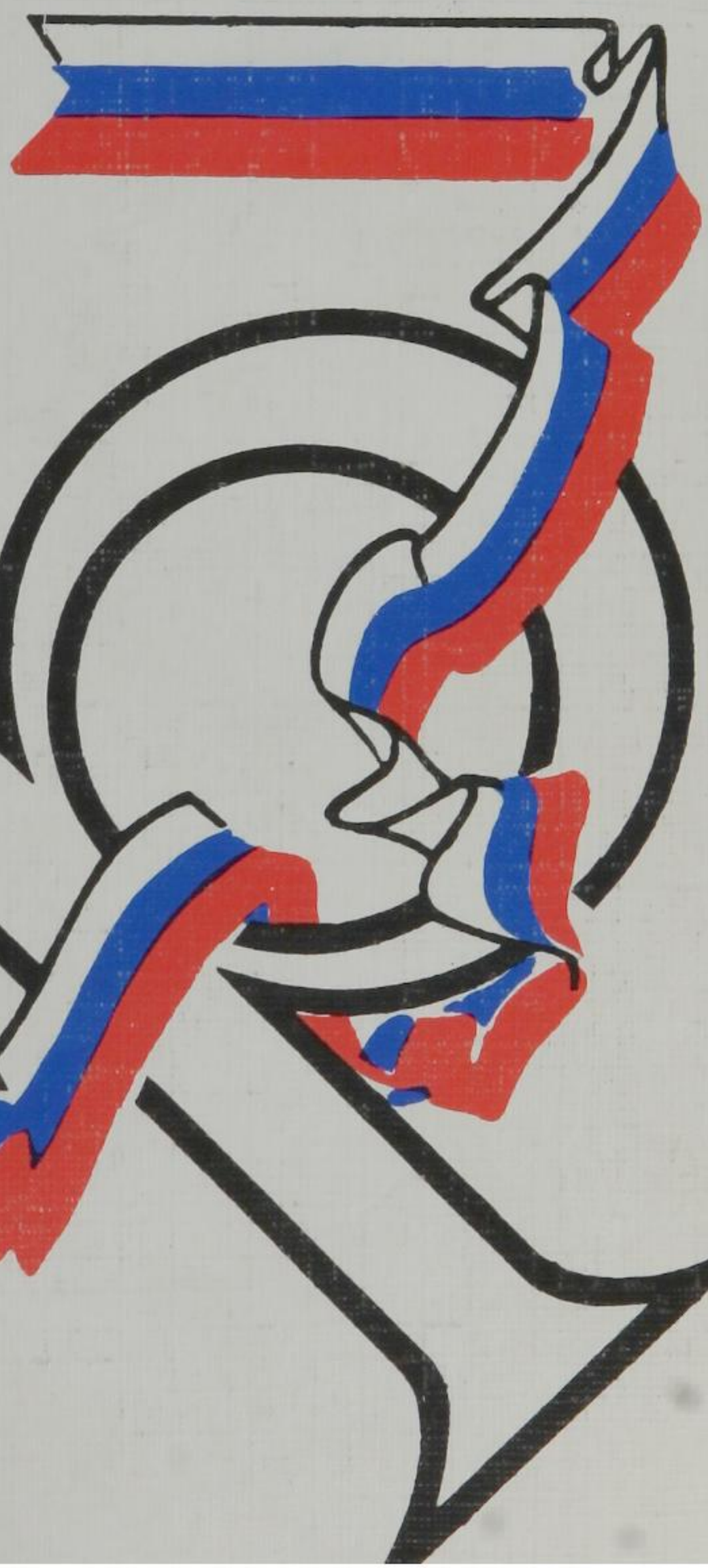
ISBN 0131—5706

Научно-публицистический журнал

1/2005

РОССИЯ



РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-публицистический журнал

Учредители:

Министерство образования Российской Федерации

Министерство промышленности, науки и технологий Российской Федерации

Правительство Республики Мордовия

Федеральное государственное научное учреждение «НИИ регионологии»

Журнал издается с октября 1992 г.

Выходит 1 раз в квартал

1/2005

(№ 50)

СОДЕРЖАНИЕ

3 **Ежегодное Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации**

Проблемы федерализма

24 **В.И.Гришин**. Правовое обеспечение создания нового субъекта Российской Федерации

33 **А.А.Фомин**. Региональный аспект юридической безопасности Российской Федерации

45 **И.В.Бахлов, О.В.Бахлова.** Федеративная идея в концепции интеграции постсоветского пространства

Территориальное управление

57 **Г.Н.Нурышев.** Роль единого духовного пространства в геополитической структуре России

67 **И.В.Митрофанова**. Программно-целевое управление социально-экономическим развитием региона

77 **Р.К.Кулаковский.** Управление социальной сферой региона

Экономика региона

86 **Основные показатели социально-экономического положения регионов Российской Федерации в 2004 г.**

103 **Ведущий центр региональных исследований России**

121 **И.Р.Гафуров**. Оценка экономического потенциала территории и эффективности мероприятий территориального стратегического программирования

137 **Н.Д.Куликов, В.В.Рунков.** Повышение эффективности ресурсного потенциала сельского хозяйства региона

Редколлегия:

А.И.СУХАРЕВ
(главный редактор)
В.Д.ВОЛКОВ
Т.И.ГОЛУБЧИК
(ответственный секретарь)
В.И.ГРИБАНОВ
Д.В.ДОЛЕНКО
В.В.ИВАНОВ
В.В.КОЗИН
(заместитель главного редактора)
В.В.КОНАКОВ
Н.С.КРУТОВ
Г.Ф.КУЦЕВ
Н.П.МАКАРКИН
М.В.МОСИН
В.А.НЕЖДАНОВ
В.А.НЕЧАЕВ
Ю.А.НОВИКОВ
К.И.ПЛЕТНЕВ
С.В.ПОЛУТИН
О.И.ПРУДНИКОВ
М.Н.ХОХЛОВ
Ю.В.ШЛЕНОВ
В.А.ЮРЧЕНКОВ

143 **Л.М.Чернякевич.** Принципы трансформации, система и экономическая модель лесоуправления

Региональные проблемы науки и образования

156 **М.А.Панфилов.** Профессиональное становление специалиста как социальный заказ и педагогическая проблема

Социология региона

166 **Н.Д.Фирер**. Понятие «провинциальность» в контексте определения понятий «регион» и «социальное пространство»

Социальное развитие региона

177 **И.В.Антохонова**. Социальные проблемы региона с экологической регламентацией

189 **Г.П.Кулешова**. Социальная защита и самозащита населения в регионе

Региональная история и историография

198 **Н.В.Середа.** Региональная политика Екатерины Великой

211 **Р.А.Циунчук.** Государственная Дума в географии власти и этнорегиональных процессах Российской империи

222 **О.Б.Кевбрина.** Руководители и специалисты Мордовпотребсоюза 30—40-х гг. XX в.

237 **А.В.Мартыненко.** Модернизация ислама в России: от джадидизма к новым религиозным сообществам

248 *Новые книги*

© «Регионология», 2005

ЕЖЕГОДНОЕ ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

25 апреля 2005 г., Москва, Кремль

Уважаемое Федеральное Собрание, уважаемые граждане России! В Послании 2005 г. затрону ряд принципиальных идеологических и политических вопросов. Считаю, что на данном этапе развития России такой разговор крайне необходим. Самые актуальные из стоящих перед нами социально-экономических задач, включая конкретные национальные проекты, были названы еще в предыдущем Послании. Намерен развивать их в предстоящем Бюджетном послании, а также в ряде других документов.

При этом прошу рассматривать прошлогоднее и нынешнее послания Федеральному Собранию как единую программу действий, как нашу совместную программу на ближайшее десятилетие.

Главной политико-идеологической задачей считаю развитие России как свободного, демократического государства. Мы довольно часто произносим эти слова, однако глубинный смысл ценностей свободы и демократии, справедливости и законности — в их практическом преломлении в нашей жизни — раскрываем достаточно редко.

Между тем потребность в таком анализе есть. Идущие в России объективно непростые процессы все больше и больше становятся предметом активных идеологических дискуссий. И они связываются именно с разговорами о свободе и демократии. Порой можно слышать, что поскольку российский народ веками безмолвствовал, то и свобода для него якобы непривычна и не нужна. И будто бы поэтому наши граждане нуждаются в постоянном начальственном присмотре.

Хотел бы вернуть тех, кто так считает, к реальности, к тому, что есть на самом деле. Для этого еще раз напомню, как зарождалась новейшая российская история.

Прежде всего следует признать, что крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века. Для российского же народа оно стало настоящей драмой. Десятки миллионов наших сограждан и соотечественников оказались за пределами российской территории. Эпидемия распада к тому же перекинулась на саму Россию.

Накопления граждан были обесценены, старые идеалы разрушены. Многие учреждения распущены или реформировались на «скорую руку». Целостность страны оказалась нарушена террористической интервенцией и последовавшей хасавюртовской капитуляцией. Олигархические группировки, обладая неограниченным контролем над информационными потоками, обслуживали исключительно собственные, корпоративные интересы. Массовая бедность стала восприниматься как норма. И все это происходило на фоне тяжелейшего экономического спада, нестабильных финансов, паралича социальной сферы.

Многие тогда думали, многим тогда казалось, что наша молодая демократия является не продолжением российской государственности, а ее окончательным крахом. Является затянувшейся агонией советской системы.

Те, кто так думал, — ошиблись.

Именно в этот период в России происходили крайне значимые события. В нашем обществе вырабатывалась не только энергия самосохранения, но и воля к новой, свободной жизни. В те непростые годы народу России предстояло одновременно отстоять государственный суверенитет и безошибочно выбрать новый вектор в развитии своей тысячелетней истории. Надо было решить труднейшую задачу: как сохранить собственные ценности, не растерять безусловных достижений и подтвердить жизнеспособность российской демократии. Мы должны были найти собственную дорогу к строительству демократического, свободного и справедливого общества и государства.

Говоря о справедливости, имею в виду, конечно же, не печально известную формулу «все отнять и поделить», а открытие широких и равных возможностей развития для всех. Успеха — для всех. Лучшей жизни — для всех.

В конечном счете, на базе утверждения именно таких принципов, мы и должны стать свободным обществом свободных людей. И в этой связи нелишне вспомнить, как исторически в российском обществе формировалось стремление к свободе и справедливости, как оно вызревало в общественном сознании.

Прежде всего Россия была, есть и, конечно, будет крупнейшей европейской нацией. Выстраданные и завоеванные европейской культурой идеалы свободы, прав человека, справедливости и демократии в течение многих веков являлись для нашего общества определяющим ценностным ориентиром.

В течение трех столетий мы — вместе с другими европейскими народами — рука об руку, прошли через реформы просвещения, трудности становления парламентаризма, муниципальной и судебной власти, формирование схожих правовых систем. Шаг за шагом, вместе продвигались к признанию и расширению прав человека, к равному и всеобщему избирательному праву, пониманию необходимости заботы о малоимущих и слабых, эмансипации женщин, другим социальным завоеваниям.

Повторю, все это мы делали вместе, в чем-то отставая, а в чем-то иногда опережая европейские стандарты.

Убежден, для современной России ценности демократии не менее важны, чем стремление к экономическому успеху или социальному благополучию людей.

Во-первых, только в свободном и справедливом обществе каждый законопослушный гражданин вправе требовать для себя надежных правовых гарантий и государственной защиты. И без сомнения, обеспечение прав и свобод человека является критически важным как для развития экономики, так и для общественно-политической жизни России.

Право быть избранным или назначенным на государственные должности, как и возможность получать публичные услуги, публичную информацию должны быть доступны в равной степени всем гражданам страны. При этом любой, преступивший закон, должен знать, что наказание неотвратимо.

Во-вторых, только в свободном обществе каждый трудоспособный гражданин имеет право на равных участво-

вать в конкурентной борьбе и свободно выбирать себе партнеров, а соответственно этому и зарабатывать. Достаток каждого должен определяться его трудом и способностями, квалификацией и затраченными усилиями. А он сам вправе распорядиться заработанным по своему усмотрению, в том числе и передать по наследству детям.

Таким образом, соблюдение принципов справедливости прямо связано с равенством возможностей. И это в свою очередь должно быть обеспечено никем иным, как государством.

В-третьих, российское государство, если хочет быть справедливым, обязано помогать нетрудоспособным и малоимущим гражданам — инвалидам, пенсионерам, сиротам. С тем, чтобы жизнь таких людей была достойной, а основные блага были бы для них доступными.

Все эти функции и обязанности прямо поручены государству обществом.

И, наконец, свободное и справедливое общество не имеет внутренних границ, ограничений на передвижение, а оно само открыто для остального мира. Это дает гражданам нашей страны возможность в полной мере пользоваться богатствами всей человеческой цивилизации, включая достижения образования, науки, мировой истории и культуры.

Именно наши ценности определяют и наше стремление к росту государственной самостоятельности России, укреплению ее суверенитета. Мы — свободная нация. И наше место в современном мире, хочу это особо подчеркнуть, будет определяться лишь тем, насколько сильными и успешными мы будем.

Я подробно остановился на этих ключевых и в целом общих понятиях, чтобы показать, как названные принципы должны отражаться в нашей каждодневной практике. Полагаю, что эти действия должны условно осуществляться как минимум в трех направлениях:

первое — меры по развитию государства;

второе — укрепление закона и развитие политической системы, повышение эффективности правосудия;

и, наконец, третье — развитие личности и гражданского общества в целом.

Сначала — о государстве.

Вы знаете, что в течение последних пяти лет мы были вынуждены решать трудные задачи по предотвращению деградации государственных и общественных институтов, но в то же время обязаны были создавать основы для развития на годы и десятилетия вперед. Мы вместе разбирали завалы и постепенно продвигались дальше. И в этой связи политика стабилизации фактически была политикой реагирования на накопленные проблемы. Эта политика в целом оправдала себя, но к настоящему времени себя уже исчерпала. Теперь ей на смену должна прийти политика, устремленная в будущее. И для этого нам крайне необходимо эффективное государство. Однако, несмотря на многие позитивные изменения, эта действительно центральная проблема в полной мере не решена.

Наше чиновничество еще в значительной степени представляет собой замкнутую и подчас просто надменную касту, понимающую государственную службу как разновидность бизнеса. И потому задачей номер один для нас по-прежнему остается повышение эффективности государственного управления, строгое соблюдение чиновниками законности, предоставление ими качественных публичных услуг населению.

Особенностью последнего времени стало то, что наша недобросовестная часть бюрократии (как федеральной, так и местной) научилась потреблять достигнутую стабильность в своих корыстных интересах. Стала использовать появившиеся у нас, наконец, благополучные условия и появившийся шанс для роста не общественного, а собственного благосостояния.

Кстати сказать, партийная и корпоративная бюрократия в этом смысле ведут себя не лучше бюрократии государственной.

И если сейчас, когда созданы предпосылки для серьезной и масштабной работы, государство поддастся соблазну простых решений, то верх возьмет бюрократическая реакция. Вместо прорыва мы можем получить стагнацию. При этом потенциал гражданского общества останется невостребованным, а коррупция, безответственность и непрофессионализм будут стремительно нарастать, возвращая нас

на путь деградации экономического и интеллектуального потенциала нации и все большего отрыва власти от интересов общества, нежелания госаппарата слышать запросы людей.

Повторю, наша действительность не может нас удовлетворить. Ведь освободив крупнейшие средства массовой информации от олигархической цензуры, мы не защитили их от нездорового рвения отдельных начальников.

Направляя правоохранительные органы на справедливую борьбу с преступлениями, в том числе налоговыми, то и дело обнаруживаем грубые нарушения прав предпринимателей. А порой и просто откровенный рэкет со стороны государственных структур.

Многим чиновникам кажется, что так будет всегда. И что подобные издержки — это и есть результат. Должен их огорчить. В наши планы не входит передача страны в распоряжение неэффективной коррумпированной бюрократии.

Мы исходим из того, что иметь в стране развитые демократические процедуры не просто необходимо, но и экономически выгодно. Быть с обществом в ответственном диалоге — политически целесообразно. И поэтому современный российский чиновник обязан учиться разговаривать с обществом не на командном жаргоне, а на современном языке сотрудничества, языке общественной заинтересованности, диалога и реальной демократии. Это наша базовая позиция, и мы будем ей строго следовать.

Следующая по значимости крупная задача в сфере государственного строительства — это укрепление федерации. При этом главный результат, которого мы добиваемся, — построение эффективного государства в существующих границах.

Вы знаете, в последнее время все активнее проявляется желание субъектов федерации объединяться, — это положительная тенденция. И важно не превратить ее в очередную политическую кампанию. При этом следует помнить, что субъекты объединяются не ради самого объединения, а ради оптимизации управления, более эффективной социально-экономической политики, а в конечном счете ради роста благосостояния людей.

Конечно, процесс объединения субъектов федерации дело сложное, но иначе в отдельных случаях, хочу это подчеркнуть, не всегда и не везде, а в отдельных случаях — мы не сможем сконцентрировать ресурсы государства для управления огромной и уникальной по своему составу территорией. Ведь многие субъекты у нас являются сложноподчиненными, проблемы распределения властных полномочий между их государственными органами (в первую очередь в налоговой и бюджетной сферах) возникают постоянно. Однако вся энергия пока что уходит на споры и согласования, а порой даже на выяснение отношений в судах, в том числе в Конституционном. И это происходит тогда, когда уже появились и новые возможности, и необходимость реализовать целый ряд крупных национальных проектов.

Конкретные примеры вам хорошо известны. Идущее сейчас объединение Красноярского края, Таймырского и Эвенкийского автономных округов должно помочь освоению новых месторождений и энергообеспечению восточных регионов Сибири. Ясные и четкие административные решения должны открыть выгоды масштабных инвестиций в развитие российских территорий.

Третьей серьезной задачей считаю проведение активной политики либерализации предпринимательского пространства. И здесь прежде всего выделю меры по стабилизации гражданского оборота, кардинальному расширению возможностей для свободного предпринимательства и сферы приложения капиталов.

Во-первых, надо принять меры по укреплению гражданского оборота. Я уже говорил, что мы должны в ближайшее время сократить до трех лет срок давности по применению последствий недействительности ничтожных сделок. Этот срок в настоящее время составляет десять лет. Такое предложение уже широко обсуждается, и потому хотел бы еще раз подчеркнуть мотивы, которыми мы руководствовались.

Незыблемость права частной собственности — это основа основ ведения всякого бизнеса. Правила, которых придерживается в этой области государство, должны быть ясны для всех и, что немаловажно, быть стабильны. Это

позволяет нормально планировать и ведение бизнеса, и жизнь каждого, кто развивает свое дело. Это позволяет гражданам спокойно, без опасений, заключать соглашения по таким жизненно важным вопросам, как, например, приобретение жилья или его приватизация, которая в основном уже прошла в нашей стране. Это в целом мотивирует к приобретению имущества и к расширению производства.

В то же время нельзя безразлично относиться к тем, кто, совершая сделки, отступал от закона. Конечно, государство должно на это реагировать, но обязан заметить: три года — это тоже большой срок, который вполне позволяет и заинтересованным лицам, и государству выяснить в суде свои взаимоотношения. Подчеркну также, что именно трехлетний срок исковой давности был самым длительным в нашем законодательстве в течение последних ста лет. Десять лет — это неоправданно долго, исходя из общеэкономических и правовых соображений. Такой срок порождает массу неопределенностей, расхолаживая прежде всего государство, но не только государство, но и других участников процесса. Кстати говоря, соответствующие предложения по поправкам в законодательство внесены нами в Правительство Российской Федерации. К сожалению, пока — ни ответа ни привета, — а поправить-то нужно только одно слово в одной статье. Я прошу ускорить формальное согласование.

Во-вторых, надо помочь гражданам легализовать в упрощенном порядке принадлежащие им фактически объекты жилой недвижимости. А именно — гаражи, жилье, садовые дома в различных кооперативах и садоводческих товариществах и соответствующие земельные участки.

Такой порядок легализации должен быть максимально прост для граждан, а само оформление документов не должно создавать для них дополнительных проблем. Это, кстати, даст и такие дополнительные возможности, как законная передача имущества в наследство, получение кредитов в банках под залог данного имущества.

И, в-третьих, необходимо простимулировать приход капиталов, накопленных гражданами, в нашу национальную экономику. Надо разрешить гражданам задекларировать в

упрощенном порядке капиталы, накопленные ими в предыдущие годы, в предыдущий период. Такой порядок должен сопровождаться только двумя условиями: уплатой 13-процентного подоходного налога и внесением соответствующих сумм на счета в российские банки. Эти деньги должны работать на нашу экономику, в нашей стране, а не «болтаться» в офшорных зонах.

Остановлюсь еще на одной, на мой взгляд, системообразующей задаче в сфере развития государства. Она касается работы налоговых и таможенных органов. Считаю, что приоритетом в их деятельности должна стать проверка исполнения налогового и таможенного законодательства, а не выполнение каких бы то ни было «планов» по сбору налогов и пошлин.

Очевидно, что фискальные органы в любой стране должны проводить контроль за правильностью уплаты налогов, но справедливо будет признать и то, что в последние годы наша налоговая система находилась в стадии формирования. Потребовались время и богатая правоприменительная, судебная практика, чтобы у нас появились четкие ответы на все вопросы.

Фискальные органы не должны проходить мимо нарушения законов, ни в коем случае не должны. Вместе с тем должны быть найдены такие формы погашения налоговой задолженности прошлых лет, которые обеспечивали бы интересы государства, но не разрушали бы экономику и не загоняли бизнес в тупик. Налоговые органы не вправе «терроризировать» бизнес, многократно возвращаясь к одним и тем же проблемам. Они должны работать ритмично, своевременно реагировать на допущенные нарушения, при этом главное внимание уделяя проверкам текущего периода.

Полагаю, что все вышеназванные меры помогут стабилизировать гражданский оборот, создать дополнительные гарантии для долгосрочного развития бизнеса. В конечном счете — для обеспечения большей свободы предпринимательства и справедливого отношения к нему со стороны государства.

И, наконец, еще один важный вопрос. Россия крайне заинтересована в масштабном притоке частных, в том числе

иностранных, инвестиций. Это наш стратегический выбор и стратегический подход.

Однако на практике инвесторы подчас сталкиваются с самого разного порядка ограничениями, в том числе и теми, которые объясняются соображениями национальной безопасности. При этом все это не оформлено юридически. Такая неопределенность создает проблемы как государству, так и инвесторам. И нам пора четко определить те сферы экономики, где интересы укрепления независимости и безопасности России диктуют необходимость преимущественного контроля со стороны национального, в том числе государственного капитала. Имею в виду некоторые объекты инфраструктуры, предприятия, выполняющие оборонный заказ, месторождения полезных ископаемых, имеющие стратегическое значение для будущего страны, для будущих поколений россиян, а также инфраструктурные монополии.

Необходимо разработать и закрепить на законодательном уровне систему критериев, определяющих ограничения для иностранного капитала по участию в таких сферах экономики. И одновременно обязательно определиться с соответствующим перечнем отраслей или объектов, который не будет подлежать расширению и не будет расширительно толковаться. Именно такой подход используется сегодня в ряде стран с развитой рыночной экономикой. И мы его тоже должны использовать.

Сохраняя такой контроль и ограничения в ряде секторов экономики, мы должны в целом создавать благоприятные условия для прихода частного капитала во все привлекательные отрасли. И, думаю, вы со мной согласитесь, нужно прямо сказать, что пока, к сожалению, в этом отношении сделано слишком мало.

Повторю, все эти решения должны быть закреплены на законодательном уровне. Цель таких мер очевидна: инвесторам не нужны загадки и шарады. Их деньги придут только туда, где есть стабильность, а правила игры ясны и понятны. И такой подход будет справедлив и по отношению к обществу, и к государству, которое обязано защищать свои перспективные интересы, думая о развитии страны на годы и десятилетия вперед.

Уважаемые коллеги, необходимым условием развития в стране демократии является создание эффективной правовой и политической системы. Но ценой развития демократических процедур не может быть ни правопорядок, ни столь трудно достигнутая стабильность, ни устойчивое проведение взятого экономического курса.

В этом вижу самостоятельный характер выбранного нами демократического пути. И потому мы будем двигаться вперед, учитывая наши собственные, внутренние обстоятельства, но в обязательном порядке опираясь на закон, на конституционные гарантии.

Разумеется, сама власть также не должна злоупотреблять имеющимися у нее административными рычагами. И она обязана открывать все новые возможности для укрепления в стране институтов реальной демократии.

Отказывать собственному народу, самим себе в способности жить по демократическим законам — это значит не уважать себя, своих сограждан. Это значит не понимать прошлого и не видеть будущего.

«Государственная власть, — писал великий русский философ Иван Ильин, — имеет свои пределы, обозначаемые именно тем, что она есть власть, извне подходящая к человеку... И все творческие состояния души и духа, предполагающие любовь, свободу и добрую волю, не подлежат ведению государственной власти и не могут ею предписываться... Государство не может требовать от граждан веры, молитвы, любви, доброты и убеждений. Оно не смеет регулировать научное, религиозное и художественное творчество... Оно не должно вторгаться в нравственный, семейный и повседневный быт и без крайней надобности стеснять хозяйственную инициативу и хозяйственное творчество людей». Давайте не будем забывать об этом.

Россия — это страна, которая выбрала для себя демократию волей собственного народа. Она сама встала на этот путь и, соблюдая все общепринятые демократические нормы, сама будет решать, каким образом — с учетом своей исторической, геополитической и иной специфики — можно обеспечить реализацию принципов свободы и демократии. Как суверенная страна Россия способна и будет

самостоятельно определять для себя и сроки, и условия движения по этому пути.

Однако последовательное развитие демократии в России возможно лишь правовым, законным путем. А всякого рода внеправовые методы борьбы за национальные, религиозные, иные интересы противоречат самим принципам демократии. Государство будет на них законным, но жестким образом реагировать.

Нам нужны такие правоохранительные органы, работой которых добропорядочный гражданин будет гордиться, а не переходить на другую сторону улицы при виде человека в погонах. Тем, кто ставит своей главной задачей собственную наживу, а не защиту закона — не место в правоохранительных структурах. И потому мотивация сотрудников этих органов должна быть прежде всего связана с качеством защиты прав и свобод граждан.

И, наконец, если часть российского общества будет по-прежнему воспринимать судебную систему как коррумпированную — говорить об эффективном правосудии будет просто невозможно.

В целом отмечу, что организация борьбы с преступностью в стране требует принципиально новых подходов. Соответствующие решения будут подготовлены.

Укрепление правопорядка неотделимо от устранения источников террористической агрессии на территории России. За последние годы нами было сделано достаточно много серьезных шагов в борьбе с террором. Но иллюзий быть не должно — угроза еще очень сильна, мы еще пропускаем очень чувствительные удары, преступники совершают еще ужасные злодеяния, целью которых является устрашение общества. Нам нужно набраться мужества и продолжить работу по искоренению террора. Стоит только проявить слабость, мягкотелость — потерь будет неизмеримо больше, и они могут обернуться общенациональной катастрофой.

Рассчитываю на энергичную работу по укреплению безопасности на Юге России и утверждению там ценностей свободы и справедливости. Условиями этого являются развитие экономики, создание новых рабочих мест, строительство объектов социальной и производственной инфраструктуры.

Поддерживаю проведение уже в этом году парламентских выборов в Чеченской Республике. Они должны стать и основой стабильности, и развития демократии в этом регионе.

Отмечу, что уже сейчас в Северо-Кавказском регионе есть неплохие предпосылки для опережающего экономического роста. Он обладает одной из самых развитых в России транспортных инфраструктур, качественным потенциалом трудовых ресурсов, а число желающих заняться здесь предпринимательством, как показывают опросы, превышает среднероссийский показатель. И в то же время здесь гораздо более высокая доля теневой экономики, криминализации хозяйственных отношений в целом. В связи с этим органы власти должны не только укреплять правоохранительную и судебную систему в этом регионе, но и содействовать развитию деловой активности населения.

Мы не в меньшей степени должны заниматься и другими стратегически важными регионами Российской Федерации. Имею в виду Дальний Восток, Калининградскую область, другие приграничные территории. Здесь необходима концентрация государственных ресурсов на расширении транспортной, телекоммуникационной и энергетической инфраструктур (включая создание трансконтинентальных коридоров). Именно эти регионы должны стать опорными при сотрудничестве России с сопредельными государствами — нашими соседями.

Уважаемое Собрание, уже очень скоро, 9 Мая, мы будем праздновать 60-летие Великой Победы. Этот день по праву можно считать днем торжества цивилизации над фашизмом. Общая Победа позволила отстоять принципы свободы, независимости, равенства всех людей и народов.

Для нас очевидно, что Победа была достигнута не только силой оружия, но и силой духа всех народов, объединенных в то время в союзном государстве, их сплоченностью против бесчеловечности, геноцида и претензий одной нации помыкать другими.

Между тем страшные уроки прошлого диктуют нам свои императивы и сегодня. Россия, связанная с бывшими республиками СССР, а ныне независимыми государствами, единством исторической судьбы, русским языком и великой культурой, не может оставаться в стороне от общего стремления к свободе.

Сегодня, когда на постсоветском пространстве образовались и развиваются самостоятельные, независимые государства, мы вместе хотим соответствовать гуманистическим ценностям, широким возможностям личного и коллективного успеха, выстраданным стандартам цивилизации. Стандартам, которые могут дать нам единое экономическое, гуманитарное, правовое пространство.

Отстаивая российские внешнеполитические интересы, мы заинтересованы в развитии экономики и укреплении международного авторитета государств — наших ближайших соседей. Заинтересованы в синхронизации темпов и параметров реформаторских процессов в России и государствах Содружества. И готовы перенимать действительно полезный опыт наших соседей, а также делиться с ними своими идеями и своими результатами в работе.

Наши цели на международной арене предельно понятны — безопасность границ и создание благоприятных внешних условий для решения внутренних российских проблем. Мы не изобретаем никаких новшеств, а стремимся использовать все то, что было накоплено европейской цивилизацией и мировой историей.

Безусловно и то, что цивилизаторская миссия российской нации на евразийском континенте должна быть продолжена. Она состоит в том, чтобы демократические ценности, помноженные на национальные интересы, обогащали и укрепляли нашу историческую общность.

Для нас, кроме того, остается важнейшим вопросом международная поддержка в обеспечении прав российских соотечественников за рубежом. И это не предмет для политического или дипломатического торга. Мы рассчитываем, что новые члены НАТО и ЕС на постсоветском пространстве на деле докажут свое уважение к правам человека, включая права национальных меньшинств.

Не имеют права требовать соблюдения прав человека от других те, кто сам их не уважает, не соблюдает и не может обеспечить.

Мы также готовы к эффективному партнерству со всеми странами в решении глобальных проблем — от поиска действенного ответа на ухудшение окружающей среды до освоения космоса, от предотвращения глобальных техно-

генных катастроф до устранения угрозы распространения СПИДа. И, конечно, к единению усилий в борьбе с такими вызовами современному миропорядку, как международный терроризм, трансграничная преступность и наркоторговля.

Несколько слов о приоритетных задачах в сфере развития гражданского общества. Витте писал: «Государство не столь созидает, сколь восполняет, истинными же созидателями являются все граждане... Не налагать руку на самостоятельность, а развивать ее и всячески помогать ей».

Этот совет актуален и по сей день.

Полагаю, что мы прежде всего должны обеспечить право граждан на объективную информацию. Это важнейший политический вопрос, и он прямо связан с действием в нашей государственной политике принципов свободы и справедливости.

В связи с этим определенные надежды возлагаю на обсуждающийся сейчас законопроект об информационной открытости государственных органов. Важно, чтобы он был принят как можно быстрее. Его реализация позволит гражданам получать больше объективной информации о деятельности государственного аппарата, поможет им защитить свои интересы.

Хотел бы сегодня поговорить и о другой, вполне конкретной теме. А именно: что надо сделать, чтобы на национальном телевидении были в полной мере учтены самые актуальные потребности российского гражданского общества и обеспечены его интересы. Мы должны создать гарантии, при которых государственное телерадиовещание будет максимально объективным, свободным от влияния каких-либо отдельных групп и отражать весь спектр общественно-политических сил в стране.

Предлагаю усилить полномочия Общественной палаты в части обеспечения гражданского контроля за соблюдением телеканалами принципов свободы слова. Для этого в составе Палаты может быть создана комиссия из числа уважаемых профессиональным сообществом людей, которые будут обеспечивать независимость вещательной политики, привлекать для работы квалифицированные кадры. С этой целью планирую внести в Государственную Думу соответ-

ствующие поправки в законодательство. Кроме того, доступ к СМИ необходимо обеспечить и всем парламентским фракциям.

Уверен, что предлагаемые меры повысят качество и объективность информации, которую сегодня получает наше общество, интенсифицируют культурную жизнь, позволят любому гражданину, проживающему даже в самом отдаленном уголке нашей страны, иметь доступ к тем достижениям, которыми так богат современный мир.

И, наконец, несколько слов о гарантиях деятельности политических партий в парламенте. Считаю, что каждая фракция должна иметь возможность в равной мере высказывать свою позицию по ключевым вопросам развития страны, предлагать своих представителей в руководство комитетов и комиссий, добиваться включения в повестку дня интересующих ее проблем. Полагаю также, что надо утвердить законом процедуру парламентских расследований.

Кроме того, в целях дальнейшего укрепления роли партий в формировании государственной власти предлагаю внести на обсуждение Государственного совета России вопрос об уточнении нового порядка наделения полномочиями глав исполнительной власти субъектов федерации. В качестве кандидата на этот пост президентом страны мог бы предлагаться представитель победившей на региональных выборах партии.

Уважаемые коллеги, говоря о фундаментальных проблемах развития государства и гражданского общества, не могу не затронуть ряд конкретных вопросов, решение которых давно назрело.

Глубоко убежден, что успех нашей политики во всех сферах жизни тесно связан с решением острейших демографических проблем. Мы не можем мириться с тем, что российские женщины живут почти на 10, а мужчины — на 16 лет меньше, чем в странах Западной Европы.

Между тем многие из ныне существующих причин смертности не только устранимы, но даже не требуют особых затрат. Так, в России почти 100 чел. в день погибает в дорожно-транспортных происшествиях. Причины этого хорошо известны. И нам следует реализовать целый комплекс мер, позволяющих преодолеть эту ужасную ситуацию.

Мы постоянно возвращаемся и к вопросам состояния здравоохранения. Пути улучшения ситуации в этой сфере в настоящее время активно обсуждаются. Не предвосхищая окончательных решений, уверен, что нам надо прежде всего обеспечить доступность и высокое качество медицинской помощи, возродить профилактику заболеваний как традицию российской медицинской школы.

Особо остановлюсь на другой, сложной для нашего общества теме: последствиях алкоголизма и наркомании. В России только от отравления алкоголем, и прежде всего его суррогатами, ежегодно умирает около 40 тыс. чел. В основном это молодые мужчины, кормильцы семей. Однако эту проблему невозможно решить методом запретов. Результатом нашей работы должна стать осознанная молодым поколением необходимость в здоровом образе жизни, в занятиях физической культурой и спортом. Каждый молодой человек должен осознать, что здоровый образ жизни — это успех, его личный успех. Между тем, просматривая бюджетные программы следующего года, инвестиционные программы Правительства, не увидел там никакого желания решать эту проблему на федеральном уровне. Понятно, что это прежде всего по законодательству вопросы региональные и муниципальные, но без соответствующей поддержки со стороны федерального Правительства проблему нам эту не решить. Прошу внести соответствующие изменения.

Еще одна общенациональная проблема — это низкая рождаемость. В стране все больше семей, имеющих только одного ребенка. Нам необходимо повысить престиж материнства и отцовства. Создать условия, благоприятствующие рождению и воспитанию детей.

И, кстати, считал бы правильным отменить налог на имущество, переходящее в порядке наследования, потому что миллиардные состояния все равно где-то запрятаны в офшорах, они здесь не передаются по наследству. А за какой-нибудь садовый домик надо заплатить такие деньги, которые часто человеку не по карману.

Полагаю также, что рост численности населения должен сопровождаться осмысленной стратегией иммиграционной политики. Мы заинтересованы в притоке квалифицированных, легальных трудовых ресурсов, но еще немалое чис-

ло предпринимателей в России пользуются выгодами нелегальной миграции. Ведь бесправный иммигрант особенно «удобен» для неограниченной эксплуатации. Он, кстати сказать, и потенциально опасен с точки зрения правонарушений.

Однако речь должна идти не только о сокращении размеров «теневого сектора», но и о реальной пользе для всего российского государства и общества. В конечном итоге каждый легальный иммигрант должен получить возможность стать гражданином России.

Нельзя откладывать решение таких проблем. Меры по созданию условий, благоприятных для рождения детей, снижения смертности и упорядочению миграции должны реализовываться одновременно. Уверен, что нашему обществу по силам решить эти задачи и постепенно стабилизировать численность российского населения.

Необходимо подвести черту и под рядом других, накопившихся годами, проблем. Прежде всего это касается заработной платы учителей, врачей, работников культуры, науки и военнослужащих. Они должны, наконец, почувствовать преимущества от роста экономики в стране. На их плечах лежит забота о том, чтобы новые поколения российских граждан вырастали здоровыми, образованными людьми, сохраняющими традиции и духовные ценности своих предков.

Это они задают современные стандарты развития общества, участвуют в формировании нынешней и будущей элиты России. Они являются хранителями богатейшего культурного и духовного наследия нашей страны. И потому от качества труда этих людей зависит не меньше, чем от роста экономических показателей. Зависит, в какой стране мы будем жить завтра, каким будет в ней уровень свободы, справедливости, демократии. И, наконец, будет ли страна надежно защищена.

В то же время реальный уровень оплаты труда в этих отраслях все еще ниже, чем в конце 1980-х годов, а средняя зарплата в бюджетной сфере значительно ниже средней зарплаты по стране. Из 18 ставок единой тарифной сетки 12 ниже прожиточного минимума. То есть, для большинства работников бюджетных организаций риск попасть в зону

бедности крайне высок. Столь унизительное положение мешает людям эффективно и творчески работать.

Считаю необходимым в течение трех лет добиться повышения доходов бюджетников в реальном выражении не менее чем в 1,5 раза. То есть в ближайшие годы зарплаты бюджетников должны расти как минимум в полтора раза быстрее, чем цены на потребительские товары.

Подчеркну, речь идет о необходимом минимуме, ниже которого мы не можем, не должны, не имеем права опускаться. Таким образом мы сможем добиться приближения средней зарплаты в бюджетном секторе к средней зарплате по стране. При этом надо иметь в виду, что ответственность за установление размера и своевременная выплата зарплат большинству бюджетников лежит на властях регионов. Нужно выстраивать межбюджетные отношения таким образом, чтобы субъекты Российской Федерации также имели возможность повышать заработную плату в бюджетной сфере опережающими темпами.

В то же время надо отдавать себе отчет, что простого повышения зарплаты для решения проблем бюджетного сектора экономики недостаточно. Давно назрела необходимость в таких финансовых решениях и механизмах, которые способны мотивировать к достижению эффективных результатов и сами организации социальной сферы. Таким образом, финансовая политика должна стать одним из стимулов к повышению доступности и качества социальных услуг.

И, наконец, следует создать условия для активного привлечения инвестиций из других — помимо государственных источников — в здравоохранение, образование, науку и культуру.

Подчеркну также, что определенные в предыдущем Послании задачи по модернизации образования, здравоохранения должны решаться, но решаться предельно аккуратно.

Реорганизация ради реорганизации не должна становиться самоцелью. Главное — это качество услуг, хочу еще раз подчеркнуть, их доступность большинству граждан, их реальное влияние на социально-экономический прогресс в стране.

Говоря о наших ценностных ориентирах, затрону еще одну, на мой взгляд, важную тему. Речь пойдет об уровне общественной нравственности и культуры.

Известно, что высокая деловая репутация всегда была достойным залогом при заключении сделок, а человеческая порядочность обязательным условием участия в жизни государства и общества. Безнравственность российским обществом осуждалась, недостойное поведение всегда публично порицалось.

В России право и мораль, политика и нравственность традиционно признавались понятиями близкими и соотносимыми. Во всяком случае, их взаимосвязь была декларируемым идеалом и целью. При всех известных издержках уровень нравственности и в царской России, и в советские времена являлся весьма значимой шкалой и критерием репутации людей как на рабочем месте, так и в обществе, в быту. И вряд ли можно отрицать, что такие ценности, как крепкая дружба, взаимовыручка, доверие, товарищество и надежность в течение многих веков оставались на российской земле ценностями непреложными и непреходящими.

Известный российский теоретик государства и права профессор Л.Петражицкий отмечал, что обязанность помогать нуждающимся, аккуратно платить рабочим условленную плату — это в первую очередь этические нормы. Хочу отметить, что все это было написано почти сто лет назад — еще в 1910 г.

Считаю, что без следования общепринятым в цивилизованном обществе нравственным стандартам и современный российский бизнес вряд ли может рассчитывать на то, чтобы признаваться респектабельным. Вряд ли он станет уважаемым, причем не только в мире, но что еще гораздо важнее, внутри своей собственной страны. Ведь многие трудности современной российской экономики и политики уходят своими корнями именно в проблему недоверия состоятельному классу со стороны подавляющего большинства российского общества.

Следует также отметить, что коррумпированность чиновничества и рост преступности тоже являются одним из следствий дефицита доверия и моральной силы в нашем

обществе. Россия станет процветающей лишь тогда, когда успех каждого человека станет зависеть не только от уровня его благосостояния, но и от его порядочности и культуры.

* * *

Уважаемые граждане России, уважаемое Федеральное Собрание! Наша страна находится в преддверии юбилея Великой Победы. Она досталась нам огромной ценой. Ценой огромных, неисчислимых жертв.

Солдат Великой Отечественной по праву называют солдатами Свободы. Они принесли миру избавление от человеконенавистнической идеологии и тирании, отстояли суверенитет страны, защитили ее независимость. Мы всегда будем помнить об этом.

Наш народ сражался против рабства, сражался за право жить на своей земле, за право говорить на родном языке, иметь свою государственность, культуру и традиции. Он сражался за справедливость и свободу. Он отстоял свое право на самостоятельное развитие. Он дал нашей Родине будущее. И от нынешних поколений, от нас с вами, зависит, каким оно будет.

Спасибо за внимание.

Текст Послания взят с президентского сайта http://president.kremlin.ru

«Российская газета». 2005. 26 апр.

В.И.ГРИШИН

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЗДАНИЯ НОВОГО СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Практическая реализация положений Федерального конституционного закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» от 17 декабря 2001 г. № 6-ФЗ сегодня является одной из важнейших конституционно-правовых проблем российского федерализма, которая, возможно, на ближайшие десятилетия определит правовой, геополитический и социально-экономический вектор развития федеративных отношений в России.

У членов комитета Государственной Думы РФ по делам Федерации и региональной политике эта проблема вызывает особый интерес еще и потому, что именно в его недрах в период 1998—2000 гг. зарождалась и совершенствовалась концепция вышеназванного законопроекта. Судьба закона была непростой: до его подписания в декабре 2001 г. Президентом РФ, он был отклонен Советом Федерации. Кропотливая работа по совершенствованию его правовых норм велась в рамках двухсторонней согласительной комиссии. Одним из принципиальных разногласий был вопрос: каким образом в составе Российской Федерации может образовываться новый субъект? Некоторые депутаты Государственной Думы (в первую очередь представители фракции СПС) были ярыми сторонниками того, чтобы новые субъекты Российской Федерации могли образовываться в результате как объединения, так и разделения («дробления») ныне существующих субъектов федерации. Пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить оппонентов в

ГРИШИН Виктор Иванович, Председатель комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по делам Федерации и региональной политике, кандидат экономических наук.

политической и экономической нецелесообразности «дробления» и без того большого количества субъектов РФ. И сегодня, когда закон начал воплощаться в реальную жизнь в конкретных регионах, мы еще раз убеждаемся в правильности выбранной позиции. Речь идет о принятом в марте 2004 г. Федеральном конституционном законе «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа». Об этом свидетельствуют и интеграционные процессы, происходящие в Красноярском крае, Таймырском (Долгано-Ненецком) и Эвенкийском автономных округах.

Однако и по сей день в научных кругах и средствах массовой информации продолжаются жаркие споры о путях совершенствования федеративных отношений, оптимизации административно-территориального устройства России. Вариантов, прогнозов и различных предложений — великое множество. Одни авторы предлагают чуть ли не наполовину сократить количество субъектов Российской Федерации. У других — совершенно противоположная точка зрения. По их мнению, когда существует небольшое количество крупных административно-территориальных единиц, то при современном разграничении прав и полномочий между федеральным центром и регионами руководители субъектов федерации приобретают настолько большой политический вес, что это может угрожать устойчивости и территориальной целостности государства. Существует множество других версий и подходов.

И все же возникает далеко не праздный вопрос: как относиться к многочисленным предложениям, подчас диаметрально противоположным? Представляется, что подходить к этому вопросу формально-механически (укрупнить, объединив, или сократить, разъединив) нельзя. По нашему мнению, каждый случай объединения субъектов федерации является индивидуальным, преследующим конкретные цели, мотивирующие совершение этого действия. В основе образования новых субъектов федерации должен быть заложен принцип совершенствования государственного управления. Это подтверждается и проводимой в настоящее время административной реформой, изменением законодательства

по разграничению полномочий, работой, проводимой по совершенствованию федеративных отношений и местного самоуправления. Все это должно быть направлено прежде всего на ускорение социально-экономического развития объединяющихся субъектов федерации и в итоге на повышение уровня жизни населения. Выражаясь фигурально, вопрос, что называется, должен «созреть» (как например, в Пермской области и Коми-Пермяцком автономном округе). Отсюда и появился «именной» федеральный конституционный закон об образовании Пермского края. Анализ позитивных и проблемных аспектов годичного опыта реализации федерального конституционного закона об образовании нового субъекта России — Пермского края, еще предстоит сделать.

У «первопроходцев» объединения есть и последователи. Еще в декабре 2004 г. в Государственную думу поступило уведомление от Президента РФ В.В.Путина о полученном им предложении руководителей органов государственной власти Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) и Эвенкийского автономных округов об образовании нового субъекта Российской Федерации в результате объединения этих субъектов федерации (17 апреля 2005 г. проводен референдум по этому вопросу).

В настоящее время в рамках предварительных согласительных процедур на различных стадиях развития происходят договорно-интеграционные процессы в Иркутской области и Усть-Ордынском Бурятском автономном округе, Тюменской области и Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах, Камчатской области и Корякском автономном округе. Следует отметить, не все идет легко и гладко. Проводится серьезная работа по поиску наиболее оптимальных вариантов, достижению компромиссных решений, сближению различных точек зрения.

С вступлением в силу Федерального закона от 4 июля 2003 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“» и поправок к Бюджетному кодексу автономные округа теряют часть своих полномочий, в том числе по

вопросам финансового наполнения бюджета территории. Это, по сути дела, инициирует начало процесса слияния регионов Российской Федерации.

Экономическая целесообразность объединения Красноярского края с автономными округами не вызывает сомнения (прежнюю целостность обретает некогда единый край). Мы разделяем точку зрения многих специалистов о том, что дробление Красноярского края в период «парада суверенитетов» было исторической, политической и экономической ошибкой, которую надлежит исправлять. Объединение создаст условия для укрепления нарушенных хозяйственных связей, устранит административные барьеры, сдерживающие экономическое развитие. Появятся новые возможности развития производственной инфраструктуры, усиления кооперационных связей, развития предпринимательства. Возрастет эффективность управления экономикой, будут созданы условия преодоления неравномерности развития территорий, повысится инвестиционная привлекательность края, его конкурентоспособность.

Процесс гармоничного, комплексного объединения региона займет 3 года и будет сопровождаться рядом обязательных условий. Прежде всего объединение произойдет только при сохранении достигнутого уровня жизни населения, а также сохранении на переходном этапе существующих федеральных трансфертов, ежегодный объем которых составляет 2 млрд руб.

Необходимая финансовая поддержка в переходный период окажет значительную помощь в решении проблемы бюджетной обеспеченности Таймыра и Эвенкии. Сегодня эти регионы являются дотационными территориями. Им оказывается значительная финансовая помощь со стороны федерального бюджета в рамках межбюджетных отношений. Безвозмездные перечисления по Таймыру и Эвенкии в 2004 г. составили 35 и 45 тыс. руб. на 1 чел. соответственно, тогда как по краю эта цифра равняется 340 руб. В связи с таким значительным объемом финансовой помощи, по нашим расчетам, бюджетная обеспеченность на Таймыре выше краевой в 5 раз, а в Эвенкии — почти в 15 раз. И это при том, что численность населения в округах составляет 1,3 и 0,6 % от краевой. В валовом региональ-

ном продукте Красноярского края доля Таймырского и Эвенкийского автономных округов составляет соответственно 1,1 и 0,3 %, объем производства продукции — 0,15 и 0,26 %, объем строительно-монтажных работ — 3,7 и 1,4 %. Такие показатели говорят о необходимости наращивания экономического потенциала округов, создании их эффективной экономики. Объединение этих субъектов федерации преследует именно эти цели.

Факторы экономической целесообразности объединения территорий округов и края следует рассматривать с точки зрения экономико-географического положения края, их специализации и кооперации, комплексного использования трудовых ресурсов.

Ангаро-Енисейский речной бассейн (исторически функционирующая территория) и Средне-Сибирское плоскогорье (основной природно-ресурсный потенциал региона) составляют основу экономического развития края и дальнейшего оптимального функционирования его территорий как экономической системы с существующей транспортной инфраструктурой. Его специализацией является социально-экономическое развитие территории на базе комплексного использования природных ресурсов. Красноярский край — крупный промышленный центр с мощной энергетической базой, инфраструктурой, индустрией, регион-донор с хорошим кредитным рейтингом и инвестиционным потенциалом. Но для продолжения индустриального развития ему недостает сырьевой базы, которая расположена в округах.

Топливно-промышленный комплекс (ТПК), промузлы, промрайоны — рациональные, экономически эффективные формы организации промышленного производства и комплексного освоения территории края, в том числе северных территорий. В крае эти формы рассматриваются экономически обоснованными и эффективными. Саянский, Канско-Ачинский, Нижне-Ангарский ТПК связаны с жизнедеятельностью округов, отнесенных к районам Крайнего Севера, и являются основным экономическим фактором их объединения с краем. Южные районы производят и осуществляют поставку продовольствия на Таймыр и в Эвенкию, доставка которого из других регионов ледокольным и воздушным транспортом экономически нецелесообразна. Смысл объеди-

нения заключается в том, что округа приобретут производственную и социальную базу развития, а край — природные ресурсы округов, в результате чего ускоренными темпами будет создаваться база интенсивного наращивания экономического потенциала объединенного края.

Существенную помощь в социально-экономическом развитии нового субъекта федерации, превращении его в регион-донор, согласно экономической модели объединения, окажет реализация ряда крупных инвестиционных проектов. К главным из ним относятся освоение Ванкорского нефтяного месторождения с прокладкой трубопровода до порта Диксон, Юрубчено-Тахомского нефтяного и Собинского газового месторождений, окончание строительства Богучанской ГЭС.

Строительство железнодорожной магистрали в Нижнем Приангарье в соответствии с достигнутой договоренностью с ОАО «Российские железные дороги» позволит эффективно осваивать богатейшие лесные запасы, развивать алюминиевое, машиностроительное, деревообрабатывающее и целлюлозно-бумажное, строительное и другие виды производства. Кроме ОАО «РЖД» в реализации крупнейших экономических проектов будут участвовать компании со значительным государственным влиянием в уставной деятельности: нефтяная компания «Роснефть», ОАО «Газпром», РАО «ЕЭС России».

Реализация крупных инвестиционных проектов, согласно экономической модели объединения, позволит значительно увеличить сеть дорог единой территории, будет способствовать развитию транспортной инфраструктуры. В Красноярском крае этот показатель составляет 5,5 км на 1 тыс. км^2, против 32 км от общероссийского. На Таймыре и Эвенкии он исчисляется метрами. Наличие развитой сети дорог определяет не только транспортную доступность региона, но и темпы его социально-экономического развития.

Экономический механизм объединения предполагает внедрение в хозяйственную деятельность бизнеса как с участием государства, так и полностью частного, в том числе создание новых малых предприятий, что будет способствовать поднятию экономического потенциала но-

вого субъекта федерации. Сегодня доля продукции малых предприятий в общем объеме произведенного в крае ВРП невелика и составляет менее 10 %, тогда как в промышленно развитых странах этот показатель достигает 50 %.

Большое социальное значение имеет реализация проекта по переселению жителей северных районов на юг края. В ближайшее время предполагается переселить из районов Крайнего Севера около 10 тыс. чел., и в первую очередь из аварийного и ветхого жилья.

Реализация новых инвестиционных проектов потребует привлечения значительных людских ресурсов. По оценке администрации края, их количество может составить 100 тыс. чел. В крае создана учебная база по подготовке кадров по всем отраслям промышленно-производственного комплекса, однако речь идет о привлечении значительного числа специалистов из других регионов, а также из стран СНГ. Эта позиция руководства края заслуживает, на наш взгляд, одобрения и поддержки.

Справедливо мнение губернатора края о том, что затруднительно сделать Таймыр и Эвенкию самодостаточными территориями. Однако ситуация будет выглядеть иначе при их интеграции в Красноярский край, который «потащит» за собой эти северные территории, что позволит в результате объединения Красноярский край трансформировать в «территорию реального развития».

17 апреля на референдуме население осознанно поддержало идею объединения. Это огромный шаг по пути реальной интеграции, что предполагает разработку проекта федерального конституционного закона об образовании нового субъекта Российской Федерации, который будет вноситься в Государственную думу Президентом Российской Федерации. Кроме того, работа над подготовкой предложений к проекту законопроекта уже ведется. Однако некоторые из положений будущего федерального конституционного закона требуют обсуждения.

Одной из важных и сложных (юридических) проблем является реализация нормы создания в составе нового субъекта в границах территорий Таймырского (Долгано-Ненецкого) и Эвенкийского автономных округов администст-

ративно-территориальных единиц с особым статусом. Дело в том, что в настоящее время в действующем законодательстве, в том числе регламентирующем общие принципы организации местного самоуправления, такой нормы нет. Очевидно, сообща предстоит найти приемлемую форму реализации этого положения, внести соответствующие коррективы в федеральные нормативные законодательные акты, с тем чтобы потом закрепить их в уставе нового субъекта федерации.

Одной из болевых точек при решении проблемы объединения является то, что представители малых народностей автономных округов опасаются потерять свою самобытность. Эти сомнения, безусловно, должны быть развеяны. Не случайно в предварительных предложениях к проекту федерального закона закладываются нормы, обязывающие федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъекта федерации принимать соответствующие меры, необходимые для сохранения национальной самобытности коренных малочисленных народов, развития национального языка и национальной культуры.

Планируется, что новый субъект Российской Федерации будет считаться образованным с 1 января 2007 г. С этой даты и не позднее 31 декабря 2007 г. предполагается установить переходный период.

Существенное значение имеют вопросы функционирования органов государственной власти в переходный период и порядок выборов (формирования) органов государственной власти нового субъекта федерации. Здесь есть особенности, связанные с различными сроками окончания полномочий органов законодательной и исполнительной власти объединяющихся субъектов федерации. Так, например, выборы депутатов Думы Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа состоялись в январе 2005 г. и срок окончания их полномочий — январь 2010 г. 4 марта 2005 г. губернатор Эвенкийского автономного округа по предложению Президента РФ был наделен полномочиями высшего должностного лица и срок его полномочий, согласно Уставу округа, — 5 лет. Но для блага общего дела и губернатор Эвенкии, и депутаты Таймыра готовы сложить

свои полномочия раньше установленных сроков — в декабре 2006 г. Это, безусловно, осознанный, ответственный шаг.

Что касается депутатов Государственной думы, избранных от края и автономных округов, то в проекте федерального закона предполагается, что они будут исполнять свои депутатские функции до окончания срока полномочий Государственной думы текущего созыва. Нынешние члены Совета Федерации будут работать до формирования законодательного и исполнительного органа государственной власти нового субъекта, которые затем и решат, кому представлять субъект в верхней палате российского парламента.

Таким образом, реализация положений закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» осуществляется посредством избирательного выбора регионов для объединения. Определяющее значение при объединении принадлежит объективным территориальным, социально-экономическим, политическим и культурным аспектам.

Поступила 24.03.2005.

А.А.ФОМИН

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЮРИДИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Ситуация, в которой пребывает Россия, выдвигает в число первоочередных задачу обеспечения безопасности личности, общества и государства. Проблема безопасности является ключевой для любого общества. Она «коррелируется с национальными интересами и приоритетами, которые требуют чрезвычайно серьезного отношения и власть предержащих, и общества в целом во все времена»[1] В России вопросы безопасности стали активно разрабатываться с конца 80-х гг. XX в., когда резко обострились негативные процессы, ставящие под угрозу существование основополагающих социальных ценностей. Оставшись экономически и социально ослабленной после распада СССР, Россия не располагает сегодня потенциалом, способным гарантированно обезопасить ее демократические преобразования от всех возможных угроз и кризисных состояний.

В условиях современной российской действительности обеспечение безопасности государства заключается в защите конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России, установлении политической, экономической и социальной стабильности, безусловном исполнении законов и поддержании правопорядка, развитии международного сотрудничества на основе партнерства[2]. Актуальность и значимость проблемы безопасности Российского государства актуализируется осуществляемой в последнее время политикой укрепления вертикали власти, ограничения сепаратизма региональных псевдоэлит, стремившихся на «суверенных» территориях проводить соб-

ФОМИН Алексей Александрович, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Пензенского государственного университета, кандидат юридических наук.

Заказ № 2152

ственную «политику безопасности», активно вторгаясь в сферу интересов и компетенции федерального центра.

Обострение этих проблем обусловлено прежде всего объективными факторами политико-экономического и правового развития страны[3] Имеется в виду то, что одним из негативных последствий политического, социально-экономического, административного, судебно-правового реформирования Российской Федерации явилось резкое ослабление ее государственности в конце 90-х гг. XX в. Страна превратилась в достаточно аморфное образование, состоящее из неравноправных между собой, часто авторитарных анклавов. В результате Россия столкнулась с очень сложными проблемами, связанными с разрывом единого конституционно-правового пространства.

В связи с этим, а также своеобразной формой государственно-территориального устройства Российской Федерации, в системе ее юридической безопасности особая роль принадлежит обеспечению федеральной конституционной безопасности.

Проблема федерализма в Российской Федерации является ключевой в деле организации эффективно функционирующей государственной власти. Приоритетный характер этой проблемы вытекает из многонационального и многоконфессионального характера России как государственного образования, развитие которого неоднократно сталкивалось с противодействием сепаратистов различного уровня.

Этнические различия в государстве стали благоприятной почвой для акцентирования региональной политической элитой проблем местного характера вплоть до игнорирования интересов единого целого, которым является Россия. Кризисы и разногласия обострились в условиях демократического общества, что поставило государство перед весьма нелегким выбором: или возвращение к жесткому централизованному государству, или распад России, или же (и это наиболее предпочтительный вариант) построение новых федеративных отношений, которые смогли бы уравновесить местный и центральный векторы власти без явных перекосов в ту или иную сторону[4]

За последнее десятилетие развитие федеративных отношений в России стало объектом пристального внимания

многих исследователей в области права, политологии, этнологии и экономики. Среди них можно назвать работы Р.Г.Абдулатипова, Л.Ф.Болтенковой, С.Д.Валентея, Н.П.Медведева, И.А.Умновой, М.В.Золотаревой и др.[5] В процессе научного поиска выявилось широкое разнообразие взглядов на развитие российского федерализма. Это и эклектизм российской модели федеративного устройства, и ее асимметричность (экономическое и политическое неравноправие), и сложность взаимоотношений между центром федерации и ее субъектами, и чрезмерная численность субъектов РФ, и спорный характер национально-территориального подхода к выделению субъектов, а также множество иных аспектов.

Перспективной задачей строительства российской государственности является формирование такой модели федеративных отношений, которая обеспечит устойчивость Российской Федерации, целостность и сохранность государства. Однако, к сожалению, Конституция РФ содержит элементы неразвитых и несовершенных качеств государственности. Именно с этих позиций следует рассматривать асимметричность российского федерализма. Думается, что асимметричность Российской Федерации в немалой степени представляет собой не объективный, а искусственно созданный феномен, порожденный политикой подмены объективных критериев субъективными, правовых рычагов политически конъюнктурными шагами[6]

В мировой практике имеют место асимметричные федерации, когда разные и одинаковые по государственно-правовой природе субъекты наделяются разными правами, но нигде в мире не встретить формулу — разные по государственно-правовой природе субъекты федерации имеют равный статус. Можно ли совместить несовместимое? Разная природа предполагает разный статус. Таким образом, российская конституционная формула построена на логической ошибке. Как бы ни ломали сегодня юристы голову над объяснением равноправия разных по статусу субъектов федерации (ст. 5 Конституции РФ), предлагая парадигму «равноправие не есть равенство», и юридически, и фактически Россия состоит из неравноправных по статусу субъектов федерации.

В научной литературе существует несколько подходов к характеристике юридической сущности субъекта федерации: субъект федерации — это государство; государственное (государствоподобное) образование; государственная автономия; некоторые субъекты федерации — государства, другие — государственные образования (этот подход, присущий российской литературе по конституционному праву, связан со своеобразием российской Конституции)[7]

Разнородность государственно-правовой природы субъектов федерации остается серьезным фактором дестабилизации России. Проведение политики дифференциации провоцирует новые конфликты между федеральным центром и субъектами федерации. Здесь опасность заключается прежде всего в том, что ущемленные в статусе субъекты федерации готовы в любое время на новый «бунт» регионов и сепаратизм.

Принцип равноправия субъектов РФ, закрепленный в ч. 1 ст. 5 Конституции РФ, означает намерение строить симметричную федерацию. Однако уже в соответствии с ч. 4 этой же статьи данный принцип может толковаться иначе: оказывается, субъекты равноправны между собой, но только во взаимоотношениях с органами федеральной власти. Здесь заложено определенное противоречие. Например, республики в составе федерации вправе устанавливать свои государственные языки, иные субъекты этим правом не наделены (ч. 2 ст. 68 Конституции РФ). Республика имеет свою конституцию, иные субъекты — устав (ч. 2 ст. 5)[8]. В мировой практике право принятия уставов традиционно закрепляется за территориями местного самоуправления, поэтому предоставление такого права субъектам федерации (не республикам) позволяет предположить различия между конституциями и уставами субъектов федерации по их природе, хотя таких различий, исходя из принципа равноправия субъектов федерации, не должно быть. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что способы принятия конституции и устава субъекта федерации отличаются. Если, согласно ст. 66 Конституции РФ, республики наделены правом самостоятельно определять способ принятия их конституций (референдумом, законодательным органом, специально создаваемым органом и т.д.), то другие субъекты федерации ограничены правом

принятия устава только их законодательным органом. В результате республики в составе России, порой едва различимые на карте, имеют относительно полную атрибутику государственности — полноправные высшие органы власти, конституции и пр. В то же время огромные регионы в Сибири, на Дальнем Востоке по-прежнему должны довольствоваться наличием лишь статуса «полугосударства».

Среди субъектов федерации, не являющихся республиками, также нет равенства в статусе. Конституция РФ не разрешила проблему вхождения автономных округов в состав области, края. Все автономные округа, за исключением Чукотского, по-прежнему считаются существующими в составе соответствующих краев, областей РФ. Факт вхождения имеет определенные последствия и неизбежно сужает круг прав субъекта федерации, входящего в состав другого субъекта федерации.

Главными целями защиты российского федерализма являются недопущение трансформации федеративных отношений в России в конфедеративные или унитарные; обеспечение приоритетности федеральных законодательных актов и совершенствование на этой основе нормативно-правовой базы федерального и регионального уровня; формирование и реализация региональной политики, обеспечивающей оптимальный баланс интересов регионов и всего государства как единого целого; развитие федерального механизма выявления и пресечения антиконституционных и сепаратистских движений и выступлений; проведение взвешенной и сбалансированной национальной политики.

Недостаток сегодняшнего федеративного устройства России состоит в том, что оно установлено исключительно сверху. Перечень прав субъектов федерации определяется федеральной властью. Между тем реальный федерализм требует обратного порядка — субъекты федерации должны наделять федеральную власть определенным перечнем полномочий, за рамки которого эта власть выходить не может. Не Россия (89 субъектов федерации) должна обслуживать федеральную власть, а наоборот — федеральная власть должна служить России[8]

Совершенствование федерализма сегодня требует решения и ряда этнических проблем. Следует отдавать себе отчет в том, что проведение национально-территориаль-

ного принципа государственного строительства приведет в полный тупик. На территории России потенциально может возникнуть около 150 этнически «чистых», следовательно, амбициозных государств. Альтернативой, выработанной мировой практикой, может быть культурная автономия этнических общин.

Произошедшее в начале 90-х гг. XX в. искусственное дробление российской государственности до уровня «суверенных» республик, краев, областей, городов, национальных округов противоречит здравому смыслу, природе государственного суверенитета, полноценному обеспечению внутренней и внешней безопасности страны. Развитие национального языка, культуры, исторических традиций не следует связывать только с государственностью, неоправданно доводить до уровня государственного суверенитета. Ведь государство — политико-правовое образование, несравнимое с его административно-территориальным делением. Государство к тому же призвано обеспечить равные права своих граждан вне зависимости от их национальности. И если исторически отдельные территории складывались на базе одной или нескольких наций (сегодня в России нет ни одного мононационального субъекта), то это не дает оснований отстаивать принцип национальной государственности как панацею от национальных угроз, как единственный способ решения национальных и иных социальных проблем. В мире есть федерации, не связанные с национальными отношениями, есть унитарные государства, где относительно спокойно решаются проблемы национальных меньшинств, хотя в целом XX в. принес обострение национальных проблем в силу ряда причин, требующих особого анализа применительно к конкретным странам и регионам.

Искажение принципа равноправия субъектов Российской Федерации, усиление сепаратизма ведут прежде всего к ущемлению равных и неотъемлемых прав гражданина, прав и свобод личности, угрожают безопасности российского государства. Однако при этом не следует упрощать национальный вопрос, лишать его государственно-правового аспекта или сводить к социально-экономической проблеме (национальный вопрос существует и в странах с высоким уровнем жизни населения и относительно ста-

бильным политическим строем). Национальное самосознание было и остается существенным фактором социального развития, а национальные конфликты — одной из внутренних угроз общесоциальной безопасности.

Таким образом, модель конституционного устройства РФ не является совершенной, поскольку она не дает исчерпывающих ответов на вопросы, связанные со статусом как Российской Федерации в целом, так и ее субъектов. Выстроенная в России федерация асимметрична по своей форме. Еще более этому способствовала сложившаяся на основе ч. 3 ст. 11 Конституции РФ практика заключения договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти ее субъектов.

Практика заключения договоров разделила субъекты федерации на несколько категорий. Во-первых, субъекты федерации разделились на те, правовой основой деятельности которых стала не только Конституция РФ, но и договор, и на субъекты федерации, строящие свои отношения с федеральными органами власти только на основе Конституции РФ. Во-вторых, между субъектами федерации, заключившими с федеральными органами государственной власти договоры, возникли существенные различия в статусе в связи с дифференцированным подходом в определении прав, закрепленных договорами.

Большинство подписанных в 1990-е гг. договоров содержали положения, которые, по сути, в той или иной степени либо изменяли, либо дополняли российскую Конституцию и федеральные законы[9]. Установленные Конституцией РФ предметы совместного ведения перераспределялись в договорах в ведение субъектов федерации, а вопросы, относящиеся к исключительному ведению РФ, — в совместное ведение или даже в ведение субъектов РФ. В результате договоры подрывали принцип равноправия субъектов, часто превращаясь в инструмент политического торга о правах и льготах.

Тенденция разрушения «договорным правом» российской конституционно-правовой системы и вымывание договорами элементов государственного суверенитета РФ представляет серьезную будущую опасность для юридической безопасности России. Между тем проблему сохранения единства

конституционно-правового пространства следует рассматривать как неотъемлемую составляющую юридической безопасности страны и непременное условие существования сильной государственной власти. Многочисленные факты нарушения субъектами федерации принципа верховенства Конституции РФ и федеральных законов создают угрозу единству и целостности страны[10].

Термин «единое правовое пространство» недавно вошел в российский политико-правовой лексикон. Под правовым пространством РФ следует понимать всю совокупность норм правовой системы РФ, действующих на ее территории.

Поскольку основа правовой системы России — Конституция, то единство правового пространства Российской Федерации можно определить как обусловленное федеральной Конституцией состояние согласованности, соотносимости и соподчиненности правовых норм, исходя из их юридической значимости (верховенства)[11].

Механизм обеспечения единства правового пространства должен включать ряд элементов. Во-первых, завершение оформления законодательной базы по наиболее важным конституционно-правовым институтам РФ и ее субъектов, в том числе по вопросу рамок возможного нормотворчества органов государственной власти субъектов федерации, что позволило бы решительно пресечь тяготение отдельных регионов к избыточному суверенитету.

Во-вторых, улучшение качества подготовки нормативно-правовых актов участниками нормотворческого процесса путем повышения их юридической квалификации и совершенствования нормотворческих технологий. Особое значение будет иметь механизм предотвращения коллизий. Именно без их преодоления будет невозможно обеспечить единство и взаимодействие всех элементов правовой системы России.

В-третьих, введение в юридическую практику элементов модельного нормативно-правового регулирования по вопросам совместного ведения РФ и ее субъектов, а также отдельным вопросам местного значения. Будучи составляющим единого правового пространства, каждый уровень нормотворчества имеет свои границы и предмет правового регулирования, характеризуется относительной самостоятельностью, и в то же время все уровни требуют взаи-

мосогласованности и упорядоченности. Как показывает анализ нормотворческой деятельности, одной из причин аморфности единого правового пространства страны является несоблюдение принципа приоритета норм Конституции РФ над иными правовыми нормами, федеральных правовых норм над нормами субъектов федерации. Такое положение дел ставит под вопрос юридическую безопасность государства, дееспособность федерального центра, целостность государства.

В связи с этим абсолютно своевременно предложение о принятии Основ законодательства РФ, закрепляющих общие принципы и цели правового регулирования по вопросам совместного ведения, и разработке проектов модельных (типовых) законодательных актов, которые служили бы основой законотворчества субъектов федерации по отдельным вопросам совместного ведения[12]

В-четвертых, совершенствование системы органов государственной власти, участвующих в совместной деятельности по обеспечению единства правового пространства, их взаимодействия и координации (Минюста, Генпрокуратуры, МВД, Администрации Президента, его полномочных представителей в федеральных округах, судов и др.). К сожалению, до сегодняшнего дня такая деятельность не обрела системного характера из-за отсутствия правового механизма ее осуществления, четкого распределения в нем функций каждого из органов, согласования их совместных усилий.

Существующая конституционная модель российского федерализма не является окончательно завершенной и скорее выступает в качестве переходной формы федеративной организации российского государства в силу содержащихся в ней различных коллизионных норм. Практика федеративных отношений между федеральным центром и субъектами федерации выявила множество государственно-правовых проблем, возникших при реализации норм Конституции России. Среди них можно отметить наиболее принципиальные противоречия: закрепление в конституциях субъектов их государственного суверенитета, фиксация права собственности на недра и природные ресурсы за субъектом федерации, права на заключение международных договоров и соглашений, издание органами государ-

ственной власти субъектов федерации правовых актов, нарушающих Конституцию РФ, неисполнение решений Конституционного суда РФ и иных федеральных судов.

При этом снятие противоречий и коллизий действующей конституционной модели российского федерализма возможно и в рамках конституционного поля нынешнего Основного закона. Одним из методов решения этих проблем может стать разработка новых подходов к ответственности субъектов федерации и их должностных лиц с целью защиты территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации, стабилизации конституционной формы государственно-территориального устройства России[13].

Предпосылкой применения санкций принудительного характера к субъектам федерации выступает государственный суверенитет федеративного государства и отсутствие последнего у субъектов федерации. Следует согласиться с точкой зрения о невозможности разделения, ограничения суверенитета или наличия «двойного» или «дуалистического» суверенитета федерации и ее субъектов, потенциального суверенитета субъектов, т.к. суверенитет как атрибутивное свойство государства, выраженное в верховенстве государственной власти на определенной территории и независимости этой власти от власти иных государств, может принадлежать только единому носителю — федерации. Именно федерация нормирует объем своих правомочий и определяет субъекты в различных сферах общественной деятельности, обладая приоритетом в реализации основных государственных функций.

В силу наличия государственного суверенитета только у федерации органы государственной власти федеративного государства имеют право использовать особые процедуры для понуждения органов власти субъектов федерации выполнять обязанности, содержащиеся в предписаниях норм федерального права, т.е. обеспечивать реализацию и защиту суверенитета федерации и единство государственной власти на территории федеративного государства.

Мировой практике федерализма известны такие санкции, как отстранение от должности высшего должностного лица — главы исполнительной власти субъекта федерации; роспуск или приостановление деятельности высшего

законодательного органа государственной власти субъекта федерации; отмена или приостановление действия актов органов власти субъекта федерации органами государственной власти федерации, либо признание недействительными актов органов власти субъектов федеральными судами по обращениям органов власти федерации; временное перераспределение или изъятие предметов ведения и полномочий (как правило, конкурирующих) исключительно в пользу органов государственной власти федерации; назначение специального федерального представителя для управления субъектом федерации (прямое президентское или федеральное правление); использование специальных полицейских или военных подразделений в случаях, предусмотренных федеральным законодательством на территории субъекта федерации.

Подобные меры имеют целью оградить федерацию от ситуации, когда федеральное право не применяется на территории отдельных субъектов, не допустить сецессии, пресечь образование в субъектах федерации системы власти, посягающей на признанные федеральной Конституцией демократические принципы (права и свободы личности, единство правового и экономического пространства, разделение властей, гарантии независимости судебной власти, местное самоуправление и др.).

Таким образом, к основным направлениям обеспечения юридической безопасности Российской Федерации относятся укрепление российской государственности, совершенствование федеративных отношений и местного самоуправления; обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия всех органов государственной власти, жесткой вертикали исполнительной власти и единства судебной системы РФ; обеспечение приоритета федерального законодательства и совершенствование на этой основе законодательства субъектов РФ; разработка организационных и правовых механизмов защиты государственной целостности, обеспечение единства правового пространства и национальных интересов России; выработка и реализация правовой региональной политики, обеспечивающей оптимальный баланс федеральных и региональных интересов.

ПРИМЕЧАНИЯ

Статья выполнена по гранту Президента РФ для поддержки молодых российских ученых и ведущих научных школ (грант МК-1688.2004.6)

[1] *Колобов О.А.* Национальные интересы современной России и экономическая безопасность государства // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. Н.Новгород, 2001. С. 28.

[2] См.: Российская Федерация: 21-й век. Юридическая безопасность страны и ее граждан в правовом государстве (По материалам науч.-практ. конф.) // Государство и право. 2003. № 10. С. 94—101.

[3] См.: *Гончаров И.В.* К вопросу о понятии конституционной безопасности федеративного государства // Государство и право. 2003. № 12. С. 106—107.

[4] См.: *Добрынин Н.М.* Российский федерализм: проблемы и перспективы // Государство и право. 2003. № 11. С. 85.

[5] См.: *Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф.* Федерализм в истории России: В 3 т. М., 1992—1993; *Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф.* Опыты федерализма. М., 1994; *Абдулатипов Р.Г.* Россия на пороге XXI века. Состояние и перспективы федеративного устройства. М., 1996; *Золотарева М.В.* Федерация в России. Проблемы и перспективы. М., 1999; *Медведев Н.П.* Национальная политика России. От унитаризма к федерализму. М., 1993; *Он же.* Становление федерализма в России. М., 1995; *Умнова И.А.* Современная российская модель разделения власти между федерацией и субъектами (актуальные правовые проблемы). М., 1996; Федерализм. Теория. Практика. История / Гл. ред. С.Д. Валентей. М., 1996—2002; Федеративное устройство России. История и современность / Гл. ред. Н.А. Михалева. М., 1995.

[6] См.: *Умнова И.А.* Конституционные основы современного российского федерализма. М., 2000. С. 89.

[7] См.: *Чиркин В.Е.* О сущности субъекта федерации: традиции и реалии // Государство и право. 2003. № 7. С. 5—9.

[8] См.: *Медведев В.* Опрокинутая пирамида, или Особенности российского федерализма // Российская Федерация. 1997. № 15. С. 35.

[9] См.: *Чертков А.Н.* Проблема договорных отношений между Российской Федерацией и ее субъектами // Право и политика. 2004. № 5. С. 49—60.

[10] См.: *Чайка Ю.* Конституционной безопасности страны нужна активная защита // Законность. 2001. № 4. С. 2—6.

[11] См.: *Сомов С.* Единство правового пространства // Законность. 2001. № 2. С. 30—33.

[12] См.: *Краснослободцева Н.К.* Роль основ российского законодательства в правотворчестве субъектов федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.

[13] См.: *Кондрашев А.А.* Конституционно-правовая ответственность субъектов федерации: вопросы теории и законодательного регулирования в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 4—5.

Поступила 26.10.2004.

И.В.БАХЛОВ

О.В.БАХЛОВА

ФЕДЕРАТИВНАЯ ИДЕЯ В КОНЦЕПЦИИ ИНТЕГРАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Для постсоветской России, избравшей в качестве доминирующей стратегию позиционирования себя как демократического государства, существенное значение имело создание соответствующего внешнеполитического образа. Важной его составляющей должна была стать линия поведения в отношении новых независимых государств и сателлитов СССР — бывших советских республик и государств Центральной и Восточной Европы. В силу исторических, социокультурных и иных долгосрочных факторов и традиций сосуществования, создаваемый образ не мог быть аксиологически нейтральным. В нем причудливым образом переплелись элементы, конструкты и символы прежней имперской идеи, геополитической и духовной миссии России, ее ориентации на строительство реального федерализма, с одной стороны, актуализированные практическими потребностями, с другой — часто воспринимавшиеся

БАХЛОВ Игорь Владимирович, докторант кафедры страноведения Мордовского государственного университета.

БАХЛОВА Ольга Владимировна, докторант кафедры регионоведения и политологии Мордовского государственного университета.

как анахронизм или необоснованные притязания в результате утраты Россией сверхдержавного статуса и появления серьезных сомнений в ее ведущей роли на пространстве бывшего Советского Союза. Эти обстоятельства существенно повлияли на разработку и эволюцию российской концепции интеграции/реинтеграции постсоветского пространства.

Характерные черты российской позиции базировались на исходных установках новой внешнеполитической доктрины, получившей условное название «доктрина Козырева», в основе которой находилась концепция «общих ценностей». Была провозглашена задача формирования «принципиально новой стратегии межгосударственных отношений», основанной «на принципах равноправия и взаимной выгоды». В российской концепции указывалось и на неприятие имперской политики или ее элементов («высокомерия» и пр.) новыми независимыми государствами, на их «аллергию» ко всему, что «напоминает прежнюю зависимость от союзных структур»[1] Вместе с тем обнаружилась определенная противоречивость российского подхода к имперской политике.

Во-первых, категорическое, принципиальное неприятие «имперских» традиций СССР сочеталось с фиксацией континуитета России по отношению к Советскому Союзу — позиционированием (и соответствующим закреплением в официальных документах внутри- и внешнеполитического характера) себя как государства-продолжателя СССР, осуществляющего его «права и обязанности на мировой арене», перешедшие к России. Во-вторых, отказ от «имперского высокомерия и эгоцентризма» не означал отказа от попыток утвердить пространство бывшего СССР как сферу исключительных интересов России и обозначить ее роль как лидера СНГ. Рудименты эгоцентризма прослеживались, например, в «Основах Концепции внешней политики России» 1993 г., «Стратегическом курсе России с государствами — участниками СНГ» 1995 г. и особенно — в проекте доктрины политики России в отношении СНГ 1994 г. Справедливо замечание А.В.Кортунова, что сама российская политика претендовала одновременно и на отрицание советского опыта, и на его наследование[2]. В связи с этим заметим, что федеративная идея, безусловно, входила с

ним в противоречие и не была органична прежней пространственно-символической композиции исторического пространства.

Сразу же после распада СССР появились оптимистичные взгляды на будущее постсоветского пространства в плане его реинтеграции. Так, по мнению А.Богатурова, М.Кожокина и К.Плешакова, с созданием СНГ Россия взяла на себя роль союзных структур: «посткоммунистические националисты» тем самым проголосовали против одномоментной отмены «союзного ига»[3]. Оптимизму в определенной степени способствовали положения учредительных документов СНГ, в которых провозглашалась приверженность сотрудничеству в формировании общего экономического пространства, сохранении объединенного командования военно-стратегическими силами и др. В то же время Алма-Атинская декларация от 21 декабря 1991 г. констатировала, что Содружество не является «ни государством, ни надгосударственным образованием»[4]. Отношения между государствами — участниками СНГ, как предусматривалось учредительными документами, носили международно-правовой характер; каждое государство полностью сохраняло свой суверенитет и международную правосубъектность.

В дальнейшем, по словам Ю.В.Шишкова, «изначальное стремление руководства большинства постсоветских государств сохранить позитивные элементы...» нашло свое воплощение в ряде многосторонних соглашений — преимущественно в экономической сфере (Договор об Экономическом Союзе 1993 г., Соглашение о платежном союзе 1994 г. и пр.)[5] В основном на экономических аспектах интеграции акцентировалось внимание в проекте Евразийского Союза Н.А.Назарбаева (1994 г.). Исходя из поливариантности интеграции, разных темпов, неоднородности и разновекторности в развитии государств, настоятельной потребности в формировании нового экономического порядка в СНГ, предлагалось создание дополнительной интеграционной структуры — Евразийского Союза, сочетающегося с деятельностью Содружества и обладающего наднациональными политическими и экономическими органами[6].

Естественно, экономическая интеграция была необходима с точки зрения обеспечения выживания новых независимых государств, одновременно она имела относительно

нейтральный оттенок применительно к возможному российскому «неоимпериализму». Не случайно Н.А.Косолапов, ссылаясь на мнения американских представителей Госдепартамента и министерства обороны США, подчеркивает, что Соединенные Штаты могут еще примириться с экономической реинтеграцией постсоветского пространства (при условии ее добровольности и рыночной основы), но с военной и политической реинтеграцией Америка мириться не станет и будет этому противодействовать всеми доступными ей средствами[7]

Со временем появились и умеренно пессимистичные оценки СНГ, по которым Содружество представляется в лучшем случае нечто подобным Священной Римской империи не в самые блестящие ее годы, в худшем — неким «ностальгическим сообществом», вроде Британского Содружества наций. Стал осознаваться тот факт, что СНГ становится «фикцией»[8] Неадаптированность большинства документов, принимаемых в СНГ, к реальной ситуации, отсутствие подлинного интеграционного взаимодействия позволяют согласиться с мнением Ю.В.Шишкова, относящего СНГ к квазиинтеграционным объединениям.

Для предотвращения и амортизации негативных последствий подобных ситуаций, формирования долгосрочных стратегических интересов государств и благоприятных перспектив совместного будущего большое значение имела разработка адаптированной к геополитической ситуации, экономическим возможностям и интересам России и стран СНГ концепции интеграции, позволяющей реконструировать пространство бывшего СССР Первоначально упор делался на «коллективную синхронную интеграцию». В данном случае интеграционная схема основывалась на модели СССР как наиболее знакомой и понятной лидерам новых независимых государств[9]. Вместе с тем эта модель в представлении бывших советских республик во многом носила негативный отпечаток, что, вкупе с негативным образом России как возможного «неоимпериалиста» и объективными факторами (различиями в уровне экономического и социального развития и т.п.), делало ее трудноосуществимой на практике. Иногда в любых идеях интеграции усматривалось потакание «реваншизму» России. Появились альтер-

нативные проекты: некоторые из них приоритет отдавали учету национальных интересов стран СНГ и предполагали формирование на этой основе новой, «европеизированной доктрины» постсоветской интеграции, другие — апеллировали к историческому опыту совместного проживания, социокультурным связям, геополитической роли России. Интеграция постсоветского пространства понимается здесь более широко — как интеграция евразийского пространства. С этих позиций были разработаны новые модели интеграции: модель европейской или европеизированной интеграции — «горизонтальной» интеграции, представляющей либерально-демократическую форму интеграции; модель «ядра» или «центра», отражающаяся в концепциях «восточнославянского ядра» (Россия, Белоруссия, Украина) и «геополитического пространства притяжения», где в роли центра выступает Россия.

И в первом, и во втором случаях подчеркивается необходимость добровольности объединения, но в рамках второй модели отмечается возможность сохранения вертикальной составляющей и «подспудной тенденции к авторитаризму» со стороны России, объясняемой условиями объективной реальности: «в целом принуждать к интеграции... должна не Москва, а объективные обстоятельства и субъективное сознание их значения и последствий»[10] В дальнейшем произошло соединение элементов обеих моделей, когда Россия и Казахстан, наиболее активно выступающие с идеей развития интеграции, в качестве образца переняли модель Европейского Союза с концепцией «разноскоростной и многоуровневой интеграции» и акцентом на экономическую основу, но с некоторой евразийской спецификой.

Оставляя в стороне экономические аспекты интеграции, рассмотрим ее политические составляющие, связанные с решением нескольких взаимосвязанных проблем, в первую очередь вопросы лидерства, формы и характера возможного объединения постсоветских государств. Имперский проект в силу объективной реальности и доминирования негативного образа России в новых независимых государствах не имел много сторонников. Однако официальный Кремль, несмотря на заявления об особых интересах и ведущей роли России на постсоветском пространстве, ни-

когда не выносил его на обсуждение и не претендовал на роль имперского центра.

В политическом дискурсе России имперские проекты были достаточно маргинальными. Они выдвигались преимущественно радикально настроенными авторами; на них оказывали большое воздействие их политические ориентации. При этом в некоторых имперских и квазиимперских проектах, базирующихся на геополитических интерпретациях роли России, обнаружилось парадоксальное переплетение элементов нескольких форм территориальной организации постсоветского пространства.

«Новые евразийцы» (А.Дугин и др.), анализируя императивы «большого пространства», оформленного в гибкую политическую структуру «имперско-федерального типа», приходят к выводу о его исключительной целесообразности вообще и в постсоветский период в частности. Именно «большое пространство» должно компенсировать многообразие этнических и государственных волеизъявлений, служить своего рода беспристрастным арбитром и регулятором возможных локальных конфликтов. На этой основе предлагается проект Восточного Евразийского блока Федеральной империи, которая, скорее всего, захватит в свое «силовое излучение» дополнительные территории. Эта империя, по мнению А.Дугина, должна не только стратегически и пространственно превосходить предшествующий вариант (СССР), но и быть евразийской, великоконтинентальной, а в перспективе — мировой. Таким образом, Россия и русский народ адекватно распорядятся своей судьбой и «вырвут» у истории свое политическое самоутверждение: ведь Россия — это «Большое Пространство, и Великую Мысль носит народ ее в своей гигантской континентальной евразийской душе». Создание СНГ рассматривается как стадия нового процесса — евразийской интеграции, призванной переломить процесс стратегического распада евразийского пространства. Поворот к «новой интеграции» относится к началу «эпохи Путина»[11].

С точки зрения либеральных демократов «добровольный отказ России от своей державной роли» после распада СССР означает не вхождение в мировое сообщество цивилизованных наций, а «скатывание до уровня

Доминиканской республики». Утрата Россией понимания своего геополитического предназначения (функций буфера, посредника и держателя равновесия между Востоком и Западом) приводит к «роковому нарушению баланса сил в Евразии» и за ее пределами. Выходом в данном случае видится не воссоздание империи, а раздел сфер влияния по принципу «север — юг» с включением в сферу влияния России Афганистана, Ирана, Турции. Кроме того, представляется необходимым «объединение славянства». Как утверждает В.В.Жириновский, Россия должна вновь взять на себя роль защитницы и покровительницы славянства и попытаться в той или иной форме создать Славянский Союз, который «поможет всем нам сохранить независимость и культурную самобытность»[12] Другой представитель ЛДПР — А.В.Митрофанов — утверждая, что никакого славянства нет, есть «три ветви русского народа: великороссы, белорусы и малороссы», пропагандирует доктрину «русского национального эгоизма». Говоря о бесполезности, недееспособности и, во многих отношениях, вредности СНГ для России, он призывает к переходу на систему двусторонних отношений с бывшими союзными республиками. В то же время он признает желательность немедленного создания российско-белорусского союза, в идеале — по германскому варианту: никаких конфедераций, белорусские области должны войти в состав России. При этом, правда, отрицается имперский путь: «это нельзя делать по образу империи»[13]

Идея восстановления Советского Союза уже к середине 1990-х гг. утратила свою актуальность: она время от времени поддерживалась отдельными представителями левого крыла КПРФ, Национально-республиканской партией и др. Преобладание получили различные варианты концепции «особой роли и ответственности России», имеющие отношение как к глобальным, так и региональным внешнеполитическим приоритетам (постсоветское пространство, Евразия).

Более реальными и соответствующими новой демократической внешней политике России выглядели концепции, предусматривавшие конфедеративную или федеративную

основу реинтеграции. Их условно можно разделить на националистические, исходящие из этнического признака (федеративное объединение России, Белоруссии, Украины и Северного Казахстана), более умеренная версия — формирование славянского или восточно-славянского союза (Россия, Украина, Белоруссия, или Россия и Белоруссия), а также либерально-космополитические, базирующиеся на признании исторической и геополитической общности народов бывших советских республик (создание Евразийского Союза). Кстати, СНГ, инициированное Россией, Украиной и Белоруссией, на первом этапе своего существования рассматривалось иногда как «содружество славянских государств». Сами инициаторы заявляли об открытом характере Содружества, что фиксировалось и учредительными документами[14]. Идея создания «славянского» или «азиатского» союзов отвергалась С.М.Шахраем, т.к. «этнические» объединения изжили себя. По его убеждению, генеральная линия новой реинтеграции — «евроазиатская конфедерация»[15].

В развитии политики России в рамках «славянского треугольника» А.Мошес выделяет три периода: 1) 1990—1994 гг. — дезинтеграционная стадия, на которой господствовала динамика распада; 2) 1994—1999 гг. — переход от завышенных ожиданий к застою и одновременный рост реинтеграционной эйфории; укрепление донорской модели экономических связей с Украиной и, в меньшей степени, с Белоруссией; 3) с 1999 г. — умеренно-прагматическая стадия, характеризующаяся попыткой России вернуть инициативу, уменьшить субсидирование обеих славянских республик, сохраняя союзные отношения с Белоруссией и снижая уровень конфликтности с Украиной[16]

Отношения с Белоруссией и Украиной развивались по схожему «сценарию»: они имели скачкообразный, пульсирующий, конъюнктурный характер, обусловленный значительной ролью политических факторов — не только настроениями общества и элит Украины и Белоруссии, как считает А.Мошес, но и динамикой российских внутриполитических процессов; для всех сторон наиболее важными были электоральные циклы. Именно в период выборов в славянских государствах достигали кульминации заверения в дружбе и решимости к тесному сотрудничеству. Вместе

с тем в российско-белорусском взаимодействии, в отличие от российско-украинского, можно выявить интеграционный аспект. Модель двусторонней интеграции складывалась на протяжении 1990-х гг. (Договор о Таможенном союзе 1995 г., Договор о создании Сообщества России и Белоруссии 1996 г., Договор о создании Союза Беларуси и России 1997 г.) и формально была закреплена с подписанием Договора о создании Союзного государства в 1999 г. Главной характеристикой процесса эволюции этой модели, на наш взгляд, является переход от конфедеративного характера Союза к особой форме устройства Союзного государства, сохраняющей черты конфедерации и имеющей некоторые признаки федерации. Еще до подписания Договора 1999 г. высказывалось предложение придать российско-белорусскому объединению федеративный характер[17].

Главным вопросом наряду со сложностью реализации структурных характеристик Союзного государства, оформления его территориального устройства, субъектного состава, вероятно, остается проблема Центра: будет ли он двусубъектным, либо в роли Центра все же утвердится Россия, достаточно жестко демонстрирующая свои намерения в эпоху Путина.

Некоторое «подтягивание» Украины к интеграционному взаимодействию произошло только в начале XXI в., когда она на некоторое время получила символический пост председателя СНГ и подписала Соглашение о Едином экономическом пространстве (ЕЭП). Но это уже не Славянский союз (в ЕЭП входит и Казахстан) и не политическое, федеративное, а экономическое образование.

К настоящему времени сложилась вполне сформировавшаяся концепция интеграции постсоветского пространства, разделяемая и Россией. В ее основу был положен синтез элементов нескольких, ранее предлагавшихся проектов, в том числе Евразийского Союза. Созданные или трансформированные из прежних объединения имеют либо наднациональные признаки (Союз России и Белоруссии, Евразийское экономическое сообщество — ЕврАзЭС), либо — экономическую ориентацию (ЕЭП, ЕврАзЭС) и в большинстве своем — евразийский характер. «Европеизированная» доктрина интеграции была существенно пересмотрена.

Акцент на экономической основе в рамках так называемого свежего подхода в противовес приоритетности политических факторов начала 1990-х гг., на равной заинтересованности государств-участников, переход к многоформатности интеграционного взаимодействия и разным скоростям подключения к интеграционным процессам («елочный механизм») в то же время не означают абсолютно горизонтального характера интеграции. Например, в ЕврАзЭС принята система «взвешенного голосования», когда количество голосов в постоянно действующем органе (Интеграционном Комитете) распределяется в зависимости от вклада в бюджет организации, т.е. от экономического веса государства-участника.

Достаточно целесообразной в сложившейся ситуации представляется концепция «державы — необходимости» Я.Шимова. Он предполагает, что «постимперское государство», каковым является Россия, должно проводить маневренную, прагматичную внешнюю политику, ориентируясь на свое геостратегическое положение и сохраняя равноудаленность от основных полюсов внешнеполитического притяжения[18].

Для демократической, федеративной России, апеллирующей к принципам международного права, разумеется, лучшей альтернативой будет не воссоздание империи, а сохранение геополитического контроля в Евразии и сферы влияния на постсоветском пространстве, где она должна подтвердить свою историческую роль Центра и статус интеграционного ядра. В целом российская концепция интеграции становится более диверсифицированной. «Свежий» экономический подход уравновешивается вниманием к политическим и военно-политическим аспектам интеграционных процессов на субрегиональном уровне и в рамках Содружества: возвращение поста председателя в СНГ, разработка проекта реформирования исполкома и создания Совета безопасности осуществляются параллельно с ратификацией Соглашения о ЕЭП, присоединением к Центрально-азиатскому экономическому сообществу (ЦАЭС) и пр. Думается, что диверсификация российских усилий объясняется главным образом прагматичной интерпретацией геополитического плюрализма в Евразии и прежнего

опыта квазиинтеграционного взаимодействия. Вместе с тем развенчивание многих «фантомных державных комплексов» не означает автоматического усиления федеративной идеи. Ее реализация затруднена рядом обстоятельств политического, правового и иного характера, не в последнюю очередь — позицией соответствующих политических акторов. Виртуально она присутствует в российско-белорусских отношениях, и в обозримом будущем возможно воплощение некоторых ее элементов только на этом направлении. Но теоретически и практически, и к этому подталкивают объективные факторы, Россия будет вынуждена на постсоветском пространстве (как в плоскости интеграционных процессов, так и межгосударственных взаимоотношений) руководствоваться принципом «множество в единстве», характерным для федерализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Основные положения Концепции внешней политики Российской Федерации 1993 г. // Внешняя политика и безопасность современной России: Хрест. Т. 4. М., 2002. С. 20, 35.

[2] См.: *Кортунов А.В.* Дезинтеграция Советского Союза и политика США. М., 1993. С. 37.

[3] См.: *Богатуров А., Кожокин М., Плешаков К.* После империи: демократизм и державность во внешней политике России. М., 1992. С. 7—8.

[4] Алма-Атинская декларация глав независимых государств // Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992. С. 500.

[5] См.: *Шишков Ю.В.* Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. М., 2001. С. 392.

[6] См.: *Назарбаев Н.А.* Проект формирования Евразийского Союза государств // Особая папка НГ. 2000. № 8. С. 5.

[7] См.: *Косолапов Н.А.* Об исканиях и противоречиях неоимперского сознания // Восток. 2003. № 3. С. 108.

[8] См.: *Салмин А.М.* Россия, Европа и новый мировой порядок // Полис. 1999. № 2. С. 10—31.

[9] См.: *Тимченко С.А.* К вопросу о реинтеграции постсоветского пространства // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2002. № 6. С. 116.

[10] *Бериташвили Д.* Судьбоносные будни // Дружба народов. 2004. № 3. С. 175; *Дегоев В.* Апология мифа. России нужно обрести себя, чтобы не быть обретенной другими // Дружба народов. 2004. № 6. С. 159—160.

[11] См.: *Дугин А.* Карл Шмитт: пять уроков для России // Наш современник. 1992. № 8. С. 130—133; *Он же.* Философия войны. М., 2004. С. 208—209.

[12] *Жириновский В.В.* Последний бросок на юг. М., 1993. С. 71—72; *Он же.* Политический ландшафт России. М., 1995. С. 42—45.

[13] *Митрофанов А.В.* Шаги новой геополитики. М., 1997. С. 161—162, 169.

[14] См.: *Рыжков Н.* Политически недальновидный шаг // Несостоявшийся юбилей... С. 493; *Шушкевич С.* За содружество, а не развал страны // Там же. С. 491.

[15] Цит. по: *Шаклеина Т.А.* Российская внешнеполитическая мысль: в поисках национальной стратегии. М., 1997. С. 73.

[16] См.: *Мошес А.* Славянский треугольник. Украина и Белоруссия в российской внешней политике 90-х годов // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 1/2. С. 109—110.

[17] См.: *Бабурин С.* Нам нужна российско-белорусская федерация // Независимая газета. 1997. 26 марта.

[18] См.: *Шимов Я.* Россия как необходимость. Повторит ли Российская Федерация судьбу Австро-Венгерской монархии? // Свободная мысль — XXI. 2002. № 7. С. 69, 76.

Поступила 09.11.2004.

Г.Н.НУРЫШЕВ

РОЛЬ ЕДИНОГО ДУХОВНОГО ПРОСТРАНСТВА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ РОССИИ

Без единого духовного пространства как важной составляющей территориальной целостности страны нельзя говорить о России как субъекте мировой геополитики. Политические процессы 90-х гг. XX в. в России актуализировали проблему деградации единого духовного пространства в стране. Субъекты федерации все больше начали дистанцироваться от федерального центра, чему способствовали прежде всего высокие транспортные тарифы и издержки. Более того, Москва в общественном сознании регионов постепенно начала трансформироваться в источник бед, неурядиц и катаклизмов. Местные проблемы затмевали общегосударственные, отсутствие объединяющей национальной идеи, государственной идеологии, системы общенациональных ценностей и духовности делали людей политически, социально пассивными, разобщали их духовно.

В настоящее время сибиряков, дальневосточников все меньше волнуют проблемы Калининградской области или Кавказа. Люди в силу массового обнищания и высоких транспортных тарифов перестают общаться друг с другом[1] В этих условиях жителей в субъектах федерации начинает привлекать идея дистанцирования от России. Вновь актуализируется геополитическое мышление, связывающее возможности государства, регионов с расширением и перераспределением пространств[2]

Возможность отсроченного отрыва регионов от России наиболее ярко высвечивает геополитическая ситуация, связанная с Калининградской областью. Сегодня население

НУРЫШЕВ Геннадий Николаевич, ученый секретарь-консультант Экспертно-консультативного совета Законодательного собрания Ленинградской области, кандидат философских наук, доцент.

области является носителем как западных цивилизационных ценностей, так и российских патриархальных. Балтийская республиканская партия, созданная в 1992 г., прямо заявляет о своей главной цели — создании Балтийской Республики и суверенизации Калининградской области на внешнем направлении, максимально возможной интеграции эксклава с Евросоюзом[3]

Мы потеряли, вполне обоснованно считает В.Д.Голубчикова, член Комиссии по правам человека при Президенте РФ, единое информационное пространство вплоть до Дальнего Востока. Так, 12 северных улусов в Якутии уже не могут подписаться ни на одно периодическое издание: в почтовых отделениях закрыли подписку. Такие примеры в Коми, Чукотке... К тому же стоимость периодических изданий в отдаленных регионах из-за доставки увеличилась многократно[4]. Здесь проблема заключается не только в подписке. В ряде регионов произошла деградация библиотечной сети; жителям многих сел и поселков недоступны новые книги, газеты, журналы, радио, телевидение. К тому же содержание многих современных изданий не отвечает современным требованиям. Так, «характер материалов либеральных СМИ в Российской Федерации по национальной и конфессиональной тематике, по мнению экспертов Госдумы, в целом работает на раскол и дезинтеграцию страны, а не на созидание и объединение»[5]

Стратегически стала опасной для России потеря контроля за почтой в регионах. Если почта станет коммерческой, акционированной, не исключено, что она превратится в инструмент прихода к власти нежелательных сил (в том числе криминальных или иностранных). Реестр почтовых адресов, почтовое пространство страны — важнейший федеральный ресурс. Здесь мы имеем дело не столько с предприятием, сколько с контролируемым им пространством: географическим, информационным[6] Поэтому законодательные (представительные) органы субъектов федерации в свое время поддержали Обращение Московской областной думы к Председателю Правительства РФ в связи с одобрением концепции широкомасштабной реструктуризации организаций федеральной почтовой связи. Такая реорганизация без участия органов государственной власти

субъектов федерации, отмечается в Обращении, будет иметь далеко идущие отрицательные последствия, т.к. при этом во главу угла ставится не социальная, а экономическая эффективность деятельности системы федеральной почты[7].

Телевидение, радио, пресса не только объединяют, но и духовно разъединяют людей разных регионов. «У нас, — отмечает В.Лысенко, депутат Государственной думы, — все забито вульгарщиной — на экранах, на страницах, в магазинах. Люди устали от непристойностей и сцен кровопролития, но коммерсанты продолжают эксплуатировать самую низменную сторону человеческой психики. Они зарабатывают на развращении общества большие деньги»[8].

Значительный вызов и угрозу для политической стабильности российских регионов представляет информационное противоборство. События последнего десятилетия показали, что источником внутриполитического конфликта может выступать целенаправленное использование соответствующей информации для дестабилизации внутриполитической обстановки. Средства массовой информации сумели продемонстрировать высокую степень своего влияния на внутриполитические процессы, причем подача такой информации принимала часто предвзятый, деструктивный характер, что особенно наглядно проявляется в ходе избирательных кампаний[9]

В настоящее время в регионах мы наблюдаем относительно новый источник информационной угрозы — «психосоциальные вирусы». Они передаются через общение людей, через СМИ, различные информационные потоки. По существу, это определенные образцы поведения, навязанные человеку, обществу, этносу через сознание путем информационного воздействия. Они разрушают естественную, традиционную для общества эволюцию. Эти вирусы быстро «размножаются» в обществе, находя в нем недостатки, изъяны. Показывая картину жизни не в полном ее объеме, а лишь негативными фрагментами, они через эти изъяны навязывают чуждые ценности[10]. В этой чуждой агрессивно-информационной среде созидательный труд как основной источник благосостояния в общественном сознании теряет мотивационную ценность. Отсюда — утрата ценно-

стных ориентиров, деградация толерантной парадигмы поведения в российских регионах с различными типами цивилизации, поликультурным, поликонфессиональным укладом жизни.

Так, в настоящее время население Сибири и Дальнего Востока в большей степени, чем в других регионах России, подвержено желанию получить быструю прибыль через сферу торговли. Обесценивается понятие «труд». Такая особенность общественного сознания этого макрорегиона связана с наличием больших природных ресурсов при низком уровне государственного планирования и контроля в процессе их использования. Заметному снижению уровня культуры, ценностей и потребностей населения способствует низкое качество жизни, во многом обусловленное экологическим кризисом. Деградация ценностей и потребностей жителей проявляется и в резком снижении количества посещений театров, библиотек, музеев и других источников духовной культуры, в росте потребления спиртных напитков. Снижается уровень образования трудоспособного населения, сокращается опыт и стаж работы, исчезает прямая мотивация к производительному труду.

Эти процессы детерминированы и отсутствием объединяющей цели, идейной и духовной основы населения. На этих территориях проживает более 100 этносов (русские, украинцы, буряты, якуты, корябцы, татары, китайцы и т.д.), приверженцев различных конфессий (православие, католицизм, протестантизм, буддизм, ломаизм, ислам, иудаизм, шаманизм и т.д.). Такое этноконфессиональное разнообразие при отсутствии объединяющего идеологического начала, скорее, способствует возникновению хаоса, взаимопоглощающих процессов в культуре, общественной психологии[11] Наверное, было бы ошибочным говорить о социальной деградации среди определенных слоев населения только на востоке страны.

Эти социально-психологические сдвиги в мировоззренческих установках, парадигме поведения дали повод некоторым исследователям говорить, что сегодня под маской русского мы имеем человека с иным этиопсихологическим складом[12].

Ослабление, потеря контроля над единым информационным пространством привели к усилению социально-куль-

турной замкнутости регионов, изолированности региональных образовательных систем, последовательному нарастанию различий в уровнях подготовки в столичных, региональных и сельских учебных заведениях общего среднего, начального и среднего профессионального образования. В 1990-е гг. резко упал удельный вес иногородней молодежи в вузах крупных городов и научных центров страны. Уровень и исторически сложившиеся образовательные стандарты Петербурга и даже близких к нему Пскова и Новгорода различны. Таким образом, формируется весьма существенная дифференциация в образовательных стандартах и соответственно уровне образованности населения в региональном разрезе. Такое положение проецируется на профессионально-квалификационную структуру и качество рабочей силы, а следовательно, и весь экономический потенциал той или иной территории в целом[13].

Настораживают подходы к отдельным направлениям модернизации образования в регионах. Так, вопросы выработки языковой политики в области образования отданы на откуп зарубежным центрам. В федеральных экспертных советах, где авторы получают гриф Минобразования на учебники, заседают «кураторы», получающие заработную плату в этих центрах, включая Британский совет. Тогда девиз модернизации образования, не без основания пишет Е.Пассов, можно сформулировать так: «Образование — это английский для выживания плюс американизация всей страны?»[14].

Реформы 1990-х гг., война в Чечне вызвали снижение этнической толерантности и рост ксенофобии в регионах. Как показывают социологические исследования в Республике Марий Эл, 16,0 % марийцев, участвовавших в этих опросах, испытывают неприязненное отношение к себе со стороны русских, а 15,6 % — со стороны народов Кавказа, проживающих в этой республике. Сталкивались с оскорблением национального достоинства на работе 11,0 %, органах власти — 7,8; сфере обслуживания — 11,8; общественных местах — 13,5 % респондентов[15]

По данным ВЦИОМ, доля лиц, считающих, что в России «определенно» и «скорее возможны» кровопролитные столкновения на национальной почве, вновь возросла и

достигла летом 2002 г. 47,3 % (в 1993 г. — 27,0 %). Причем русских аналогичные ответы составили 48,8 %, представителей других национальностей — 40,6 %. Рост ксенофобии в немалой степени связан с религиозным ренессансом в России. Так, по данным ВЦИОМ, в 1989 г. лишь 30 % русских относили себя к православным, а сегодня — более 60 %. Повсеместный интерес к религии необязательно сопровождается ростом традиционной веры. Значительно чаще религиозная идентификация служит дополнительным символом этнической идентичности. Такие верующие отличаются куда большим политическим радикализмом и ксенофобией[16].

Активизация этничности имеет асимметричный характер, поскольку этот процесс затронул больше всего «нерусскую» часть населения страны. Эти явления к тому же развивались в условиях дефицита толерантности, изначально придавшего этническому ренессансу агрессивный характер. Межэтническим трениям сопутствовало появление феномена постсоветской этнократии. Распространение в РФ национального школьного образования в условиях ксенофобии на практике ведет часто к культурной изоляции разных групп юного поколения по этнорелигиозному признаку. И если этногрупповая атрибуция юного поколения протекает в условиях когерентности, начинается программирование культурной дезинтеграции РФ, процесс обмена ценностями приобретает фрагментарный характер, культура взаимной толерантности подменяется культом «особости», возникает почва для появления этнического радикализма.

Существующая практика внебюджетного привлечения средств в образовательную среду в условиях ее перманентного недофинансирования государством в ряде случаев становится базой для целенаправленного подрыва этнокультурного плюрализма и толерантности. Средства спонсоров, попавшие в последние годы в народное просвещение, немало способствовали насаждению ксенофобии, радикального клерикализма, привычки отторгать любые иноэтнические элементы культуры. Все это создает предпосылки дезинтеграции российского общества.

Рост миграционной подвижности населения, а также процесс актуализации и плюрализации этнокультурной и

религиозной его идентичности имеет и обратную сторону — ощутимое снижение уровня этнокультурной безопасности России[17] При этом этнокультурная безопасность рассматривается как состояние устойчивого функционирования и воспроизводства культуры всех национальных групп, составляющих население РФ. Каждому из них присущи повышение уровня адаптивности к социальным изменениям, возможность участия в свободном взаимообмене культурными ценностями, сохранение их членами своей этнической идентичности. Снижение уровня этнокультурной безопасности угрожает в перспективе превращением нашей страны в «государство регионов»[18].

Таким образом, на смену дружбе народов пришли взаимное подозрение и недоверие. Если в начале радикальных реформ уровень ксенофобии в стране не превышал 10 %, то теперь, как показывают социологические опросы, он в ряде мест превышает 50 %. В школах, среди молодежи этот показатель еще выше.

Деградация единого духовного пространства в стране оказала заметное влияние на общественное сознание мусульманских регионов. В 1990-е гг. это ярче всего проявилось в Республике Татарстан. Так, в «Концепции Татарского просвещения» (1991 г.) был сформулирован курс на автономизацию национальной школы республики. В сентябре 1999 г. Государственный Совет Татарстана принял закон «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики», хотя, по мнению экспертов Государственной думы, отсутствовали как лингвистические, так и педагогические основания данной реформы. Предложение М.Шаймиева не форсировать этот процесс вызвало неоднозначные отклики.

Курс на «автономизацию национальной школы» проявился не только в дискуссиях по проблемам перехода на латинскую графику. В татарских школах нетрудно обнаружить учебники с откровенно антирусской направленностью. В таких учебниках учащиеся находят, что политика Российской империи и Советского Союза в национальном вопросе была исключительно колонизаторской, русификаторской и грабительской, и вообще, русская нация и православная церковь существуют по сей день только благодаря Золотой Орде[19].

Контролируемые и спонсируемые идеологами пантюркизма учебные структуры раскинули сеть по всей стране. Без малого десятилетие действуют фирмы «Эфляк», «Серхат», фонды «Торос», «Уфук», «Толеранс». Общее число таких учебных заведений приближается к пятидесяти.

Нельзя сказать, что российские власти не обращают на них внимания. В 2001 г. директор башкирско-турецкого лицея в Нефтекамске О.Каваклы был осужден за злоупотребление должностными полномочиями и служебный подлог и депортирован из страны. В 2003 г. Башкирию не по своей воле покинули трое турецких граждан, организовавших, по сообщению республиканского ЦОС УФСБ, исламскую секту под видом благотворительного пансионата для детей из малообеспеченных семей.

Характер общественного сознания в республиках проявился и в совместном Послании Президенту Российской Федерации президентов республик Татарстан, Башкортостан и Саха (Якутия), где отмечается, что средства массовой информации, а также ряд политиков навязывают мысль о России как русском православном государстве, в котором другие народы существуют на правах национальных меньшинств. До сих пор нет специальных каналов на телевидении и радио, освещающих жизнь народов России. На тревожном политическом фоне некоторые политики поднимают вопросы «губернизации» России. Сегодня ломать status quo, пишут авторы послания, значит вызвать общую дестабилизацию России[20].

Русскоязычное население в республиках отмечает тенденцию концентрации законодательной, исполнительной и судебной власти в руках местной этнической элиты. В связи с этим сегодня, по мнению А.С.Панарина, перед нами стоит одна из самых острых геополитических проблем: отвоевать в духовном, ценностном смысле мусульманские регионы России, на которые в этом отношении посягают внешние силы[21]

Проблема сохранения единого духовного пространства существует не только в регионах, где преобладающим является мусульманское население. Так, внешне положительной и конструктивной выглядит программа Сороса по «возрождению Поморья» в рамках концепции так называ-

емого Баренцрегиона, включающего Архангельскую, Мурманскую области, Карелию и скандинавские страны. Однако деятельность национального культурного центра «Поморское возрождение» в рамках этой программы по формированию «поморского» патриотизма работает на противопоставление поморов и некоренного населения (в Архангельской области — 95 % русских). Утверждается, что коренное население региона (поморы, карелы, саами) в отличие от русских лишено своих прав на развитие традиционного образа жизни, без своей территории и соответственно без будущего. Такое «возрождение Поморья» начинает работать на духовную и в перспективе территориальную дезинтеграцию больших территорий русского севера от Российской Федерации. Попытки противопоставить русский и финно-угорские народы имеют место и в некоторых других регионах страны.

Таким образом, сохранение единого духовного пространства России является важной задачей в обеспечении национальной безопасности страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Иванов Л.Г.* Геополитические итоги года для России // Безопасность. 2003. № 1/2. С. 46.

[2] См.: *Попов А.И.* Региональная политика в России: проблемы государственного управления. М., 1999. С. 18—19.

[3] См.: *Мусахов А.Н.* Перспективы путинской России. Ее тревоги и надежды. СПб., 2002. С. 67.

[4] См.: Выступление В.Д.Голубчиковой // Государственная национальная политика и средства массовой информации: Материалы парламентских слушаний. 7 февраля 2002 г. М., 2002. С. 52—53.

[5] Выступление Д.Ш.Халидова // Там же. С. 49.

[6] См.: *Биргер Е.* Государственная поддержка почты — не прихоть, а стратегическая необходимость // Российская Федерация сегодня. 2002. № 23. С. 35.

[7] См.: Обращение Московской областной думы к Председателю Правительства Российской Федерации М.М.Касьянову в связи с его одобрением концепции широкомасштабной реструктуризации организаций федеральной почтовой связи // Текущий архив Законодательного собрания Ленинградской области.

[8] *Лысенков В.* Как защититься от пошлых вкусов? // Российская Федерация сегодня. 2003. № 10. С. 73.

[9] См.: *Бочарников И.* Внутриполитическая безопасность России и потенциальные причины конфликтов на ее территории // Вестн. аналитики. 2002. № 3. С. 163.

Заказ № 2152

[10] См.: *Шевченко М.М.* Опасен ли информационный вирус? // Знание и общество. 2003. № 2. С. 8—9.

[11] См.: *Романов И.А.* Стратегические приоритеты азиатско-тихоокеанской политики России // Вестн. Московского ун-та. Сер. 12. Полит. науки. 2002. № 2. С. 33.

[12] См.: *Кючарьянц В.* Голые на ветру // Версты. 2003. 21 окт. С. 7.

[13] См.: *Шестакова Н.* Региональная система образования: настоятельная необходимость коррекции // Региональная экономика. 2001. № 2. С. 174.

[14] *Пассов Е.* Россия пока еще наша // Российская Федерация сегодня. 2003. № 9. С. 39—40.

[15] См.: *Шабыков В.И.* Межнациональные отношения в РМЭ глазами марийцев // Государственное управление: центр-регион (проблемы экономики, социологии и права). Йошкар-Ола, 2000. Вып. 2. С. 72.

[16] См.: *Паин Э.А.* Этнополитический маятник: цикличность этнополитических процессов в постсоветской России // Обществ. науки и современность. 2003. № 6. С. 123, 125.

[17] См.: *Перепелкин Л.С., Стельмах В.Г.* Этнокультурная безопасность России: общественные вызовы и государственная политика // Обществ. науки и современность. 2003. № 3. С. 114.

[18] Там же. С. 108.

[19] См.: *Тарасов А.* Которых мы должны принять за образцы? // Российская Федерация сегодня. 2002. № 4. С. 30.

[20] См.: За последовательную демократизацию и федерализацию России: Послание Президенту Российской Федерации // Президент Минтимер Шаймиев и модель Татарстана. Лондон, 2000. С. 140—141.

[21] См.: Выступление А.С.Панарина на встрече за «круглым столом» // Россия и мир: политические реалии и перспективы. М., 1998. С. 15.

Поступила 21.06.2004.

И.В.МИТРОФАНОВА

ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОЕ УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНА

Программно-целевой метод управления развитием территории относится к категории проблемно-ориентированных, тесно связанных с решением масштабных, долговременных проблем, не находящих своего решения в инерционном режиме функционирования и развития программируемой системы, что требует принятия специальных программных мер, концентрации усилий, мобилизации ресурсных возможностей региона.

Использование программно-целевого метода применительно к региональным системам исходит из необходимости придания как можно более высокого уровня конкретности, количественной определенности постановке программных целей. В то же время он допускает постановку целей в качественной формулировке, не обладающих четким числовым выражением, но достаточно ясных, чтобы представлять собой целевые ориентиры, по которым можно устанавливать требуемую направленность программных действий[1]

К числу особенностей федеральных целевых программ развития регионов (территорий) (далее — ФЦПРР) относятся более четко выраженная социальная ориентация, направленность на решение социальных проблем, и в этом проявляется естественное свойство усиления социальных аспектов программ по мере снижения уровня управления; ярко выраженный комплексный характер вследствие их ориентированности на решение демографических проблем, обеспечение занятости в регионе, охрану окружающей

МИТРОФАНОВА Инна Васильевна, старший научный сотрудник Лаборатории стратегических экономических исследований Южного научного центра РАН, кандидат экономических наук, доцент (г. Волгоград).

среды, развитие социальной инфраструктуры, улучшение жилищных условий[2]

Пространственно-временная ограниченность материальных, институциональных, организационных, информационных и финансовых ресурсов выступает актуальным системным пределом качественных и количественных параметров, целей и задач, направлений и этапов ФЦПРР.

Системная последовательность процесса целевого программирования социально-экономического развития региона предполагает ряд этапов: анализ и оценку развития хозяйственного и социального комплекса региона; выбор стратегии преобразования региона; научное концептуальное обоснование программы регионального развития; разработку подпрограмм и проектов; контроль, мониторинг и коррекцию промежуточных и конечных результатов реализации ФЦПРР (рисунок).

Логическая модель содержательной и документальной структур ФЦПРР включает актуальное введение, паспорт программы, описание социально-экономического положения региона, цели, задачи и этапы реализации, систему программных направлений и мероприятия по ним, ресурсное обеспечение программы, механизм и оценку эффективности последствий ее реализации, организацию управления и контроль исполнения программы, расчетные приложения[3].

Программное целеполагание на уровне региона заслуживает особого внимания. Следует отметить, что типовые названия ФЦПРР как «программ социально-экономического развития региона» не дают четкого представления о программных целях регионального уровня, так как целевые задачи социально-экономического развития стоят перед программами всех уровней и тем самым не характеризуют выраженную специфику регионов. Сама же установка на развитие не содержит конкретного выделения программной проблемы, которая должна быть решена в процессе развития и на которую, собственно, и сориентирована целевая региональная программа. Программные цели должны быть выделены, отделены от общей системы повседневно реализуемых целей и задач регионального развития, управления удовлетворением потребностей, не требующих программных усилий[4]

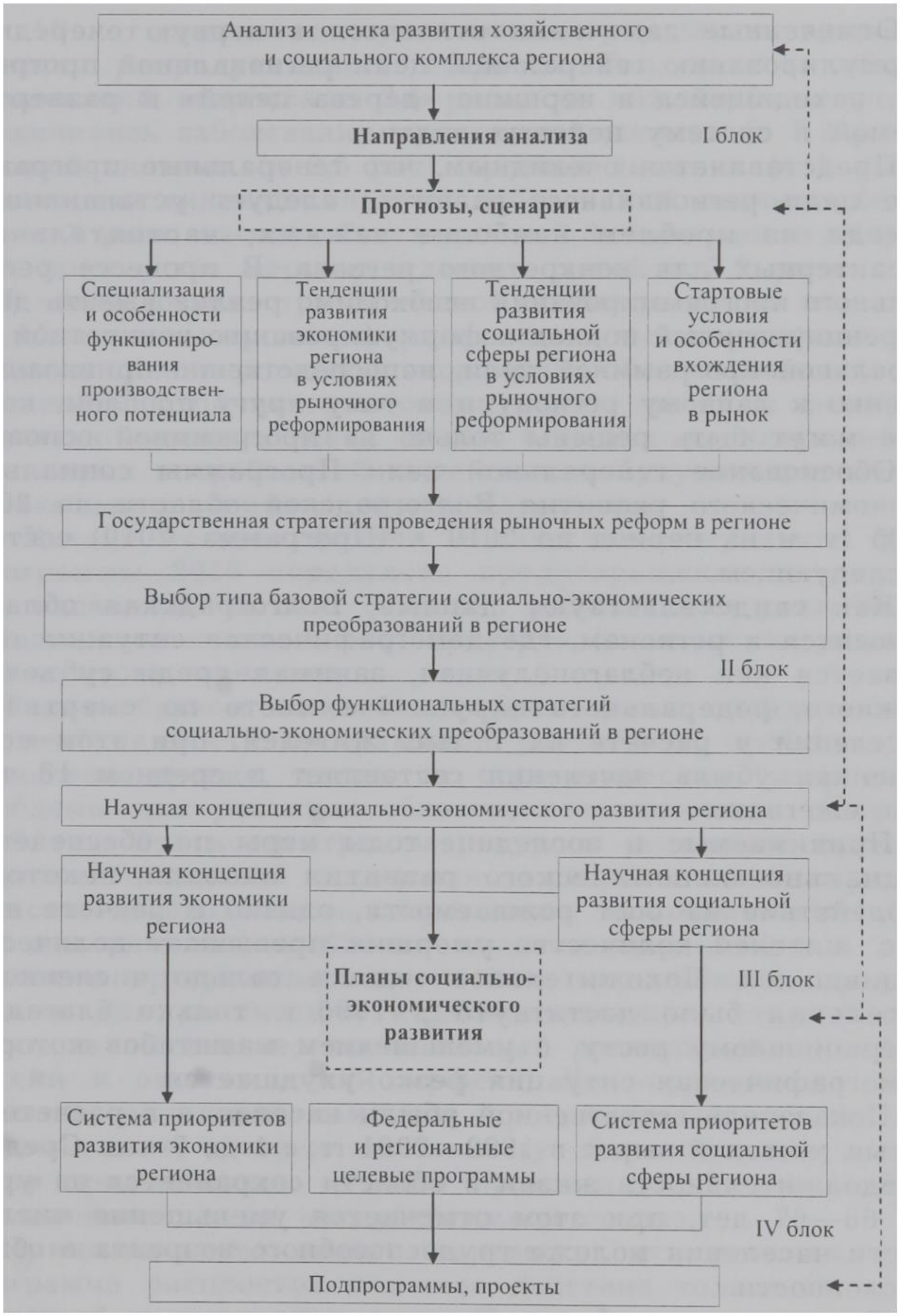


Рисунок. Блок-схема процесса программирования социально-экономического развития региона

Отмеченные замечания относятся в первую очередь к формулированию генеральной цели региональной программы, находящейся в вершине «дерева целей» и разверты-ваемой в систему целевых задач.

Представляется очевидным, что генеральные программные цели регионального развития следует устанавливать исходя из проблем наиболее важных, настоятельных, характерных для конкретного региона. В процессе регионального программирования необходимо реализовывать дифференцированный подход к формулированию конкретной генеральной программной цели, непосредственно привязанной именно к данному региону и к тому кругу проблем, которые могут быть решены только на программной основе[5].

Обоснование генеральной цели Программы социально-экономического развития Волгоградской области на 2004, 2005 гг. и на период до 2010 г. (Программа...2010) состоит в следующем.

Как свидетельствуют данные, Волгоградская область относится к регионам, где демографическая ситуация оценивается как неблагополучная, занимая среди субъектов Южного федерального округа 1-е место по смертности населения в расчете на 1 тыс. жителей, при этом естественная убыль населения составляет в среднем 18 тыс. чел. ежегодно.

Принимаемые в последние годы меры по обеспечению социально-экономического развития оказали некоторое воздействие на рост рождаемости, однако в расчете на 1 тыс. жителей количество умерших превышает количество родившихся. Положительное годовое сальдо численности населения было достигнуто в 1995 г. только благодаря миграционному росту, с уменьшением масштабов которого демографическая ситуация резко ухудшается.

Показатель естественной убыли населения в расчете на 1 тыс. жителей вырос в 1992—2001 гг. с 1 до 7 чел. Средняя продолжительность жизни в области сохраняется на уровне 66—67 лет, при этом отмечается уменьшение численности населения моложе трудоспособного возраста в общей численности.

Проявляются неблагоприятные тенденции в состоянии здоровья детей и подростков в городах области. За послед-

ние 10 лет отмечается существенное ухудшение здоровья женщин репродуктивного возраста. Так, частота общих заболеваний возросла в 2,4 раза, из них наиболее резко увеличились заболевания щитовидной железы (в 7,3 раза), нервной системы (в 3,5 раз), органов дыхания (в 2 раза). Количество гинекологических заболеваний выросло более чем в 3 раза, частота бесплодия в 2,3, спонтанные аборты в 3, количество мертворожденных детей в 3,2 раза.

В связи с этим стратегической целью развития экономики области выступает формирование высокоразвитой социально ориентированной экономики, обеспечивающей достижение устойчивого экономического роста и решение социально-экономических задач в целях удовлетворения жизненных потребностей нынешнего и будущих поколений и повышение качества жизни населения.

Исходя из этих фактов, в качестве *генеральной цели* Программы...2010 определено предотвращение депопуляции населения за счет создания условий для увеличения продолжительности жизни, прироста (включая миграционный приток) населения.

Таким образом, важнейшими факторами, определяющими необходимость программной разработки проблемы на областном уровне, являются стратегическая значимость проблемы для развития области, невозможность решения проблемы без концентрации ресурсов различной принадлежности и целевой поддержки со стороны администрации области, необходимость координации межотраслевых связей для решения проблемы, высокая эффективность технических, организационных и иных мероприятий, предлагаемых для реализации и обеспечивающих структурные сдвиги в экономике, значительный социальный, экономический и экологический эффект. Не оправдывают себя попытки решить с помощью программы все проблемы, включая и те, которые вполне могут быть решены посредством традиционных методов организации, планирования, управления, т.е. на внепрограммной основе.

Принципиально важно понимать, что региональная программа распространяет свое действие только на ограниченный круг целевых задач. Такие задачи не могут быть выполнены, если они не включены в программу при од-

новременном обеспечении программными материально-техническими, трудовыми, финансовыми, административными ресурсами. Задачи же, решаемые внепрограммным образом, не должны входить в число программных, однако учитываются как способствующие решению программной проблемы.

Таким образом, Программа...2010 направлена на формирование экономической, правовой, экологической, социокультурной среды, обеспечивающей улучшение качества жизни, предотвращение депопуляции и динамичное развитие регионального сообщества.

На основе генеральной цели определены и основные дифференциальные цели ФЦПРР: повышение уровня жизни населения и достижение социально-политической стабильности в области; стабилизация и рост экономического потенциала области как основы обеспечения гарантируемых государством социальных стандартов жизни населения.

По ролевой функции Программа...2010 является одновременно и целеориентирующей, и целереализующей. Для достижения генеральной цели программы потребуется решение, во-первых, задачи повышения качества жизни населения; во-вторых, развитие сети инженерной инфраструктуры и комплексов жизнеобеспечения Волгоградской области, включая транспортный и природоохранный комплексы; государственная поддержка приоритетных отраслей и объектов, составляющих экономический потенциал региона; создание благоприятных условий инвестиционной деятельности; развитие конкурентоспособных отраслей и производств, включая замещение импорта; развитие малого и среднего предпринимательства; меры по демонополизации отраслей экономики, включая отрасли естественных монополий, создание правовой основы перехода области к устойчивому развитию; формирование механизма интенсификации инвестиционных процессов, развития эффективных форм взаимодействия рыночных субъектов; создание гибких производственных систем, сочетающих потенциал крупного, среднего и малого бизнеса; освоение экологически приемлемых видов технологий и продуктов; определение инвестиционных приоритетов на основе принципа сравнительных преимуществ; обеспечение стабиль-

ных социально-экологических условий воспроизводства в сельском хозяйстве; сокращение разрывов в уровне жизни групп населения области и обеспечение возможности реализации конституционных прав граждан в области образования, здравоохранения, культуры, науки; развитие структуры и масштабов межрегиональных и внешнеэкономических связей при сохранении положительного платежного сальдо баланса.

Реализация целей и задач программы разбита на два этапа: первый — 2004—2005 гг.; второй — 2006—2010 гг.

На первом этапе предусматриваются концентрация инвестиционных действий на развитие отраслей реального сектора экономики, реализацию социальных проектов, усиление адресной поддержки и создание нормативно-правовой базы по единовременным выплатам матерям на рождение ребенка и по уходу за ним, организация медосмотров населения в целях выявления и предупреждения профзаболеваний.

На втором этапе предполагаются рост инвестиционного потенциала и привлекательности региональной экономики для инвесторов, реализация коммерческих проектов за счет внебюджетных источников с соотношением: на каждый вложенный рубль бюджетных средств — не менее 5 руб. частного капитала; продолжение финансирования проектов социальной направленности и адресная поддержка семьи, материнства и детства, мероприятий по укреплению здоровья и обеспечению нормальных условий жизнедеятельности населения Волгоградской области.

Система программных мероприятий направлена на реализацию перспективных проектов по преодолению сложившихся диспропорций в соотношении производства товаров и услуг, созданию высокотехнологичных, конкурентоспособных производств, расширению сферы услуг населению и повышению их качества, развитию социальной инфраструктуры с целью удовлетворения государственных и региональных потребностей в товарах и услугах, а также по усилению позиционирования области на российском и внешнем рынках.

В соответствии с обозначенными целями и задачами программные мероприятия (их около 350) сгруппированы

по приоритетным направлениям: в первой части отражены приоритеты социально-экономического развития, во второй — пути совершенствования нормативно-законодательной базы, а также организационные меры. Первую часть образуют 12 приоритетных направлений, 8 из которых включают мероприятия, реализуемые в реальном секторе экономики и предполагающие развитие промышленного комплекса, транспортного комплекса и связи, АПК и биоресурсов, инфраструктуры потребительского рынка, малого предпринимательства, финансовой сферы, внешнеэкономической деятельности, инноваций. Остальные 4 блока мероприятий из 12 направлены на повышение качества предоставляемых населению услуг и нацелены на развитие социальной сферы, ЖКХ, курортно-рекреационных территорий и охрану окружающей среды, информатизации (всего по всем направлениям — более 340 мероприятий).

Общий объем финансовых ресурсов для реализации намеченных мероприятий по всем источникам составляет около 138 млрд руб. (таблица).

Таблица

Источники финансирования Программы социально-экономического развития Волгоградской области на 2004, 2005 гг. и на период до 2010 г.*

Источники финансирования Программы...2010	Млрд руб.	%
Всего финансовых ресурсов по Программе...2010	137,84	100,0
В том числе		
— федеральный бюджет	19,55	14,1
— консолидированный бюджет	31,21	22,6
В том числе		
— областной бюджет	25,97	18,3
— местный бюджет	5,24	3,8
собственные средства предприятий	57,42	41,6
заемный капитал	29,66	21,7
Из общего объема финансовых ресурсов:		
капитальные вложения	77,70	56,4
НИОКР	0,32	0,2
прочие расходы	59,82	43,4

* Программа социально-экономического развития Волгоградской области на 2004, 2005 гг. и на период до 2010 г.

Основными прогнозируемыми результатами реализации программных мероприятий должны стать рост производительности труда — в 2,1 раза, прирост рабочих мест — на 100 тыс. чел., на фоне роста ВРП — в 2 раза; увеличение налоговых поступлений — в 2 раза, на фоне роста объемов промышленного производства — в 2,9 раза, сельского хозяйства — в 2 раза, объемов товаров и услуг, создаваемых малыми формами хозяйствования, — в 2,1 раза. Социально-экономический эффект Программы...2010 характеризуется следующими показателями: рост реальных денежных доходов населения — в 2,9 раза, при росте заработной платы — в 3 раза и сокращении доли населения с доходами ниже прожиточного минимума с 22,5 до 15,0 %; увеличение объемов вводимого жилья — в 1,5 раза и решение жилищной проблемы для 70 тыс. семей; рост объемов оказываемых санаторно-оздоровительных услуг — в 3,5 раза, расходов на охрану окружающей среды — в 3 раза; увеличение продолжительности жизни, рост рождаемости — на 24,4 %, прирост трудоспособного миграционного населения — на 20 %.

Основные результаты, достигнутые в ходе реализации Программы социально-экономического развития Волгоградской области на 2001—2005 гг., уже свидетельствуют о существенном антиинерционном потенциале программно-целевого метода, масштабность которого должна лишь усиливаться по мере реализации программных мероприятий, запланированных в ее модернизированном варианте.

В Волгоградской области имеются все необходимые условия для решения обозначенного комплекса задач, регион представляет собой природно-производственный комплекс, обладающий признаками самодостаточности.

К факторам развития Волгоградской области, формирующим ее экономический и ресурсный потенциал, относятся также наличие ресурсов (земли, нефти, газа, бишофита, сырья для производства строительных материалов и минеральных удобрений); развитая производственная инфраструктура и транспортные коммуникации; сложившаяся социальная инфраструктура (объекты образования, здравоохранения, культуры, социальной сферы); инвестиционный потенциал в форме финансового капитала, аккумулируемого

финансовыми институтами (банки, страховые компании, инвестиционные фонды); интеллектуальный потенциал (научно-исследовательские кадры, новаторы, рационализаторы, изобретатели); готовность населения к преобразованиям, способным качественно улучшить уровень жизни; возможность граждан оказывать влияние на принятие хозяйственно-политических решений через механизмы референдумов и выборов органов самоуправления всех уровней.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Шнипер Р.И.* Регион: диагностика и прогнозирование. Новосибирск, 1996.

[2] См.: *Райзберг Б.А., Лобко А.Г.* Программно-целевое планирование и управление. М., 2002. С. 271.

[3] См.: *Митрофанова И.В., Плотников А.С.* Особенности программно-целевого планирования регионального развития в современных условиях // Экономика развития региона: проблемы, поиски, перспективы. Ежегодник. Вып. 3. Волгоград., 2003. С. 319—329.

[4] См.: *Райзберг Б.А., Лобко А.Г.* Указ. раб. С. 71—74.

[5] См.: *Плотников А.С.* О программном обеспечении устойчивого развития Волгоградской области // Конкурентоспособность, устойчивость и безопасность региона: Материалы науч.-практ. конф. Волгоград, 2001. С. 24—25.

Поступила 10.09.2004.

Р.К.КУЛАКОВСКИЙ

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРОЙ РЕГИОНА

Среди различных направлений деятельности региональных органов государственной власти все более возрастает роль региональной политики в социальной сфере. Необходимость четкого представления управленцев о процессах, протекающих в регионе, особенно актуализируется с учетом того, что именно в социальной сфере реализуются жизненные потребности членов общества. В связи с этим особое значение приобретает определение тенденций социального развития региона.

Процесс диагностики социального развития весьма сложен. Это обусловлено рядом обстоятельств. Прежде всего необходимо иметь четкое представление о структуре социальной сферы. Важно помнить, что ее оценка должна вестись не только с материальных позиций и количественных показателей социальной инфраструктуры, но и с учета потребностей населения, возможностей их реализации, а также отношений, складывающихся в процессе их удовлетворения. От этого в итоге зависит уровень стабильности в регионе. С практической точки зрения важно определение методов управления, использующихся для проведения региональной социальной политики. Не секрет, что в России сложно идет отказ от устаревших механизмов и стереотипов в управлении на всех уровнях. Это несколько снижает уровень доверия к проводимой политике и в ряде случаев обостряет ситуацию в обществе.

Рассматривая ситуацию в Красноярском крае, можно сделать вывод о том, что уровень жизнедеятельности в данном регионе относительно высок. Как в производствен-

---

КУЛАКОВСКИЙ Роман Константинович, главный специалист Управления информационной политики Совета администрации Красноярского края.

ных отраслях социальной направленности (строительство, транспорт, связь), так и в социальной инфраструктуре по ряду показателей можно отметить устойчивую динамику роста: в целом возросло количество организаций, действующих в данных отраслях (от 3,9 до 13,8 %)[1]; улучшились показатели строительства жилья (на 14,2 % больше введено в действие жилья, построенного населением за свой счет и с помощью кредитов)[2]

Данные о наиболее значимых отраслях социальной инфраструктуры отличаются неоднозначностью как по абсолютным, так и по относительным показателям. Так, по данным крайкомстата, с 2000 по 2002 г. число больничных учреждений сократилось с 264 до 262 ед. (на 0,8 %)[3]; по данным исследований, опубликованных при участии самих медработников, — на 0,4 % (с 244 до 243 ед.)[4]. При этом данные исследования отмечают сокращение на 0,4 % и коечного фонда (с 29 927 до 29 820 ед., что в итоге составляет 1 койко-место на 99 чел.)[5]. Крайкомстат же за 2000—2002 гг. фиксирует постоянность его уровня (34 400 ед., что составляет 1 койко-место на 86 чел.)[6]

Показатели состояния общеобразовательных учреждений в крае за 2002—2004 гг. пропорциональны изменениям количества учащихся. Так, на начало 2002/2003 учебного года в крае действовало 1 679 общеобразовательных учреждений (что в пересчете на 410,5 тыс. учащихся составляло 1 ед. на 244 чел.). На начало же 2003/2004 учебного года число общеобразовательных учреждений составило 1 576 ед. (сократилось на 6,5 %), однако с учетом сокращения количества учащихся (на 6,9 % — до 384 тыс.) соотношение остается прежним — 1 ед. на 244 чел.[7]

Тенденция незначительного понижения показателей этих отраслей объяснима сокращением общей численности населения края: за 2000—2002 гг. — на 2,4 % (с 3 032,0 до 2 961,9 тыс. чел.)[8]; за 2003 г. — на 0,7 % (до 2 942 тыс. чел. на 1 января 2004 г.)[9]

Неоднозначны данные об объектах культуры и быта: в сельской местности наблюдается тенденция к увеличению их количества, а в городах — к снижению. При этом изменения не превышают 1—2 % (от 2 до 5 учреждений) как в положительной, так и в отрицательной динамике[10]. Воз-

растает количество социальных учреждений и служб социального обслуживания семьи, женщин и детей, пожилых граждан[11].

При анализе социальной инфраструктуры продуктивным представляется ее сопоставление со степенью удовлетворения основных потребностей населения. Для этого необходимо ориентироваться на различные систематизированные показатели. Так, исследователи выделяют три группы базисных потребностей, удовлетворение которых определяет качество жизни человека: потребности, связанные с реализацией права на жизнь, своей продолжительностью соответствующей возможностям общества и ожиданиям человека, и на ее защиту; потребности в благоприятных условиях труда и быта; потребности, связанные с самореализацией личности, осуществлением ее прав и свобод[12]

В соответствии с этой классификацией определяется и система показателей качества жизни, оцениваемых при помощи ряда интегральных индикаторов. Рассмотрим значения некоторых из данных индикаторов на примере Красноярского края.

В 2003 г. в крае возрос уровень рождаемости, при этом смертность составила 105,4 % к предыдущему периоду (1 581,7 умерших на 100 тыс. чел. населения), однако уровень младенческой смертности снизился на 19,8 %[13] Средняя продолжительность жизни в Красноярском крае, по данным Всероссийской переписи населения (октябрь 2002 г.), составляет 65,3 года. При этом наблюдаются существенные гендерные различия (мужчины: 57,6 лет — в городах; 55,9 лет — в сельской местности; женщины — соответственно 71 и 68,3 лет)[14] Незначительно возросло количество браков (на 0,6 %) и разводов (на 9,0 %)[15] Также увеличилась численность трудоспособного населения (на 0,5 %)[16] и экономически активного населения (на 1,5 %)[17] Значительную долю населения края (24,1 %) составляют пенсионеры[18] По прогнозу Управления социальной защиты населения, к 2010 г. число граждан старше трудоспособного возраста может составить 48 тыс. чел.[19]

Возросли показатели безработицы: число незанятых граждан, состоящих на учете в службе занятости, увели-

чилось на 7,8 %[20] В 2004 г. ее показатель составил 3,5 % от общей численности трудоспособного населения (в среднем по РФ — 2,3 %; по Сибирскому федеральному округу — 2,9 %)[21]

Уровень бедности в 2004 г. составил 28 %[22] Выросло число услуг, оказанных населению со стороны органов соцзащиты[23] Прожиточный минимум в 2004 г. составил 2 692 руб.[24] В структуре использования денежных доходов возросли расходы на покупку товаров и оплату услуг, накопление сбережений, покупку валюты, снизились на оплату обязательных платежей и взносов; превышение доходов над расходами уменьшилось с 16,7 до 5,0 %[25]

На 10 % возрос уровень зарегистрированных преступлений[26], при этом степень их раскрываемости снизилась: число выявленных лиц, совершивших преступления, сократилось на 6,9 %[27] Выросло количество краж на 27,7 %, грабежей — на 28,8 %, количество разбоев снизилось на 5 %[28] Также снизилось количество убийств и самоубийств (на 10,1 и 7,0 % соответственно)[29]

Анализ приведенных показателей показывает, что в регионе наблюдаются рост безработицы, преступности, нестабильности семьи, значительное количество пенсионеров и лиц с низкими доходами, депопуляционные процессы. На основе этого можно сделать вывод о том, что качество жизни в Красноярском крае еще далеко от идеального. Несмотря на развитую социальную инфраструктуру, потребности населения не удовлетворяются в полной мере, что ведет к необходимости анализа механизма регионального управления. Ведь именно от качества управленческих процессов зависит четкость перехода от констатации потребностей населения к реализации социального развития.

Одним из наиболее эффективных направлений в решении проблем социального развития является программно-целевое управление. Анализируя содержание ряда краевых целевых программ[30], можно отметить их достоинства и недостатки. Оценивая представленные в программах формулирование и экспертный анализ проблемной ситуации, можно сказать об их высоком уровне: острота проблем подкреплена конкретными показателями, даются раз-

вернутые характеристики проблем в динамике, их решение оценивается с учетом влияния предпринятых ранее мероприятий. Отличается также высоким уровнем и информационный поиск вводимых в программу данных — помимо сведений официальной государственной статистики, он основывается на действии ряда ведомственных информационных систем.

Вместе с тем по степени концептуальной разработанности программы существенно отличаются друг от друга. В некоторых из них не зафиксирован план мероприятий, необходимых для их реализации. Если одни программы выдержаны в рамках единой структурно-функциональной модели, то другие отличаются в этом отношении противоречивостью. Цели и задачи ряда программ сформулированы в обобщенной форме, напоминающей не конкретные установки, а общеизвестные постулаты.

Следует особо подчеркнуть, что реализацию программ затрудняет отсутствие в крае единого организационного пространства, координации взаимодействия различных структур в механизме регионального управления. Более того, в процессе реализации программ нарушен механизм «обратной связи»: во-первых, нет информации о текущем исполнении программ; во-вторых, ничего не известно о включении в этот процесс институтов гражданского общества, населения. В результате из-за низкого качества организации программно-целевого управления целевые программы рискуют потерять свою значимость и обрести абсолютно декларативный характер.

Необходимо также отметить, что из-за разного рода нарушений и злоупотреблений в системе краевого финансирования ни одна из целевых программ не была профинансирована в должном объеме. Проверка Счетной палаты края выявила отсутствие эффективного механизма управления, учета и контроля за реализацией отдельных программ; были обнаружены факты незаконного использования средств из фондов программ со стороны ряда структур администрации края[31]

Наряду с целевыми программами формой программно-целевого управления является стратегический документ — «Основные направления социально-экономического разви-

тия Красноярского края на среднесрочную перспективу 2004—2010 гг.»[32] Разработанный в 2003—2004 гг. документ содержит комплекс установок регионального развития, представленный в виде четкой системы (цели — задачи — мероприятия — ожидаемые результаты). В стратегии освещен ряд вопросов, недостаточно затронутых в целевых программах (проблема создания систем помощи семье, охраны безопасности труда и др.). Важно, что в отличие от предыдущих стратегических документов, программа обеспечена необходимым практическим инструментарием (так называемый бюджет развития, поощряющий инвестиционную активность экономических субъектов).

Вместе с тем, на наш взгляд, разработчикам стратегии в ряде случаев не удалось избежать традиционной для отечественного планирования нечеткости формулировок. Так, например, глава, посвященная социальной защите населения, ставит своей целью осуществление максимально эффективной защиты граждан, а в качестве задачи рассматривает повышение эффективности социального обслуживания. В итоге сущность изменений выглядит чрезмерно упрощенно (чем эффективнее социальное обслуживание, тем эффективнее защита граждан). В ряде случаев предполагаемые мероприятия прописаны в абстрактной форме: «реализация комплекса мер, направленных на оптимизацию сети социальных учреждений»; «повышение качества и эффективности мер по содействию занятости» и практически не отличаются от общих целей («повышение занятости населения»).

На высоком уровне составлена глава, посвященная административной реформе, в которой качество управления предлагается оценивать в соответствии с системой индикаторов результативности. При этом в политический цикл предлагается включить процесс решения задач, обозначенных населением. Кроме того, поставлена задача активного привлечения в процесс управления краем институтов гражданского общества. Следует отметить, что необходимость изменений зафиксирована лишь на теоретическом уровне — система упомянутых индикаторов не разработана, формы участия населения в управлении регионом не продуманы.

В итоге управленческие воздействия выводятся из сферы социального пространства в узкую систему госаппарата, весьма далекую от совершенства — взаимодействие субъектов социальной политики осуществляется в рамках закрытых аппаратных подразделений. Чиновники видят лишь узкий участок своей деятельности, плохо представляя сущность процессов, происходящих в региональном управлении социальной сферой. Данные недостатки могут компенсироваться эффективным взаимодействием исполнительной и законодательной ветвей власти. Это возможно за счет альтернативных подходов к социальным проблемам и более качественной (по сравнению с чиновниками) информированности депутатов о потребностях граждан — своих избирателей.

Наглядно проиллюстрировал этот аспект принятия решений прошедший в марте—апреле 2004 г. III съезд депутатов Красноярского края. Анализ выступлений депутатов и представленных программных докладов губернатора А.Хлопонина и председателя краевого парламента А.Усса позволяет сделать вывод о том, что законодатели представили более конкретную (с учетом районов края) и в целом менее оптимистичную картину регионального развития[33].

Так, если А.Хлопонин сосредоточился в основном на достижениях в развитии края и комплексных проектах решения проблем (повышение уровня инвестиций, эффективное расходование бюджетных средств, изменение моноотраслевой структуры экономики), то А.Усс, сделав акцент на недостатках социальной сферы и системы регионального управления (особенно исполнительной власти), определил главную причину сложившейся ситуации — отсутствие в системе управления ответственности за результаты своей работы. В связи с этим председатель Законодательного собрания предложил принять ряд законов о Совете администрации края и структуре ее органов, предусматривающих сокращение госаппарата и его кадровое обновление, а также придать статус краевого закона Программе развития края до 2010 г.

С удовлетворением можно отметить, что различные оценки ситуации со стороны администрации и парламента

края не стали причиной конфликта, а, напротив, дополняя друг друга, легли в основу конструктивного продвижения в сторону принятия более четких, выверенных и конкретных управленческих решений.

Однако наличия конструктивных отношений между различными ветвями власти еще недостаточно. Важно вовлечь в решение социальных проблем более широкий круг социальных субъектов. В этом должно быть заинтересовано население, государство, местное самоуправление и бизнес-сообщество. Возможно, когда они примут более деятельное и активное участие в социальном управлении, информация об их потребностях перестанет «теряться» в чиновничьих коридорах. От этого в итоге будут зависеть и результаты реализации социально значимых решений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Социально-экономическое положение Красноярского края в январе—сентябре 2003 г.: Доклад Красноярского краевого комитета государственной статистики. Красноярск, 2003. С. 98.

[2] См.: Красноярцы больше зарабатывали и больше покупали // Красноярский рабочий. 2004. № 18. С. 1.

[3] См.: Красноярский край в цифрах: Кр. стат. сб. Красноярск, 2003. С. 49.

[4] Данные получены на основе сравнения: Медицинская помощь населению и ресурсы здравоохранения // Здоровье населения и здравоохранение Красноярского края на рубеже веков / Отв. ред. Л.Ф.Ноженкова. Красноярск, 2002. Раздел 5. С. 137—170; Состояние здоровья и организация медицинской помощи населению Красноярского края в 2002 г. // Первая краевая. 2003. № 18. С. 3—8.

[5] См.: Там же.

[6] См.: Красноярский край в цифрах... С. 49.

[7] Данные получены на основе сравнения: Красноярский край в цифрах... С. 34; Красноярцы больше зарабатывали... С. 2.

[8] См.: Красноярский край в цифрах... С. 13.

[9] См.: Раскачка на старте года // Красноярский рабочий. 2004. № 65. С. 2.

[10] См.: Красноярский край в цифрах... С. 47—48.

[11] По материалам официального сайта Управления социальной защиты населения администрации Красноярского края. http://www.kuszn.ru

[12] См.: *Савченко Е.С.* Программа улучшения качества жизни населения Белгородской области // Научные знания — в практику регионального и муниципального управления: Материалы науч.-практ. конф. Ч. I. М., 2003. С. 144—145.

[13] См.: Социально-экономическое положение Красноярского края... С. 108—109.

[14] См.: Портрет страны и региона: первые наброски // Аргументы и факты на Енисее. 2004. № 9. С. 14.

[15] См.: Социально-экономическое положение Красноярского края... С. 108.

[16] По материалам официального сайта... http://www.kuszn.ru

[17] Там же.

[18] Там же.

[19] Там же.

[20] См.: Социально-экономическое положение Красноярского края... С. 67—68.

[21] См.: Кто пополнит ряды безработных? // Аргументы и факты на Енисее. 2004. № 16. С. 4.

[22] Данные ТК «Телесфера» // Программа «Обозрение». 10 апреля 2004.

[23] По материалам официального сайта... http://www.kuszn.ru

[24] См.: Постановление Совета администрации Красноярского края № 112-п от 28 апреля 2004 г. «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения за I квартал 2004 г.» // Красноярский рабочий. 2004. № 65. С. 4.

[25] См.: Социально-экономическое положение Красноярского края... С. 119.

[26] Там же. С. 127.

[27] Там же. С. 129.

[28] Там же. С. 127.

[29] Там же. С. 108—109.

[30] Программы размещены на официальном сайте администрации Красноярского края. http://www.krskstate.ru

[31] См.: Основные результаты работы Счетной палаты Красноярского края // Красноярский рабочий. 2004. № 44. С. 4.

[32] Документ размещен на официальном сайте администрации Красноярского края. http://www.krskstate.ru

[33] Доклады размещены на официальном сайте Законодательного собрания Красноярского края. http://www.legis.krsn.ru

Поступила 10.09.2004.

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2004 г.

Регион	Индекс промышленного производства, % к 2003 г.	Строительство жилых домов		Продукция сельского хозяйства, % к 2003 г.	Оборот розничной торговли, % к 2003 г.	Объем платных услуг населению, % к 2003 г.	Инвестиции в основной капитал, млн руб.	Иностранные инвестиции, тыс. дол. США	Индекс потребительских цен на товары и услуги в декабре, % к декабрю 2003 г.	Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в декабре	
		тыс. кв. м общей площади	% к 2003 г.							руб.	% к среднероссийской стоимости
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Российская Федерация	***106,1***	***40999,4***	***112,5***	***101,6***	***112,1***	***107,0***	***2729834,2***	***40508891***	***111,7***	***4091,1***	***100***
Центральный федеральный округ	**108,3**	**15156,5**	**114,0**	**98,9**	**112,9**	**105,3**	**689025,2**	**19276636**	**112,1**	**4339,7**	**106**
Белгородская область	106,2	802,9	119,6	105,1	115,5	114,1	19956,8	20940	111,7	3538,5	86
Брянская область	105,9	224,3	101,1	98,0	114,2	104,5	6994,0	33692	112,9	3482,9	85
Владимирская область	107,3	327,2	117,1	93,5	112,1	106,1	12008,6	266786	113,5	3558,8	87
Воронежская область	102,7	688,7	91,8	94,1	106,5	102,8	20876,8	57476	113,7	3638,2	89
Ивановская область	110,1	85,9	71,7	93,4	111,6	105,8	8518,7	2718	112,0	3836,6	94
Калужская область	103,7	189,3	87,4	100,5	121,5	101,7	10348,1	24059	114,0	3813,4	93
Костромская область	104,6	81,5	77,6	93,8	115,4	105,8	12177,4	304476	112,9	3509,5	86
Курская область	105,5	276,8	100,3	106,1	119,7	117,4	14535,6	26828	109,9	3867,2	95
Липецкая область	103,0	420,3	120,9	100,8	113,6	110,3	25759,1	1102174	112,9	3494,9	85
Московская область	114,1	5673,3	137,9	98,3	137,9	109,4	135993,7	1828952	112,3	4289,1	105
Орловская область	105,0	241,3	100,8	101,2	108,4	111,3	6805,3	2336	111,7	3382,8	83
Рязанская область	104,5	267,6	101,5	104,1	113,9	109,3	12486,4	44193	111,7	3664,9	90
Смоленская область	99,5	264,2	101,6	102,8	104,9	110,2	10338,1	27156	113,4	3464,5	85
Тамбовская область	104,5	311,1	120,3	94,6	112,1	107,1	10815,3	5705	114,4	3492,2	85
Тверская область	110,3	295,1	100,9	93,8	132,1	104,4	28956,4	2079	111,8	3826,5	94
Тульская область	112,3	215,1	96,4	100,2	118,5	107,8	12652,2	86900	114,1	3589,2	88
Ярославская область	104,7	215,2	100,2	93,9	110,2	109,0	21857,7	83664	111,7	3654,7	89
г. Москва	109,1	4576,8	103,0	—	108,3	103,8	317944,9	15356502	111,5	6191,8	151
Северо-Западный федеральный округ	**113,4**	**3608,5**	**110,9**	**99,5**	**111,9**	**112,9**	**330854,1**	**2869123**	**112,3**	**4306,3**	**105**
Республика Карелия	109,3	91,9	109,9	87,5	112,5	110,2	12596,8	40711	111,1	4085,2	100
Республика Коми	104,3	118,6	74,3	99,2	112,0	110,3	30203,8	72891	111,0	4776,4	117
Архангельская область	137,9	96,3	102,4	97,6	111,6	121,6	30500,9	266780	112,5	4293,5	105
в том числе											
Ненецкий авт. округ	140,4	7,8	82,1	99,2	106,8	99,7	15234,0	39405	117,7	6795,7	166
Вологодская область	105,5	293,0	118,6	96,9	105,5	113,4	41449,7	1108323	111,8	3780,2	92
Калининградская область	125,8	244,5	105,2	104,0	116,7	104,2	18111,5	61867	111,7	4292,7	105
Ленинградская область	110,3	461,8	104,0	98,2	112,1	102,3	67019,0	160865	114,9	4082,7	100
Мурманская область	102,0	6,4	48,6	92,3	105,0	119,4	13532,9	14950	110,8	5617,8	137

Стоимость минимального набора продуктов питания в декабре		Индекс цен производителей промышленной продукции в декабре, % к декабрю 2003 г.	Реальные денежные доходы населения, % к 2003 г.	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, руб.	Просроченная задолженность по заработной плате на 1 января 2005 г., млн руб.				Безработные, тыс. чел.		Потребность организаций в работниках, заявленная в органы государственной службы занятости на 1 января 2005 г., чел.	На 1 000 чел. населения		
					всего	из нее из-за недофинансирования из бюджетов всех уровней			по данным обследований населения по проблемам занятости	зарегистрированные в органах государственной службы занятости на 1 января 2005 г.		родившихся	умерших	естественный прирост (+), убыль (-) населения
руб.	% к среднероссийской стоимости					всего	в том числе из федерального бюджета	в том числе из бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов						
13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
1218,7	***100***	***128,3***	***109,8***	***6831,8***	***12206***	***1005***	***165***	***840***	***5675***	***1920,3***	***788309***	***10,5***	***16,0***	***−5,5***
1234,3	**101**	**120,3**	**110,4**	**7358,9**	**2315,6**	**150,1**	**69,5**	**80,6**	**919**	**244,4**	**298374**	**9,0**	**17,4**	**−8,4**
1048,2	86	150,0	107,4	5294,3	37,9	—	—	—	43	11,2	5917	9,3	16,3	−7,0
1041,6	85	114,4	103,4	4218,1	198,2	1,1	0,6	0,4	58	12,7	3738	9,2	19,1	−9,9
1148,8	94	121,0	100,6	4998,8	158,6	1,3	0,7	0,7	73	19,5	5990	9,3	20,3	−11,0
1114,0	91	115,2	102,7	4570,0	228,3	2,9	—	2,9	94	21,0	6745	8,8	18,7	-9,9
1103,7	91	107,8	100,0	4087,4	76,7	—	—	—	26	13,7	5210	9,0	21,7	−12,7
1183,1	97	111,1	107,1	5573,7	23,5	2,8	0,2	2,5	34	5,3	5413	9,2	18,8	−9,6
1127,2	92	114,1	104,3	4783,9	115,6	5,5	0,0	5,5	22	6,3	4398	10,0	21,2	−11,2
1106,2	91	127,9	115,4	4766,2	112,2	—	—	—	44	10,9	5256	9,0	19,4	−10,4
1050,4	86	145,3	105,9	5742,6	37,1	0,3	—	0,3	25	4,8	4520	9,2	18,3	−9,1
1253,2	103	117,3	119,8	7580,3	118,8	11,9	9,9	1,9	138	36,9	38812	9,2	17,6	−8,4
1120,5	92	113,2	105,4	4415,8	80,8	1,4	—	1,4	26	11,8	2778	9,2	18,8	−9,6
1125,9	92	127,5	96,1	5009,6	64,6	—	—	—	34	7,1	6420	8,6	20,2	−11,6
1161,1	95	112,2	102,9	5017,2	64,2	0,9	0,9	—	48	5,1	3456	8,9	21,3	−12,4
1026,7	84	112,9	106,1	4108,5	141,2	—	—	—	50	13,8	1416	8,7	19,1	−10,4
1201,6	99	115,5	110,8	5375,1	118,8	2,0	0,3	1,7	38	8,5	5345	9,5	23,2	−13,7
1191,1	98	130,8	102,0	5159,2	310,2	63,3	0,0	63,2	38	9,4	7192	8,0	21,8	−13,8
1204,3	99	109,1	103,2	6240,4	77,4	—	—	—	33	11,4	11395	9,5	20,0	−10,5
1505,9	124	114,8	111,3	10637,6	351,7	56,7	56,7	—	95	35,1	174373	8,9	12,7	−3,8
1299,8	**107**	**117,6**	**109,2**	**7675,1**	**871,8**	**46,0**	**13,1**	**33,0**	**444**	**146,5**	**110318**	**9,6**	**17,9**	**−8,3**
1326,5	109	120,8	104,5	6999,8	128,0	14,2	—	14,2	28	13,5	2722	10,4	18,6	−8,2
1355,7	111	103,7	107,7	9583,5	300,6	0,0	0,0	—	66	18,3	4035	11,5	15,2	−3,7
1292,9	106	114,7	110,4	7850,6	161,0	0,4	—	0,4	50	20,6	6746	11,0	17,5	−6,5
2301,5	189	124,0	65,5	19264,4	20,8	—	—	—	2	1,1	65	14,4	12,5	+1,9
1232,3	101	139,5	105,5	6943,7	48,2	4,1	—	4,1	40	14,8	6173	10,7	19,2	−8,5
1316,0	108	108,8	107,1	6212,0	5,5	2,1	0,8	1,3	33	9,1	9204	9,6	18,4	−8,8
1312,3	108	113,8	112,3	6777,1	58,0	9,5	2,6	6,9	61	10,1	11164	8,3	20,4	−12,1
1479,8	121	129,5	97,9	10403,5	57,9	0,2	0,1	0,1	56	22,4	4588	10,2	13,4	−3,2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Новгородская область	108,2	137,1	125,3	103,6	106,8	100,2	7950,6	146156	113,1	3798,5	93
Псковская область	105,9	126,9	111,7	109,0	115,2	113,6	5748,5	11496	111,6	3497,8	85
г. Санкт-Петербург	114,1	2032,0	115,6	—	113,9	114,3	103740,5	985084	112,7	4399,2	108
Южный федеральный округ	**108,0**	**5673,7**	**107,5**	**115,7**	**114,2**	**109,0**	**238467,3**	**688688**	**112,0**	**3713,6**	**91**
Республика Адыгея	133,6	36,8	63,2	114,1	115,9	113,8	2062,5	3144	113,4	3749,5	92
Республика Дагестан	116,6	555,5	106,8	108,3	126,7	145,9	13526,9	—	109,1	3414,0	83
Республика Ингушетия	92,1	12,8	64,4	105,3	107,3	103,0	819,9	—	109,9	3677,9	90
Кабардино-Балкарская Республика	107,0	218,8	102,1	105,2	111,2	105,3	5245,2	—	113,0	3418,3	84
Республика Калмыкия	94,3	44,5	88,6	130,2	112,1	125,0	2631,9	—	114,8	3611,6	88
Карачаево-Черкесская Республика	102,1	63,2	92,3	102,6	130,9	115,4	2802,8	—	112,1	3437,7	84
Республика Северная Осетия — Алания	104,2	136,7	100,5	115,0	109,5	106,8	3811,6	14575	112,5	3395,1	83
Чеченская Республика	...	—[1]	—	...	...	...	4638,8[2]	—	110,3		...
Краснодарский край	104,8	1719,7	108,8	116,2	109,9	102,4	88649,2	275161	112,2	3921,3	96
Ставропольский край	104,3	634,6	100,2	126,4	117,8	110,3	24062,1	10404	113,9	4066,5	99
Астраханская область	98,6	629,8	108,2	104,0	108,6	108,0	18563,5	40255	111,2	3528,1	86
Волгоградская область	105,3	502,4	122,0	110,9	118,1	111,2	28165,8	82139	111,1	3522,7	86
Ростовская область	117,1	1119,1	111,4	119,4	112,7	108,0	43487,1	263010	113,8	3705,3	91
Приволжский федеральный округ	**105,4**	**8069,2**	**106,1**	**101,2**	**112,5**	**107,7**	**429491,5**	**2415474**	**112,4**	**3713,6**	**91**
Республика Башкортостан	103,3	1508,4	102,8	101,6	117,8	110,1	62360,3	91073	114,3	3383,8	83
Республика Марий Эл	111,3	161,9	110,1	104,8	110,8	110,1	5805,5	2169	111,6	3358,4	82
Республика Мордовия	113,4	156,1	101,6	95,4	110,5	107,0	10383,7	34855	117,0	3625,9	89
Республика Татарстан	105,5	1750,0	112,1	103,3	113,3	110,7	86557,8	596141	112,7	3501,6	86
Удмуртская Республика	101,0	360,1	114,4	100,8	109,4	103,6	15369,6	7108	112,1	3514,3	86
Чувашская Республика	111,3	624,9	115,1	100,4	108,0	106,9	14271,4	22175	110,7	3381,0	83
Кировская область	103,5	186,2	115,6	98,0	108,9	105,3	9539,4	9046	111,6	3712,0	91
Нижегородская область	101,5	586,7	101,9	101,2	112,7	105,4	48492,3	80199	114,3	3955,7	97
Оренбургская область	111,3	535,5	102,6	98,6	122,8	106,2	27720,2	87461	110,2	3436,8	84
Пензенская область	108,2	274,1	116,6	108,4	114,5	107,1	10694,1	2081	114,8	3513,6	86
Пермская область	103,6	444,1	106,9	93,8	108,2	106,1	48235,0	334202	112,6	4148,9	101
в том числе											
Коми-Пермяцкий авт. округ	89,0	6,2	55,0	96,1	101,2	100,7	1374,1	469	111,9	3362,6	82
Самарская область	107,9	853,1	100,4	102,5	110,8	112,2	54980,0	1097903	112,7	4402,8	108
Саратовская область	109,5	479,0	100,9	105,1	113,2	101,3	23808,6	3108	110,7	3676,8	90
Ульяновская область	96,6	148,9	81,7	96,7	107,4	103,9	11273,5	47953	114,9	3638,8	89
Уральский федеральный округ	**107,9**	**2943,0**	**104,7**	**96,0**	**118,3**	**107,7**	**488980,2**	**7032922**	**110,4**	**4148,1**	**101**
Курганская область	109,1	72,7	71,5	89,2	118,4	105,5	5656,2	269	109,6	3665,9	90
Свердловская область	109,6	893,3	114,7	99,8	119,6	108,4	69483,0	516828	110,8	3909,3	96
Тюменская область	108,3	1188,4	99,7	104,8	118,5	106,9	363631,7	5832736	109,8	5104,8	125
в том числе											
Ханты-Мансийский авт. округ — Югра	110,5	554,9	95,2	103,0	119,3	105,7	180649,3	4002439	109,7	5635,4	138
Ямало-Ненецкий авт. округ	105,6	117,7	92,5	94,8	119,9	103,9	156884,3	754502	112,2	6180,9	151
Челябинская область	104,6	788,5	106,7	87,6	115,8	108,4	50209,3	683089	111,8	3729,4	91
Сибирский федеральный округ	**103,8**	**3541,7**	**108,2**	**100,0**	**113,5**	**105,3**	**237433,0**	**3153563**	**111,2**	**3983,1**	**97**
Республика Алтай	116,3	27,5	120,0	102,6	108,7	105,7	1945,8	—	112,1	3985,4	97
Республика Бурятия	104,1	190,9	103,5	104,9	109,0	104,6	7193,5	9866	114,7	4313,5	105
Республика Тыва	111,0	16,1	81,1	100,1	110,6	112,1	929,6	—	112,0	4033,0	99

Продолжение

13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
1187,7	97	128,2	98,2	5564,3	31,1	0,8	—	0,8	21	7,2	4264	9,6	22,4	−12,8
1145,7	94	114,5	103,3	4671,8	45,2	5,3	0,1	5,2	21	10,5	2355	9,1	24,3	−15,2
1318,6	108	109,8	113,9	8151,9	36,4	9,4	9,4	—	69	19,9	59067	8,9	16,2	−7,3
1127,9	**93**	**1193**	**111,0**	**4727,6**	**1188,5**	**156,0**	**53,5**	**102,5**	**1302**	**633,4**	**84507**	**11,9**	**13,1**	**−1,2**
1149,9	94	110,5	103,5	4354,4	49,0	0,1	—	0,1	33	8,8	1678	10,6	15,0	−4,4
1146,8	94	112,8	144,1	3126,5	38,3	6,4	—	6,4	297	54,0	757	16,0	6,1	+9,9
1248,3	102	144,3	118,4	4337,5	15,1	—	—	—	65	33,1	57	14,2	3,7	+10,5
1061,9	87	112,5	112,7	3558,8	45,6	2,5	—	2,5	99	34,5	1729	10,5	9,8	+0,7
1048,1	86	143,0	97,1	3636,7	20,3	—	—	—	30	4,9	297	13,5	11,0	+2,5
1079,0	89	112,9	121,1	3679,4	48,2	12,8	3,1	9,7	31	5,8	575	12,0	11,6	+0,4
1059,3	87	125,9	139,2	3973,7	71,2	16,6	0,6	16,0	39	13,7	1024	11,3	12,4	−1,1
1421,8	117	...	...	...	1122,1	255,2	20,9	234,3	...	359,7	0	25,2	5,6	+19,6
1184,7	97	114,3	102,7	5212,8	174,0	2,8	0,1	2,7	212	23,2	28461	10,8	15,4	−4,6
1148,2	94	121,1	110,9	4353,0	121,3	9,6	1,1	8,5	121	21,4	9711	10,3	14,3	−4,0
1115,7	92	144,9	105,3	5688,7	105,1	9,4	—	9,4	57	14,2	975	12,4	15,0	−2,6
1081,7	89	121,5	107,3	4901,0	331,5	95,7	48,4	47,3	128	25,1	16996	9,6	15,4	−5,8
1088,2	89	117,2	108,6	4836,6	168,9	0,1	0,1	—	190	35,0	22247	9,6	15,9	−6,3
1113,9	**91**	**128,4**	**106,0**	**5227,1**	**2678,8**	**154,9**	**22,8**	**132,2**	**1217**	**2853**	**122635**	**10,2**	**16,3**	**−6,1**
1059,6	87	140,1	106,3	5495,5	287,9	—	—	—	138	36,2	16273	11,2	14,1	−2,9
1056,4	87	111,8	104,8	3900,1	45,7	0,5	0,2	0,3	35	8,8	2390	10,7	16,8	−6,1
1126,7	92	108,6	106,0	4089,4	121,5	2,1	0,1	2,0	26	8,5	2397	8,8	17,1	−8,3
1044,8	86	131,7	108,5	5548,4	64,8	0,3	—	0,3	137	27,7	13190	10,3	13,6	−3,3
1084,1	89	114,5	105,2	5163,4	251,6	86,9	0,7	86,2	64	16,5	6091	11,8	15,4	−3,6
1068,4	88	116,6	103,1	4061,3	67,1	1,1	—	1,1	65	13,7	5723	10,6	14,9	−4,3
1125,8	92	114,8	106,1	4552,7	141,6	1,5	0,2	1,3	70	30,5	6190	9,5	18,8	−9,3
1158,4	95	118,5	104,5	5170,7	256,2	36,9	19,6	17,3	134	18,2	13836	9,1	19,8	−10,7
1074,0	88	165,9	110,6	4872,0	429,7	7,9	—	7,9	116	8,0	6033	11,0	15,0	−4,0
1094,9	90	115,5	104,3	4217,2	172,4	—	—	—	48	10,8	5279	8,6	18,1	−9,5
1164,1	96	132,7	103,7	6419,2	257,4	—	—	—	101	20,6	7366	11,4	17,6	−6,2
1045,5	86	117,7	105,3	3503,7	7,6	—	—	—	6	2,4	141	12,1	23,0	−10,9
1250,6	103	121,0	105,0	6312,8	137,9	3,5	1,8	1,7	92	32,5	13035	10,1	16,3	−6,2
1120,1	92	128,5	105,0	4488,2	189,6	12,1	—	12,1	128	29,3	21078	9,4	16,9	−7,5
1082,2	89	114,1	100,8	4473,5	255,4	2,1	0,1	2,0	64	24,0	3754	9,1	16,7	−7,6
1271,7	**104**	**153,2**	**107,4**	**9768,5**	**847,2**	**0,8**	**0,2**	**0,6**	**482**	**151,5**	**58466**	**11,4**	**14,7**	**−3,3**
1097,3	90	115,6	117,1	4576,2	106,2	0,3	—	0,3	61	13,8	2694	10,7	17,6	−6,9
1223,6	100	130,2	112,0	6972,0	202,5	0,5	0,2	0,3	172	48,0	28152	10,8	16,6	−5,8
1490,8	122	167,4	103,8	17343,5	179,6	—	—	—	157	45,5	16297	13,2	9,8	+3,4
1558,4	128	163,7	102,0	20053,7	81,3	—	—	—	80	23,6	6686	13,9	6,7	+7,2
1726,5	142	199,0	108,2	24219,6	77,4	—	—	—	20	9,2	1812	14,0	5,8	+8,2
1186,2	97	137,1	105,8	5939,9	358,9	—	—	—	92	44,3	11325	10,7	16,3	−5,6
1208,4	**99**	**126,5**	**108,5**	**6520,8**	**2141,1**	**138,4**	**1,2**	**137,2**	**1002**	**338,3**	**81766**	**11,6**	**15,9**	**−4,3**
1202,2	99	114,2	108,3	4715,8	2,8	0,0	—	0,0	9	3,8	491	17,2	14,8	+2,4
1292,5	106	127,9	102,5	6178,0	118,6	1,7	—	1,7	68	11,8	5086	13,7	15,3	−1,6
1273,9	105	105,7	103,7	5468,2	76,3	21,3	—	21,3	26	11,5	315	20,1	13,3	+6,8

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Республика Хакасия	104,7	103,8	104,0	95,5	103,9	99,3	5776,8	738	112,8	3965,4	97
Алтайский край	103,2	353,6	84,2	100,3	113,2	108,7	15272,4	1505	112,9	3545,0	87
Красноярский край	102,1	651,5	113,3	100,9	109,1	105,6	43868,4	1621589	110,3	4491,9	110
в том числе Таймырский (Долгано-Ненецкий) авт. округ	105,4	—	—	94,9	107,7	103,4	2303,0	—	124,0	7242,2	177
Эвенкийский авт. округ	103,6	2,4	31,9	91,5	102,8	105,3	1084,9	—	111,4	5215,0	127
Иркутская область	104,1	214,5	99,3	103,0	113,7	110,0	25339,3	194063	110,6	4204,9	103
в том числе Усть-Ордынский Бурятский авт. округ	85,4	4,1	135,0	102,6	109,5	94,7	443,1	—	109,1	3823,6	93
Кемеровская область	102,8	580,5	113,3	101,4	115,8	107,9	50717,3	52739	111,2	3766,9	92
Новосибирская область	110,4	481,9	85,1	95,1	118,2	101,9	24288,6	24110	111,4	3977,8	97
Омская область	112,6	517,2	162,5	101,8	113,5	106,1	23513,7	1085559	109,4	3378,0	83
Томская область	108,3	290,2	123,0	102,3	112,6	99,0	23810,3	66120	111,8	4515,7	110
Читинская область	98,3	113,9	111,8	94,2	115,3	102,4	14777,3	97274	110,4	4019,4	98
в том числе Агинский Бурятский авт.округ	138,2	19,4	208,6	99,8	116,5	111,0	1098,7	—	112,4	3848,2	94
Дальневосточный федеральный округ	**107,3**	**798,4**	**98,0**	**101,1**	**109,8**	**111,9**	**170046,8**	**5072485**	**111,3**	**5410,9**	**132**
Республика Саха (Якутия)	112,8	236,7	90,2	101,7	100,4	109,9	29289,0	834398	110,8	5882,5	144
Приморский край	109,5	196,5	91,1	101,0	115,6	124,2	17607,3	97895	110,8	5123,0	125
Хабаровский край	100,3	179,9	128,5	100,1	108,5	107,1	28480,8	96212	113,8	5363,1	131
Амурская область	102,2	77,6	74,7	108,0	116,9	96,2	19134,1	42724	112,6	4645,5	114
Камчатская область	94,9	9,8	78,0	90,2	102,6	108,5	3865,8	39645	111,3	6158,7	151
в том числе Корякский авт. округ	79,0	—	—	97,5	97,3	88,6	419,2	—	111,0	8034,7	196
Магаданская область	96,8	2,3	33,0	111,5	102,3	102,4	4001,1	33996	109,4	5696,6	139
Сахалинская область	104,8	58,3	136,2	84,9	116,1	116,8	56260,4	3927138	111,5	6353,5	155
Еврейская авт. область	102,0	10,6	100,7	109,3	115,2	111,4	3157,9	477	112,1	4536,2	111
Чукотский авт. округ	109,8	26,7	136,9	163,8	93,7	112,1	8250,4	—	111,1	8806,2	215

[1] В 2004 г. Дирекцией по строительно-восстановительным работам в Чеченской Республике проведены отдельные виды восстановительных работ в жилых домах общей площадью 109,1 тыс. кв. метров.

[2] По данным федеральных органов исполнительной власти, принимающих участие в восстановлении экономики и социальной сферы Чеченской Республики.

Окончание

13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
1326,2	109	121,6	109,4	6264,0	16,1	0,1	—	0,1	28	11,0	2116	12,0	16,2	−4,2
1053,2	86	122,7	108,1	3949,7	489,6	9,9	0,1	9,8	118	52,9	5994	10,8	15,7	−4,9
1385,0	114	113,1	108,1	8540,9	250,9	5,7	0,1	5,6	142	68,7	11619	11,2	15,1	−3,9
2252,5	185	100,0	82,3	16035,8	4,5	—	—	—	2	1,7	107	16,3	8,7	+7,6
2356,9	193	100,0	73,0	11689,8	2,0	0,1	0,1	—	0	0,5	27	15,2	12,4	+2,8
1284,7	105	120,1	107,7	7370,0	326,3	66,3	—	66,3	139	32,1	9269	12,4	16,5	−4,1
1202,3	99	126,2	108,4	3434,9	28,4	8,5	—	8,5	6	1,7	204	15,2	16,0	−0,8
1127,4	93	152,6	112,0	6721,5	88,4	5,0	0,3	4,7	143	56,7	19705	10,7	17,9	−7,2
1192,7	98	117,7	113,0	5925,4	308,2	19,5	0,7	18,8	120	23,5	16912	10,9	15,4	−4,5
1055,6	87	111,7	109,5	5564,3	228,6	0,4	0,0	0,4	90	27,4	6501	10,7	14,9	−4,2
1203,6	99	153,8	102,5	8081,1	97,9	0,3	—	0,3	55	23,7	3072	11,2	14,0	−2,8
1286,1	106	116,2	103,2	6630,7	137,2	8,3	—	8,3	64	14,9	686	13,9	17,1	−3,2
1261,3	103	110,2	114,4	4052,0	5,1	—	—	—	4	1,8	42	16,8	12,4	+4,4
1654.8	**136**	**109,5**	**107,6**	**9290,3**	**2162,9**	**358,7**	**4,5**	**354,2**	**309**	**120,8**	**32243**	**11,9**	**15,0**	**−3,1**
1766,7	145	108,0	101,5	11384,3	247,0	10,1	—	10,1	43	9,4	2968	15,6	10,2	+5,4
1560,0	128	111,8	113,9	7366,5	418,0	40,7	4,2	36,5	104	41,9	10883	10,6	15,7	−5,1
1632,1	134	110,3	105,5	8991,4	279,7	36,2	0,1	36,1	50	26,7	7556	11,3	16,0	−4,7
1347,6	111	114,1	117,6	7469,7	172,5	7,0	0,1	6,9	48	18,5	1854	12,4	17,1	−4,7
2115,2	174	107,8	102,3	12471,8	439,5	181,5	—	181,5	23	8,9	3627	11,2	12,2	−1,0
3456,5	284	113,1	95,5	14566,0	218,7	98,0	—	98,0	2	1,7	7	14,0	19,4	−5,4
1989,8	163	103,6	100,9	11704,2	133,8	0,0	—	0,0	9	6,0	776	11,4	13,3	−1,9
1851,1	152	109,9	109,8	11875,2	417,1	81,1	0,1	81,0	22	6,8	3290	11,4	16,1	−4,7
1525,8	125	111,1	109,0	6627,1	18,2	2,1	—	2,1	8	1,4	562	12,1	17,1	−5,0
3560,6	292	116,7	76,7	19519,0	37,3	—	—	—	1	1,2	727	15,3	12,1	+3,2

ВЕЛИЧИНА ПРОЖИТОЧНОГО МИНИМУМА, УСТАНОВЛЕННАЯ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА IV КВАРТАЛ 2004 г.

по состоянию на 5 марта 2005 г.;
в среднем на душу населения; рублей в месяц

Регион	Все население	В том числе по социально-демографическим группам		
		трудоспособное население	пенсионеры	дети
1	2	3	4	5
Российская Федерация	***2 451***	***2 690***	***1 849***	***2 394***
Центральный федеральный округ				
Белгородская область	2 019	2 220	1 510	2 004
Брянская область	2 000	2 190	1 524	2 054
Владимирская область	2 177	2 406	1 662	2 125
Воронежская область	2 109	2 326	1 602	2 115
Ивановская область	2 365	2 561	1 841	2 426
Калужская область	2 307	2 519	1 759	2 317
Костромская область	2 212	2 426	1 714	2 122
Курская область	2 334	2 514	1 930	2 292
Липецкая область	1 963	2 148	1 477	1 982
Московская область	2 817	3 240	1 951	2 636
Орловская область	1 980	2 178	1 495	2 033
Рязанская область	2 192	2 407	1 711	2 219
Смоленская область	2 165	2 371	1 638	2 180
Тамбовская область	2 016	2 241	1 554	1 990
Тверская область	2 361	2 609	1 824	2 356
Тульская область	2 108	2 349	1 645	2 135
Ярославская область	2 255	2 506	1 678	2 229
г. Москва	3 703	4 265	2 531	3 377
Северо-Западный федеральный округ				
Республика Карелия	2 784	3 061	2 150	2 562
Республика Коми	3 229	3 482	2 479	3 118
Архангельская область	2 866	3 151	2 143	2 726
Вологодская область	2 354	2 587	1 734	2 267
Калининградская область	2 703	2 969	1 994	2 580
Ленинградская область	2 524	2 690	1 868	2 460
Мурманская область	3 798	4 054	2 783	3 661
Новгородская область	2 401	2 662	1 797	2 374
Псковская область	2 060	2 308	1 507	1 945

Продолжение

1	2	3	4	5
г. Санкт-Петербург	2 919	3 334	2 133	2 574
Ненецкий авт. округ	4 661	5 084	3 370	4 574
Южный федеральный округ				
Республика Адыгея	2 074	2 271	1 640	2 031
Республика Дагестан[1]	1 757	1 890	1 389	1 666
Республика Ингушетия[1]	2 091	2 270	1 591	1 933
Кабардино-Балкарская Республика[1]	1 765	1 914	1 343	1 730
Республика Калмыкия	2 079	2 211	1 580	2 071
Карачаево-Черкесская Республика	1 973	2 179	1 462	1 874
Республика Северная Осетия — Алания	1 841	2 013	1 442	1 797
Чеченская Республика[1]	2 199	2 339	1 787	2 132
Краснодарский край	2 278	2 496	1 756	2 237
Ставропольский край	2 244	2 441	1 785	2 196
Астраханская область	2 147	2 351	1 642	1 996
Волгоградская область	1 978	2 182	1 491	1 972
Ростовская область	2 180	2 394	1 603	2 229
Приволжский федеральный округ				
Республика Башкортостан[1]	1 968	2 165	1 455	1 954
Республика Марий Эл	2 001	2 153	1 485	1 996
Республика Мордовия	2 190	2 378	1 661	2 175
Республика Татарстан	2 012	2 214	1 439	2 011
Удмуртская Республика	2 178	2 359	1 606	2 110
Чувашская Республика	2 007	2 179	1 496	2 016
Кировская область	2 275	2 490	1 699	2 290
Нижегородская область	2 355	2 592	1 757	2 416
Оренбургская область	2 059	2 244	1 544	2 041
Пензенская область	2 123	2 336	1 638	2 078
Пермская область	2 559	2 771	1 926	2 534
Самарская область	2 630	2 926	1 990	2 534
Саратовская область	2 325	2 536	1 735	2 364
Ульяновская область	2 276	2 475	1 757	2 232
Коми-Пермяцкий авт. округ	2 370	2 603	1 740	2 363
Уральский федеральный округ				
Курганская область	2 313	2 539	1 768	2 296
Свердловская область	2 432	2 637	1 884	2 395
Тюменская область	2 428	2 649	1 771	2 310
Челябинская область	2 303	2 508	1 681	2 340

Окончание

1	2	3	4	5
Ханты-Мансийский авт. округ — Югра	3 770	3 996	2 830	3 611
Ямало-Ненецкий авт. округ	4 136	4 284	3 095	3 959
Сибирский федеральный округ				
Республика Алтай	2 458	2 685	1 808	2 298
Республика Бурятия	2 974	3 221	2 262	2 823
Республика Тыва	2 659	2 815	1 976	2 661
Республика Хакасия	2 464	2 657	1 850	2 492
Алтайский край	2 095	2 310	1 504	2 045
Красноярский край	2 865	3 105	2 069	2 802
Иркутская область	2 706	2 951	1 996	2 574
Кемеровская область	2 376	2 580	1 664	2 448
Новосибирская область	2 573	2 817	1 881	2 555
Омская область	2 153	2 322	1 562	2 205
Томская область	2 774	2 960	2 066	2 780
Читинская область	2 782	3 015	1 944	2 698
Агинский Бурятский авт. округ	2 568	2 831	2 015	2 371
Таймырский (Долгано-Ненецкий) авт. округ	5 233	5 461	4 053	5 039
Усть-Ордынский Бурятский авт. округ	2 836	2 963	2 189	2 945
Эвенкийский авт. округ	5 458	5 781	4 401	5 183
Дальневосточный федеральный округ				
Республика Саха (Якутия)	4 153	4 473	3 154	3 950
Приморский край	3 259	3 505	2 504	3 146
Хабаровский край	3 662	3 940	2 758	3 487
Амурская область	3 091	3 340	2 337	2 925
Камчатская область	4 209	4 617	3 063	4 124
Магаданская область	4 008	4 223	2 915	3 870
Сахалинская область	4 435	4 715	3 375	4 241
Еврейская авт. область	2 940	3 238	2 232	2 778
Корякский авт. округ[1]	4 897	5 020	4 005	4 922
Чукотский авт. округ[1]	6 264	6 467	4 814	6 258

[1] Данные за III квартал 2004 года.

ИСПОЛНЕНИЕ КОНСОЛИДИРОВАННЫХ БЮДЖЕТОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2004 г.

тыс. рублей

Регион	Доходы	Расходы	Профицит, дефицит(−)
1	2	3	4
Российская Федерация, млрд руб.	***2 403,2***	***2 371,9***	***31,2***
Центральный федеральный округ			
Белгородская область	17 269 224	15 727 941	1 541 283
Брянская область	11 205 929	11 674 020	−468 091
Владимирская область	13 547 444	13 496 371	51 073
Воронежская область	19 629 627	19 785 345	−155 718
Ивановская область	10 527 820	10 494 065	33 755
Калужская область	12 113 106	12 623 341	−510 235
Костромская область	7 170 580	7 540 063	−369 483
Курская область	11 527 111	11 438 605	88 506
Липецкая область	22 059 334	18 621 010	3 438 324
Московская область	97 081 095	102 498 675	−5 417 580
Орловская область	8 642 484	8 671 233	−28 749
Рязанская область	11 815 974	11 923 533	−107 559
Смоленская область	9 473 180	9 464 720	8 460
Тамбовская область	9 471 650	9 748 599	−276 949
Тверская область	14 629 106	14 550 645	78 461
Тульская область	16 149 480	16 326 807	−177 327
Ярославская область	17 484 446	19 443 097	−1 958 651
г. Москва	394 086 393	407 847 320	−13 760 927
Северо-Западный федеральный округ			
Республика Карелия	10 475 703	11 069 238	−593 535
Республика Коми	20 436 263	20 459 686	−23 423
Архангельская область	18 208 463	18 088 439	120 024
Вологодская область	24 860 786	21 256 507	3 604 279
Калининградская область	11 236 212	11 505 211	−268 999
Ленинградская область	22 445 854	23 466 578	−1 020 724
Мурманская область	16 219 395	15 771 778	447 617
Новгородская область	7 462 668	7 451 420	11 248
Псковская область	7 808 132	8 096 548	−288 416
г. Санкт-Петербург	95 293 958	94 042 899	1 251 059
Ненецкий авт. округ	4 649 322	3 721 694	927 628
Южный федеральный округ			
Республика Адыгея	3 724 868	3 835 792	−110 924

Продолжение

1	2	3	4
Республика Дагестан	19 060 438	19 513 493	−453 055
Республика Ингушетия	4 341 304	4 179 176	162 128
Кабардино-Балкарская Республика	6 391 250	6 439 824	−8 574
Республика Калмыкия	5 335 125	4 873 235	461 890
Карачаево-Черкесская Республика	4 425 218	4 659 877	−234 659
Республика Северная Осетия — Алания	8 282 550	8 090 237	192 313
Чеченская Республика	25 038 027	24 609 525	428 502
Краснодарский край	52 298 527	53 065 533	−767 006
Ставропольский край	22 724 801	22 845 737	−120 936
Астраханская область	9 027 659	9 459 255	−431 596
Волгоградская область	22 474 284	23 759 776	−1 285 492
Ростовская область	36 073 711	35 364 082	709 629
Приволжский федеральный округ			
Республика Башкортостан	48 575 778	48 206 683	369 095
Республика Марий Эл	7 050 423	7 291 618	−241 195
Республика Мордовия	21 467 747	20 080 461	1 387 286
Республика Татарстан	75 004 437	78 850 260	−3 845 823
Удмуртская Республика	17 694 070	18 231 958	−537 888
Чувашская Республика	12 641 292	13 171 078	−529 786
Кировская область	14 321 845	15 183 808	−861 963
Нижегородская область	34 149 476	34 027 156	122 320
Оренбургская область	23 051 843	22 505 594	546 249
Пензенская область	12 454 384	12 413 234	41 150
Пермская область	39 509 973	36 316 249	3 193 724
Самарская область	42 865 354	42 038 281	827 073
Саратовская область	22 333 648	22 925 131	−591 483
Ульяновская область	11 385 922	11 190 054	195 868
Коми-Пермяцкий авт. округ	2 517 979	2 479 854	38 125
Уральский федеральный округ			
Курганская область	9 373 355	9 423 287	−49 932
Свердловская область	53 212 155	52 299 497	912 658
Тюменская область	49 672 363	34 102 592	15 569 771
Челябинская область	43 934 030	38 464 963	5 469 067
Ханты-Мансийский авт. округ — Югра	143 793 841	119 386 467	24 407 374
Ямало-Ненецкий авт. округ	53 973 326	51 563 046	2 410 280
Сибирский федеральный округ			
Республика Алтай	5 067 282	5 089 409	−22 127
Республика Бурятия	14 282 841	14 189 570	93 271

Окончание

1	2	3	4
Республика Тыва	5 818 657	5 844 955	−26 298
Республика Хакасия	6 426 797	6 216 930	209 867
Алтайский край	24 087 189	24 600 491	−513 302
Красноярский край	57 667 711	56 603 071	1 064 640
Иркутская область	31 370 360	32 217 375	−847 015
Кемеровская область	46 844 289	43 771 801	3 072 488
Новосибирская область	30 261 463	33 764 407	−3 502 944
Омская область	33 395 246	30 443 598	2951 648
Томская область	15 886 696	16 529 761	−643 065
Читинская область	15 225 856	15 516 290	−290 434
Агинский Бурятский авт. округ	3 567 909	3 096 102	471 807
Таймырский (Долгано-Ненецкий) авт. округ	4 611 886	4 611 402	484
Усть-Ордынский Бурятский авт. округ	2 231 839	2 270 491	−38 652
Эвенкийский авт. округ	5 915 703	2 751 577	3164 126
Дальневосточный федеральный округ			
Республика Саха (Якутия)	42 876 395	46 523 118	−3 646 723
Приморский край	28 756 978	28 661 289	95 689
Хабаровский край	28 840 966	33 125 109	−4 284 143
Амурская область	15 266 402	15 493 040	−226 638
Камчатская область	9 174 850	9 676 543	−501 693
Магаданская область	7 585 134	7 761 944	−176 810
Сахалинская область	14 412 011	14 817 674	−405 663
Еврейская авт. область	3 115 733	3 045 100	70 633
Корякский авт. округ	2 380 698	2 525 149	−144 451
Чукотский авт. округ	16 877 493	14 406 521	2 470 972

Заказ № 2152

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЯСНЕНИЯ

По ряду показателей приведены оперативные данные, которые могут быть уточнены.

Индекс промышленного производства — относительный показатель, характеризующий изменение масштабов производства в сравниваемых периодах. Индекс характеризует изменение создаваемой в процессе промышленного производства стоимости в результате изменения только физического объема производимой продукции. Для исчисления индекса используется метод, основанный на динамике показателей промышленной продукции в натурально-вещественном выражении с последующей поэтапной агрегацией на укрупненные отрасли и промышленность в целом. Данные по Российской Федерации приведены с учетом поправки на неформальную деятельность.

Продукция сельского хозяйства. Приведен индекс физического объема продукции сельского хозяйства — относительный показатель, характеризующий изменение массы произведенных продуктов растениеводства и животноводства в сравниваемых периодах. Для исчисления индекса используется показатель объема продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах.

Инвестиции в основной капитал — совокупность затрат, направленных на создание и воспроизводство основных фондов (новое строительство, расширение, а также реконструкция и модернизация объектов, которые приводят к увеличению первоначальной стоимости объектов и относятся на добавочный капитал организации, приобретение машин, оборудования, транспортных средств, на формирование основного стада, многолетние насаждения и т.д.). Инвестиции в основной капитал по Российской Федерации включают затраты МПС России на централизованное приобретение подвижного состава, а также уточнение параметров неформальной деятельности на федеральном уровне, без распределения данных по федеральным округам.

Иностранные инвестиции в экономику России — вложения капитала иностранными инвесторами, а также зарубежными филиалами российских юридических лиц в объекты предпринимательской деятельности на территории России

в целях получения дохода. Инвестиции делятся на прямые, портфельные и прочие.

Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг для межрегиональных сопоставлений покупательной способности населения по Российской Федерации и отдельным регионам исчисляется на основе единых объемов потребления, а также средних цен по России и ее субъектам. В состав набора включены 83 наименования товаров и услуг, в том числе 30 видов продовольственных товаров, 41 вид непродовольственных товаров и 12 видов услуг.

Стоимость минимального набора продуктов питания определена на основе минимального набора продуктов питания для мужчины трудоспособного возраста (приведен в Методических рекомендациях по определению потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения в целом по Российской Федерации и в субъектах Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 17 февраля 1999 г. № 192). Данные о стоимости набора приведены в расчете на месяц. Показатель отражает межрегиональную дифференциацию уровней потребительских цен и не является составляющим элементом величины прожиточного минимума, определяемого в субъектах Российской Федерации, что объясняется различием методологических подходов при их формировании. При расчете стоимости минимального набора продуктов питания по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации используются единые (установленные в целом по Российской Федерации) минимальные объемы потребления, в то время как при расчете величины прожиточного минимума — объемы, сформированные на основе зонирования субъектов Российской Федерации в зависимости от факторов, влияющих на особенности потребления продуктов питания.

Индекс потребительских цен характеризует изменение во времени общего уровня цен и тарифов на товары и услуги, приобретаемые населением для непроизводственного потребления. Измеряет отношение стоимости фиксированного набора товаров и услуг в текущем периоде к его стоимости в предыдущем периоде. В набор товаров и

услуг включены более 400 товаров (услуг)-представителей. Наблюдение за ценами и тарифами производится во всех столицах республик, центрах краев, областей, автономных округов, городах федерального значения и выборочно — в районных центрах, отобранных с учетом их представительности в отражении социально-экономического и географического положения регионов.

Индекс цен производителей промышленной продукции рассчитывается на основании регистрации цен на товары-представители в базовых промышленных организациях. Наблюдение за ценами производителей осуществляется более чем в 7,5 тыс. промышленных организаций. Расчет средних цен и индексов цен производится более чем по 800 товарам-представителям. Цены производителей представляют собой фактически сложившиеся на момент регистрации цены промышленных организаций на произведенную продукцию, предназначенную для реализации на внутреннем рынке (без налога на добавленную стоимость, акциза и других налогов, не входящих в себестоимость). Рассчитанные по товарам-представителям индексы цен производителей последовательно агрегируются в индексы цен соответствующих подотраслей, отраслей и на промышленность в целом. В качестве весов используются данные об объеме производства в стоимостном выражении базисного периода.

Реальные денежные доходы населения характеризуют изменение денежных доходов населения в сравниваемых периодах в сопоставимых ценах (с корректировкой на индекс потребительских цен). Денежные доходы населения включают доходы лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, выплаченную заработную плату (начисленную заработную плату, скорректированную на изменение задолженности) наемных работников, пенсии, пособия, стипендии и другие социальные трансферты, доходы от собственности в виде процентов по вкладам, ценным бумагам, дивидендов и другие доходы.

Среднемесячная номинальная заработная плата исчисляется делением фонда начисленной заработной платы работников на среднесписочную численность работников и на количество месяцев в периоде. В фонд заработной платы

включаются начисленные суммы в денежной и натуральной формах за отработанное время и неотработанное время, доплаты и надбавки, премии и единовременные поощрения, компенсационные выплаты, связанные с режимом работы и условиями труда, а также оплата питания и проживания, имеющая систематический характер.

Просроченной задолженностью по заработной плате считаются фактически начисленные работникам суммы заработной платы, но не выплаченные в срок, установленный коллективным договором или договором на расчетно-кассовое обслуживание, заключенным с банком (расчетно-кассовым центром). Число дней задержки считается, начиная со следующего дня после истечения этого срока.

Безработные в соответствии со стандартами Международной организации труда — лица в возрасте, установленном для измерения экономической активности, которые в рассматриваемый период удовлетворяли одновременно следующим критериям:

— не имели работы (доходного занятия);

— занимались поиском работы, т.е. обращались в государственную или коммерческую службы занятости, использовали или помещали объявления в печати, непосредственно обращались к администрации предприятия или работодателю, использовали личные связи или предпринимали шаги к организации собственного дела (поиск земли, зданий, машин и оборудования, сырья, финансовых ресурсов, обращение за разрешениями, лицензиями и т.п.)

— были готовы приступить к работе в течение следующей недели.

Учащиеся, студенты, пенсионеры и инвалиды учитываются в качестве безработных, если они занимались поиском работы и были готовы приступить к ней.

Информация об общей численности безработных приведена по данным обследований населения по проблемам занятости, проводимых органами государственной статистики с квартальной периодичностью; о численности зарегистрированных безработных — по данным Федеральной службы по труду и занятости.

Незначительные расхождения итогов от суммы слагаемых объясняются округлением данных.

Заявленная предприятиями потребность в работниках — число вакансий (требуемых работников), сообщенных предприятиями и организациями в органы государственной службы занятости.

Общие коэффициенты рождаемости и смертности — отношение соответственно числа родившихся (живыми) и числа умерших к численности населения в пересчете на год. Исчисляются на 1000 человек населения.

Коэффициент естественного прироста (+), убыли (–) населения — разность общих коэффициентов рождаемости и смертности.

Величина прожиточного минимума в соответствии с Федеральным законом «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» представляет собой стоимостную оценку потребительской корзины, включающей минимальные наборы продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности, а также обязательные платежи и сборы. Потребительская корзина в целом по Российской Федерации установлена Федеральным законом «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации», в субъектах Российской Федерации она устанавливается законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации.

Величина прожиточного минимума определяется ежеквартально и устанавливается в целом по России Правительством Российской Федерации, в регионах России — органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Консолидированный бюджет субъекта Российской Федерации — бюджет субъекта Российской Федерации и свод бюджетов муниципальных образований, находящихся на его территории. Информация в разрезе субъектов Российской Федерации приведена с web-сайта Минфина России по состоянию на 18 февраля 2005 года.

Федеральная служба государственной статистики www.gks.ru

«Российская газета». 2005. 31 марта.

ВЕДУЩИЙ ЦЕНТР РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИИ

История Совета по изучению производительных сил — одной из старейших научно-исследовательских организаций России — уходит своими корнями в 1915 г. Именно тогда Российская Императорская Академия Наук по инициативе академика В.И.Вернадского вынесла решение о создании Комиссии по изучению естественных производительных сил России — КЕПС, преобразованную в 1930 г. в Совет по изучению производительных сил — СОПС АН СССР. В его 90-летний юбилей редакция обратилась с вопросами к одному из ветеранов Совета профессору А.А.Адамеску, проработавшему в нем 44 года.

— В чем заключаются наиболее характерные особенности, отличающие исследования Совета от других научных организаций?

— **А.А.Адамеску.** В коренной реконструкции территориальной структуры хозяйства страны активную роль играли СОПС и его предшественница КЕПС, осуществляя крупные экспедиционные работы, проводя научные региональные конференции, а в последние десятилетия XX в. разрабатывая Генеральные схемы развития и размещения производительных сил и связанные с ними отраслевые и территориальные схемы. Методологически увязка развития отраслей на территории осуществлялась на основе Генеральной схемы, а территориальная организация производительных сил через районные планировки отдельных административно-территориальных единиц, промышленных районов и промузлов. Для СОПСа всегда был характерен комплексный подход в размещении производительных сил, не случайно идея территориально-производственных комплексов (ТПК) и промузлов получила наибольшее развитие, наряду с ИЭ и ОПП СО РАН, именно здесь.

— С чем была связана необходимость создания в России такой комплексной научной организации?

— Наступление XX в. совпало для России с существенным экономическим подъемом. Хотя он и прерывался кризисными годами, общие результаты хозяйственного роста

были значительными. В тесном взаимодействии с зарубежным капиталом перестраивалась промышленность России на основе ее концентрации, улучшения техники и технологии производства, повышения производительности труда, закрепления промышленных монополий и руководства финансовым капиталом. И все же в техническом отношении по ряду очень важных позиций Россия серьезно отставала от развитых капиталистических стран. В экономических связях она по существу была их сырьевым придатком. Недостаточным было научное обоснование решения многообразных проблем экономического и социального развития. В самый разгар Первой Мировой войны выяснилось, что в России не было точных данных о стратегическом сырье (вольфрам, молибден, серный колчедан, сера, свинец, селитра и др.). Требовалось срочно обобщить имеющиеся разрозненные данные, а по недостающим провести соответствующие изыскания. Война способствовала ускорению создания специальной научной организации — комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС) — предшественницы СОПС.

Крайне неравномерное размещение производства в России было одной из причин невысокого развития экономики и ее уязвимости в военном отношении накануне Первой Мировой войны. Половина всей промышленности сосредоточивалась в центральных и северо-западных губерниях. При этом 90 % площади страны оставалось неизученным геологически.

— Какова роль КЕПС в решении сложнейшей для России задачи — электрификации?

— Первая мировая и гражданская войны привели к сокращению производства электроэнергии в 4 раза, поэтому для развития страны своевременной была разработка и последующая реализация плана ГОЭЛРО.

В плане ГОЭЛРО определялись меры развития различных отраслей народного хозяйства на базе электрификации. Валовая продукция промышленности должна была возрасти по сравнению с 1913 г. в 1,8—2 раза. Планировалось значительное увеличение добычи угля, нефти, торфа, железной руды, выплавки чугуна и стали, производства бумаги и т.д. Участие КЕПС, предшественницы СОПса

в этих процессах, было широким и полезным. Вклад КЕПС в разработку плана ГОЭЛРО существенен как по выполнению директивных поручений данной тематики, так и использованию материалов КЕПС по природным ресурсам, систематизированных ранее. Сопоставление разработок КЕПС с содержанием плана ГОЭЛРО показывает, что разработчики плана так или иначе использовали широкий круг материалов КЕПС по природным ресурсам.

Задача первостепенной важности для КЕПС — составление порайонного кадастра гидроэнергетических ресурсов России по определенной программе. Ко времени образования ГОЭЛРО для многих районов работы были закончены, для других — продолжались. В связи с запросами ГОЭЛРО был составлен общий краткий обзор — «Водные силы России», в котором особое внимание уделялось оценке изученности гидроэнергоресурсов отдельных рек районов. Планом электрификации было выделено 8 экономических районов — Северный, Центрально-промышленный, Южный, Приволжский, Уральский, Западно-Сибирский, Кавказский и Туркестанский. Охватывая всю территорию РСФСР, план ГОЭЛРО являлся одновременно и планом народно-хозяйственного развития районов. В территориальном развитии плана был дан подробный анализ особенностей отдельных районов, намечены перспективы их дальнейшего развития с учетом максимального использования внутрирайонных природных и экономических ресурсов. КЕПС готовила и представляла в ГОЭЛРО материалы и разработки по районам, относящимся главным образом к природным условиям, естественным ресурсам и их хозяйственному использованию.

— Какие другие комплексные исследования удалось провести в 20-е гг.?

— Для реализации плана ГОЭЛРО в 1921 г. был образован Госплан, который в дальнейшем стал органом текущего и перспективного развития народного хозяйства страны. Председателем Госплана был назначен и находился на этом посту до 1930 г. председатель Комиссии ГОЭЛРО Г.М.Кржижановский. Как крупный ученый, он ценил работу КЕПС, и при нем в практику Госплана вошло привлечение ее к выполнению различных исследований по ресурсно-народ-

но-хозяйственной проблематике. Рекомендации или заказы Госплана учитывались при организации экспедиций, определении направленности работы, а результаты исследований КЕПС использовались в плановой работе. Госплан непосредственно рассматривал отдельные стороны работы КЕПС, например, план Якутской экспедиции и др. Г.М.Кржижановский в дальнейшем являлся председателем комиссии АН СССР по Урало-Кузбассу, входил в состав Президиума преемника КЕПС — Совета по изучению производительных сил (СОПС).

Вопросы об энергетических ресурсах затрагивали все работы по изучению производительных сил, поэтому в числе важнейших задач КЕПС стали учет энергетических ресурсов страны и разработка вариантов их рационального использования. Составление кадастра водных ресурсов получило высокую оценку Всемирной энергетической конференции в Лондоне в 1924 г., где СССР оказался среди немногих стран, представивших исчерпывающие сведения о своих источниках водной энергии. Эта работа была выполнена с помощью экспедиционных исследований, которые давали материал для кадастра. Кроме научной разработки вопросов энергетики, КЕПС проводила большую консультационную работу по запросам республик, областей, учреждений, например, по вопросам водной энергии давались консультации и проводились экспертизы по гидроэнергетическим ресурсам и установкам на реках Свири, Сулаке, Дону, Катуни и др.

— В чем значение исследований для получения в России современных материалов?

— В годы Первой Мировой войны Россия не производила алюминия. До 1916 г. не было также известно сырье для его производства. Иностранные поставщики алюминия получали огромные прибыли. Одна тонна алюминия в 1916 г. продавалась в России за 5 400 руб. золотом против цены на бирже Нью-Йорка 2 500 руб. За годы Первой Мировой войны Россия затратила на покупку алюминия более 44 млн руб. золотом.

В издании КЕПС «Естественные производительные силы России» даны первые сведения об отечественном сырье для алюминия. В докладе на первом Всесоюзном совещании по

цветным металлам в 1925 г. утверждалось, что «более целесообразной представляется разработка способов собственными силами и средствами; помимо устранения зависимости от заграницы, разработка в СССР способов извлечения чистой окиси алюминия из тихвинских бокситов и сохранит русские деньги, и будет способствовать развитию нашей науки и техники». С 1926 г. вступила в строй Волховская ГЭС, которая могла обеспечить электроэнергией глиноземный алюминиевый завод. В 1929 г. Совет труда и обороны принял решение о строительстве Волховского алюминиевого завода, который в 1932 г. дал первый алюминий, используя в качестве рудной базы тихвинские бокситы.

По основным направлениям план ГОЭЛРО был выполнен в 1931 г., а в 1935 г. — перевыполнен почти в 3 раза. Поставленная в нем основная задача по восстановлению в кратчайшие сроки разрушенного прошедшими войнами народного хозяйства, обеспечения его дальнейшего развития была достигнута. Основой развития экономики стала электрификация, получившая возможность дальнейшего расширения. Создание мощной электроэнергетической базы обеспечило высокие темпы экономического роста в предвоенные годы.

— Какова роль СОПСа в разработке первых пятилетних планов?

— К разработкам первых пятилетних планов развития народного хозяйства СССР имели прямое отношение КЕПС и СОПС — подготавливая различные материалы, отдельные их подразделения и сотрудники работали по тематике Госплана. В этот период особенно быстрыми темпами развивались машиностроение, химическая промышленность, производство качественных сталей, интенсивно шло техническое перевооружение народного хозяйства. Были построены сотни промышленных предприятий, в их числе такие гиганты, как Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, Сталинградский тракторный завод, Горьковский и Московский автомобильные заводы и др. СОПСом проводилась большая работа и по ряду конкретных энергетических объектов. Например, велись исследования по проблеме «Большая Волга» — сооружение

на Волге каскада ГЭС и орошения засушливых регионов Поволжья. Академик Б.Е.Веденеев руководил строительством гидроэлектростанций (Ярославской, Пермской и др.), организовал в Госплане СССР экспертизу по схеме реконструкции Средней Волги, строительства Волго-Донского канала и ирригации Заволжья. В 1939 г. Президиум Академии наук создал комиссию для координации работ по проблемам строительства Куйбышевского гидроузла с широким участием СОПСа. Волжско-Камской комплексной экспедицией в 1933—1934 гг. проведены исследования и даны обоснования нового расположения Ярославской ГЭС с перенесением строительства плотины под г. Рыбинск, что предотвратило затопление больших площадей сельскохозяйственных угодий и нанесение ущерба сельскому хозяйству.

Уже во второй половине 20-х гг. экспедиционные работы приняли широкий размах, а в 30-е гг. (период ускоренной индустриализации страны) СОПС развернул свыше 100 крупных комплексных экспедиций. Эти исследования охватили огромную территорию — от района Курской магнитной аномалии (КМА) до Забайкалья и Дальнего Востока, от Кольского полуострова до крайнего юга страны. Трудами ученых СОПСа или при их активном участии в довоенные годы были открыты, экономически обоснованы для эксплуатации и введены в действие важнейшие месторождения нефти, угля, железной руды, цветных и редких металлов, нерудного сырья, целые металлорудные узлы и районы. Тем самым по существу удалось создать заново минерально-сырьевую и топливную базу страны, обеспечить условия развития электроэнергетики во многих районах.

— В чем заключался вклад исследований в период Великой Отечественной войны?

— Во время Великой Отечественной войны на основе работ прежних экспедиций СОПСа, Комиссий по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири, Среднего Поволжья, Прикамья и др. ученые внесли существенный вклад в победу над гитлеровской Германией. Есть основание говорить о недостаточности сдвига производительных сил на восток в предвоенный период, в частности, в Повол-

жье, на Урал, Западную Сибирь, о чем в своих исследованиях постоянно убеждал СОПС. Хотя в этих районах много было сделано для создания крупного экономического и оборонного потенциала на базе освоения их природных ресурсов, в том числе и энергетических, тем не менее просчет состоял в том, что даже не предполагалось, хотя бы чисто теоретически, что в случае войны эти районы приобретут решающее значение в материально-техническом обеспечении нужд страны.

СОПСом еще в предвоенные годы была организована Уральская комплексная экспедиция, продолжившая свою деятельность в военный период в тесной связи с созданным в сентябре 1941 г. Президиумом АН СССР Комиссией по мобилизации ресурсов Урала для обороны страны. Ее председателем был назначен президент Академии Наук СССР В.Л.Комаров, а его заместителем — И.П.Бардин. Деятельность комиссии была интенсивной и разнообразной. Например, в первые годы войны Урал был единственным районом страны, производящим алюминий. На основе обобщения материалов научных учреждений и Наркомцветмета Комиссия разработала мероприятия по обеспечению сырьем и электроэнергией алюминиевого производства и интенсификации глиноземного и электролизного производства.

В 1942 г. комиссия разработала ряд неотложных мероприятий по приведению энергетики Урала в соответствие с растущими запросами оборонной промышленности. Ввиду особой важности обеспечения действующих и строящихся предприятий Урала электроэнергией в Комиссии была разработана программа развития уральской энергетики, предусматривающая рост производства электроэнергии в 1,5 раза. В июне 1942 г. в составе СОПСа на базе ряда групп, созданных осенью 1941 г. для содействия оборонным организациям, была организована Комиссия по мобилизации ресурсов Среднего Поволжья и Прикамья на нужды обороны. Учет и изучение ресурсов Поволжья, осуществленные Комиссией, в конечном итоге привели к подробным комплексным характеристикам его регионов. Эти работы долгое время имели существенное значение для развития народного хозяйства Поволжья.

— Каково значение научных разработок СОПСа в послевоенном восстановлении и развитии страны?

— Новые комплексные экспедиции, научные конференции и совещания в послевоенные годы позволили значительно ускорить развитие производительных сил восточных и северных районов страны. В послевоенные годы вопросы комплексного развития и размещения производительных сил были в числе актуальных. Предусматривалось совершенствование размещения производительных сил, приближение промышленности к источникам сырья, топливно-энергетическим ресурсам и к районам потребления. Намечалась рациональная специализация, комплексное развитие хозяйства экономических районов с учетом более эффективного использования их природных и трудовых ресурсов. При этом обращалось внимание на необходимость строгого разделения развития западных и восточных районов. Предусматривалось создать комплексы предприятий энергетики и энергоемкой тяжелой индустрии в Сибири, намечался следующий после 30-х гг. и военного периода крупнейший сдвиг производительных сил в восточные районы.

— Какова роль научных конференций в рационализации развития и размещения производительных сил?

— Впервые после второй пятилетки в стране состоялся ряд научных конференций, активную роль в организации и проведении которых играл СОПС. Уже в конце 1945 г. в г. Перми (г. Молотове) проходила созванная СОПСом Конференция по изучению производительных сил Пермской (Молотовской) области. В принятых материалах конференцией были намечены основные направления развития народного хозяйства области на ближайший период, пути рационального использования ее природных ресурсов, определены экономический профиль области, место в системе народного хозяйства Урала и страны. Наиболее полно освещались вопросы о средних гидростанциях, лесохимиии, медных рудах и т.п. Отмечалось, что сооружение крупных Пермской и Соликамской ГЭС на р. Каме, средних ГЭС на реках Косьвае, Чусовой, Усьве и др. создадут условия для превращения Пермской области в основную базу электроснабжения Северного и Среднего Урала.

Среди районных проблем области была обсуждена проблема Камско-Печорско-Вычегодского энерго-транспортного комплекса как одна из важнейших частей Урало-Печорской проблемы, которая изучалась специальной комиссией по Урало-Печоре при СОПСе. Задачами этого комплекса являлись энергетическое использование водных ресурсов района, создание водного соединения Камы с Печорой и Северной Двиной, улучшение судоходства по этим рекам. В настоящее время далеко не все принятые решения представляются научно обоснованными, но они явились фундаментальной базой для планирования хозяйства и постановки дальнейших исследований важнейших проблем комплексного развития области.

В 1947 г. СОПСом организована Конференция по изучению производительных сил Иркутской области. Она отражала важный этап в решении одной из крупнейших народно-хозяйственных проблем комплексного освоения богатейших естественных ресурсов Восточной Сибири, в первую очередь ее гигантских энергетических ресурсов, превращения Восточной Сибири в один из важнейших индустриальных районов. Следует отметить, что развитие производительных сил Восточной Сибири рассматривалось как часть развития производительных сил страны и являлось отражением тенденции движения промышленности на Восток. Было признано своевременным поставить на всестороннее обсуждение и глубокую проработку проблемы создания в Иркутской области на базе черемховских углей, ангаро-илимских железных руд, леса, солей и гидроэнергии р. Ангары мощного энергопромышленного комбината, который в будущем мог стать ядром крупной угольно-металлургической и химической базы Восточной Сибири.

Была признана своевременной разработка генерального плана развития народного хозяйства Восточной Сибири, причем в более отдаленной перспективе отмечалась возможность строительства в пределах территории Красноярск—Енисейск—Усть—Кут—Иркутск крупнейшего промышленного комплекса нового типа на основе гидроэнергии р. Ангары с масштабами энергопотребления, превышающими или равными тем, которые были достигнуты на Урале и

в Кузнецком районе на основе использования углей, при эффективности труда в 2—3 раза более высокой и с крупными энергетическими резервами для дальнейшего развития. Этот комплекс после включения в свой состав енисейско-ангарских установок мог быть теснейшим образом связан с Кузнецким районом. Вместе с тем он позволил бы вовлечь в эксплуатацию крупные лесные ресурсы, рудное, топливное, минерально-химическое сырье.

В 1948 г. СОПСом проведена конференция по Кузбассу, посвященная дальнейшему развитию производительных сил крупнейшего в Сибири Кузнецкого промышленного района. Сибирь планировалось превратить в мощную общесоюзную базу по добыче угля, производству металла и электроэнергии, в основную базу электроемких производств, особенно алюминия, титана, углехимии и электрохимии. Предпосылкой являлась концентрация в Сибири, в частности, в Кузнецком бассейне, крупнейших природных ресурсов, где на ограниченной площади сосредоточены большие запасы каменного угля, железных руд, руд цветных металлов, сырья для промышленности строительных материалов, лесных ресурсов. Здесь уже в первой пятилетке был создан Урало-Кузнецкий комбинат, объединивший уральскую железную руду с кузнецкими коксующимися углями.

В 1958 г. СОПСом была организована конференция по развитию производительных сил всей Восточной Сибири. Она рекомендовала усилить темпы капитального строительства в Восточной Сибири, прежде всего электростанций и энергоемких производств, ускорить строительство Красноярской ГЭС, начать работу по созданию Единой энергетической системы (ЕЭС) страны на основе объединения с ЕЭС Сибири и ЕЭС европейской части через мощную электропередачу Восточная Сибирь — Урал; расширить в Восточной Сибири геологические и поисково-разведочные работы с целью выявления на ее территории промышленных месторождений нефти, газа, фосфоритов, сырья для сернокислотного производства, высококачественных бокситов и марганцевых руд; приступить к освоению Ангаро-Питского железорудного бассейна для снабжения рудой второго Западно-Сибирского завода; разработать комплексный проект освоения Южно-Якутского каменноугольного

бассейна и построить новые угледобывающие предприятия на Чульманском и Нерюнгринском месторождениях коксующихся углей, а также начать подготовку богатых по содержанию железа Сиваглинского и Таежного месторождений, что явится предпосылкой для создания новой угольно-металлургической базы на востоке страны.

В дальнейшем дешевая электроэнергия мощных ГЭС — Иркутской, Ангарской, Красноярской на реках Ангаре и Енисее позволила приступить к строительству в Сибири алюминиевых заводов — Красноярского, Братского, Шелеховского, Новокузнецкого.

— С чем был связан переход СОПСа из АН СССР в Госплан СССР?

— С 60-х гг. характер направления деятельности СОПСа меняется. Это было связано с передачей его из системы Академии наук в Госэкономсовет СССР (позже Госплан СССР). Определенные динамика и структурные сдвиги в экономике должны были привести к крупным изменениям в размещении и территориальном развитии производительных сил. Госплан СССР намечал значительно улучшить планирование в этой области, в частности, ввести предплановую стадию. Были подготовлены предложения о разработке научно-обоснованных схем развития и размещения отраслей промышленности, а также территориальных схем. Позднее в перечень основных задач вошла и разработка Генеральных схем размещения производительных сил.

СОПС, еще находясь в системе АН СССР, в 1959 г. приступил к подготовке научных материалов по проблеме «Генеральная схема размещения производительных сил». Переход его в систему Госплана СССР был закономерен, т.к. СОПС имел многолетний опыт исследования природных ресурсов и размещения производства и был призван также координировать долгосрочные планы развития союзных республик, разрабатывать проблемы ряда зарубежных стран, в первую очередь членов СЭВ.

В 1964 г. СОПС представил проект Генеральной схемы на период 1966—1970 гг. Это был первый опыт комплексного научного изучения народного хозяйства, в связи с чем отличался недостаточным научным обоснованием. Поэтому

Совету поручалось создание Генеральной схемы на период 1971—1980 гг. Были подготовлены Методические указания по разработке Генеральной схемы, сохранившие свое значение до настоящего времени. СОПС в последующем уделял большое внимание научно-методической работе, позволяющей комплексно решать проблемы размещения производительных сил.

Генеральная схема, впервые разработанная на 10 лет с подробным выделением ближайшего пятилетия, представляла собой научное обоснование рационального размещения производительных сил страны на длительный период с вариантными технико-экономическими расчетами. Этот обобщающий предплановый документ прогнозного характера должен был отразить оптимальные территориальные пропорции единого народно-хозяйственного комплекса страны, пути повышения эффективности производства и благосостояния народа на основе совершенствования территориального разделения труда, правильного сочетания развития и размещения отраслей производства с формированием хозяйственных комплексов на территории. Непосредственной разработке документа предшествовала подготовка научной концепции как по стране в целом, так и по отдельным отраслям и регионам.

— Какова была необходимость формирования территориально-производственных компонентов (ТПК) и роль СОПСа в их создании?

— В ходе составления схем выявилась ограниченность энергетических ресурсов в европейских районах, намечалось развитие топливных баз Востока и на их основе энергоемких производств. В Генсхему включались схемы народно-хозяйственных (территориально-производственных) комплексов — Западно-Сибирского, Саянского и др., где важнейшую роль играет электроэнергетика и базирующиеся на ее основе крупные мощности энергоемких производств. Однако, целостное планирование ТПК, как правило, не проводилось. В то же время практика показала необходимость включения этих объектов в народно-хозяйственные планы, т.к. на их развитие отрицательно влияли ведомственные тенденции, что приводило к нарушению комплексности и большим народнохозяйственным

потерям. Так, несогласованность ввода энергетических мощностей и потребителей энергии приводили к нерациональному ее использованию, как это было, например, при сооружении Братской ГЭС и алюминиевого завода. Отрицательные последствия такого развития сказались и в разрыве между строительством объектов производственной и непроизводственной сферы. Нарушались принципы градостроительства, организации транспорта, энерго- и водоснабжения, охраны окружающей среды. Первые попытки планового регулирования формирования ТПК были предприняты путем включения в состав государственных планов экономических и социальных показателей Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, но они охватывали лишь часть отраслей, входящих в Западно-Сибирский ТПК. Вопросы среднесрочного планирования ТПК общесоюзного значения были решены только начиная с одиннадцатой пятилетки.

— В чем, на ваш взгляд, значение формирования региональной экономики как направления экономической науки?

— Практика разработки схем развития и размещения производительных сил сформировала в последующие годы новые важные направления экономических исследований — комплексное размещение производительных сил, региональную экономику. Это позволило СОПСу последовательно выступать перед руководящими органами страны по актуальным проблемам размещения производительных сил. Он один из первых решительно выступил против строительства Нижнеобской и Нижневолжской ГЭС, Селенгинского целлюлозного комбината на Байкале, как экономически нерациональных и экологически вредных объектов. Аргументированные возражения были выдвинуты против других несостоятельных предложений министерств, ведомств и местных органов, например, о размещении крупных энерго- и водоемких предприятий в топливно-дефицитных и экологически уязвимых районах (новый металлургический завод полного цикла или расширение Ново-Липецкого комбината в Центрально-Черноземном районе и др.). Однако предприятия, против строительства которых возражал СОПС, были введены в эксплуатацию: текстильные комби-

наты в Кузбассе, впоследствии сильно недогруженные из-за нежелания трудиться на низкооплачиваемой работе вторых членов шахтерских семей (предлагались взамен другие предприятия); Саянский электротехнический куст с трудоемкими производствами (рекомендовалось довести до проекта Новосибирский куст); новый автомобильный завод в перегруженном автомобилестроением Поволжье (предлагался завод в Алтайском крае) и др.

Тем не менее, следует подчеркнуть, что благодаря разработанным Генеральным схемам и связанным с ними отраслевыми, территориальными схемами (важнейшими инструментами территориального планирования и прогнозирования), существенно улучшились территориальные пропорции и более определенными стали приоритеты развития народного хозяйства, в частности, определение отраслевой и региональной очередности технической реконструкции и расширения предприятий, интенсификации производства, рационального использования капитальных вложений и других производственных ресурсов, выравнивание уровней экономического и социального развития районов, совершенствования их хозяйственной специализации и комплексности, например, путем формирования наукоемких производств в европейских районах и энерго-водоемких производств на Востоке и т.д.

Под влиянием разработки схем совершенствовалась система территориальных проектных разработок, включающих схемы районных планировок областей, краев, АССР и проекты районной планировки для их частей, схемы единых генеральных планов промузлов, генеральные планы городов. Схемы и проекты районной планировки являлись основой при выборе площадок для строительства промышленных предприятий, включая энергетические объекты, инженерных и транспортных сооружений, жилищного, культурно-бытового и прочего строительства, составлении проектов планировки и застройки отдельных населенных мест и зон отдыха. СОПС или активно участвовал в разработке экономической части многих районных планировок, или проводил их экспертизу. Это позволяло комплексно решать проблемы размещения производительных сил и на уровне их территориальной организации.

— Как через официальные документы и экспертизу использовались СОПСом важнейшие результаты исследований?

— СОПС использовал и другие рычаги совершенствования размещения производительных сил. С конца 60-х гг. обязательным условием согласования и утверждения титульных списков капитального строительства, реконструкции и расширения предприятий стало получение по ним заключений СОПСа, как головной организации по размещению производительных сил. Другим рычагом стало появление в материалах съездов КПСС раздела по размещению производительных сил, которые традиционно поручалось готовить СОПСу. Это позволяло увязывать на территории предложения отдельных министерств и ведомств, республик, краев, областей, внедрять результаты собственных научных исследований.

Многие годы СОПС использует программно-целевой метод, позволяющий максимально учитывать важнейшие факторы, влияющие на комплексное развитие производительных сил на территории. Специфика его разработки и реализации в современных условиях заключается в новых организационных формах и методах управления программами, в способах привлечения исполнителей и распределении ресурсов. В последние годы с участием и под руководством СОПСа разработано не только большое число региональных программ, но и впервые на таком уровне были подготовлены крупнейшие межрегиональные федеральные целевые программы «Дальний Восток и Забайкалье», «Сибирь».

Особое место в увязке развития отраслей промышленности принадлежит экспертизе. Практически весь период существования СОПС участвовал в экспертизе проектов строительства крупнейших предприятий, программ, прогнозов социально-экономического развития. Наиболее интенсивно она началась в послевоенные годы, когда при Госплане СССР был создан Совет технико-экономической экспертизы (до 1949 г. Совет научно-технической экспертизы). Хотя он был создан еще в 1944 г., его роль возросла именно после Великой Отечественной войны. Среди обсуждаемых вопросов были важные районно-комплексные проблемы размещения крупнейших предприятий. Активное

участие СОПСа в определенной степени обеспечивалось тем, что экспертизу при Госплане СССР возглавлял в первые годы академик Л.Д.Шевяков, бывший одновременно Председателем СОПСа. Перечень только ряда рассмотренных в эти годы объектов показывает значение экспертизы: схема комплексного использования Средней Волги, Обь — Кулундинская комплексная водохозяйственная проблема, проектное задание Камской ГЭС, Калужской ГЭС на р. Оке, Череповецкий металлургический завод, Нижне-Туринская ГРЭС, Стерлитамакский содовый завод, Ново-Кемеровский химический комбинат, выбор площадок для строительства ТЭЦ и камвольно-суконного комбината в Краснодаре, Горьковская ГЭС, Ярославский автомобильный завод, Ново-Куйбышевский и Ново-Уфимский нефтеперерабатывающие заводы и многие другие.

В ходе экспертизы нередко вносились предложения, обусловленные необходимостью комплексного решения конкретных задач и значительно меняющие первоначальные. Так, при рассмотрении схематического проекта Енисейского гидроузла экспертиза сочла целесообразным составить комплексную схему всего Ангаро-Енисейского каскада. Практика впоследствии подтвердила правильность такого подхода. Экспертиза освоения месторождений Курской магнитной аномалии сочла недостаточным использование только железистых кварцитов и рекомендовала одновременно вести и разработку богатых руд. В последующие годы, исходя из особенностей развития экономики, экспертизе подвергались приоритетные проекты — оценка потенциальных и прогнозных запасов нефти, газа и конденсата Прикаспийской впадины и направления геофизических и поисково-разведочных работ, первая очередь переработки части стока р. Волги в р. Дон, региональная система расселения по территории РСФСР, Генеральная схема развития и размещения химической промышленности, Краснодарский энергокомплекс, Схема комплексного использования и охраны водных ресурсов СССР, Схема развития и размещения производительных сил Нечерноземной зоны РСФСР, строительство канала Волга-Дон II и водохозяйственный баланс р. Волги, проект Катунской ГЭС и многое другое. При этом наряду с другими все большее место стала занимать экс-

пертиза проектов разномасштабных региональных федеральных целевых программ — Дальний Восток и Забайкалье, Сибирь, Каспий, Калининградская область, Северная Осетия, Мордовия, Якутия, Корякский автономный округ и др.

— Какие современные основные направления научных исследований СОПСа?

— В настоящее время основные направления научных исследований СОПСа связаны с разработкой стратегии, прогнозов и программ территориального развития страны, ее крупных регионов и субъектов Российской Федерации, комплексных проблем размещения производительных сил, включая проблемы экономической безопасности; обоснованием региональной экономической и социальной политики, территориальных аспектов экономических реформ, методов взаимодействия Российской Федерации, ее субъектов и межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия, механизмов регулирования территориального развития страны и ее регионов; исследованием проблем природопользования и экологии, устойчивого развития страны и ее регионов; комплексным анализом тенденций и проблем интенсификации морской деятельности России на фоне изменений международных условий использования ресурсов и пространств Мирового океана; анализом проблем, связанных с развитием экономической интеграции Российской Федерации с государствами и странами Балтии, определения путей их решения.

СОПС на протяжении длительного периода принимал активное участие в разработке экономического районирования и реорганизации административно-территориального устройства страны. Здесь была выдвинута идея федеральных округов и подготовлен проект укрупнения и унификации субъектов Российской Федерации.

— Кто из ученых осуществлял руководство КЕПС—СОПС?

— Особо следует подчеркнуть, что с момента организации КЕПС — СОПС научной деятельностью руководили крупнейшие ученые, мировые имена: академики В.И.Вернадский, И.М.Губкин, В.Л.Комаров, Л.Д.Шевяков, В.С.Немчинов, Н.Н.Некрасов. Это в значительной степени гарантировало постановку приоритетных проблем и высокий уро-

вень исследований. В настоящее время коллектив СОПСа возглавляет академик РАН А.Г.Гранберг.

Следует отметить, что в интервью изложена лишь часть обширной деятельности КЕПС—СОПС по рационализации размещения производства при комплексном развитии и приведены отдельные характерные примеры этой деятельности. Развитие рыночных отношений, системное реформирование всех сфер жизни страны ставят перед учеными и практиками новые задачи, обусловленные переходным состоянием нашего общества. Безусловно, это открывает для СОПСа огромное поле деятельности, а его научный потенциал позволяет нам с оптимизмом смотреть в будущее и готовиться к его 100-летнему юбилею.

И.Р.ГАФУРОВ

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕРОПРИЯТИЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ

Исследование общих тенденций развития методологических основ процесса стратегического программирования и проблем при разработке и реализации программ развития территорий является основой формирования концепции стратегического программирования развития территории на качественно новом уровне. При этом особую актуальность модели может придать только реальность, конкретность и практическая применимость предлагаемых подходов. Необходим унифицированный набор инструментов стратегического программирования развития промышленности территории, который позволит создать глубокий, реализуемый и реально действующий, четко прописанный сценарный ход при подготовке и реализации программ развития промышленности и территории в целом. При этом особую актуальность имеют инструменты оценки экономического потенциала территории, позволяющие объективно оценить место и роль территории во внешней среде и выявить внутренние тенденции и проблемы. Кроме того, практически не разработана оценка эффективности мероприятий территориального стратегического программирования, позволяющая количественно и качественно оценить результаты их реализации во взаимоувязке со стратегическими приоритетами территории.

Прежде чем перейти к изложению основных положений предлагаемых методик представляется необходимым обо-

---

ГАФУРОВ Ильшат Рафнатович, Глава администрации Елабужского района и г. Елабуги, кандидат физико-математических наук.

значить основные отправные тезисы, характеризующие современные требования к процессу стратегического программирования развития промышленности территории, исходя из которых и был разработан предлагаемый инструментарий оценки.

Во-первых, при разработке стратегии продуктивен маркетинговый подход, предполагающий анализ потенциала региона, с одной стороны, и внешней среды — с другой. При этом, говоря об анализе внешней среды, следует выделить анализ социально-экономической ситуации непосредственного окружения, а также макросреды, что предполагает рассмотрение не только различных вариантов среднесрочной стратегии развития российской экономики, но и среднесрочных тенденций развития экономики сопредельных территорий.

Во-вторых, отбор конкретных бизнес-проектов в процессе стратегического программирования должен, на наш взгляд, идти как с точки зрения их экономической, так и социальной эффективности (в ряде случаев можно ставить вопрос и об экологической эффективности), в том числе на основании специальных критериев, позволяющих увязать конечные результаты реализации проектов со стратегическими приоритетами территории.

В-третьих, в силу того, что имеющиеся финансовые ресурсы в распоряжении органов власти и управления территорий невелики по объемам и их структура далека от оптимальной, то особое значение приобретает механизм оценки и отбора проектов, предусматривающих максимальные вложения на территории (как прямых, так и косвенных).

Основу предлагаемого подхода составляет комплекс стратегических инструментов, отобранных и разработанных в ходе нашей работы по управлению развитием территории. Первый набор используется для оценки потенциала территории на этапе формулирования стратегических приоритетов территории. Рассмотрим каждый элемент представленного алгоритма.

SWOT-анализ рассматривается как средство агрегации результатов детальных обследований и обоснований, итогом которых становятся суждения относительно сравни-

тельных качественных преимуществ или недостатков территории. Идеология SWOT-анализа позволяет при этом не упустить из виду конечную цель всех расчетов и обоснований — дать ответ на вопросы о перспективных направлениях развития, позволяющих активизировать естественные преимущества, элиминировать недостатки, использовать все открывающиеся возможности и избежать потенциальных опасностей. Методика анализа достаточно широко представлена в работах российских и зарубежных ученых[1]

Метод рыночного (конкурентного) профиля территории удобно применять для составления профиля макроокружения, непосредственного окружения и внутренней среды территории. С помощью этого метода удается оценить относительную значимость для территории отдельных факторов среды. Для этого в таблицу рыночного (конкурентного) профиля территории выписываются отдельные факторы среды. Каждому фактору экспертным путем дается оценка его важности для отрасли по шкале: высокая — сильная важность, средняя — умеренная важность, низкая — слабая важность; оценка уровня использования фактора по шкале: сильное — сильное, среднее — умеренное, слабое — слабое.

По проведенной оценке можно сделать заключение, какие из факторов среды имеют наиболее важное значение для территории и, следовательно, заслуживают самого пристального внимания, а какие — меньшего. Результаты вносятся в таблицу для анализа. К основным факторам развития территории можно отнести такие, как рыночная конъюнктура (текущее состояние экономики, деловой климат, перспективы роста территории); институциональные рынки (наличие инфраструктуры развития бизнеса); транспортно-географическое положение; трудовые ресурсы (возрастной состав, безработица, качество трудовых ресурсов, их квалификация и профессионализм); научно-технический потенциал территории; финансово-экономические факторы (условия инвестиций, баланс доходов и расходов, уровень рентабельности хозяйствующих субъектов); организационные факторы (эффективность системы управления, отношения между уровнями власти, отношения власти и хозяйствующих субъектов, наличие стратегии развития терри-

тории и программ социально-экономического развития, степень участия общественности в процессе управления развитием территории); предпринимательство и государство (деятельность и активность общественных организаций, организации по защите прав, инвестиционных фондов и другие информационные факторы); маркетинг территории (имидж территории, степень продвижения и конкурентоспособности территории, деятельность и активность СМИ, наличие сайтов в Интернете).

Позиционирование территории и ее отраслей среди других территорий (отраслей) также весьма важно, так как для обеспечения стабильного и динамичного социально-экономического развития в условиях трансформации территория должна знать свои основные конкурентные преимущества. Под позиционированием территории и хозяйствующих субъектов понимается оценка текущего состояния территории, хозяйствующего субъекта при сопоставлении с оценкой других территорий, хозяйствующих субъектов. Оно помогает территории выявить, на каких направлениях деятельности и рынках сбыта региону целесообразно играть роль лидера, на каких действовать в режиме партнерства, а с каких — уйти.

Для позиционирования выбираются критерии, в соответствии с которыми проводится оценка территории, отраслей, хозяйствующих субъектов. Дальнейший алгоритм позиционирования представлен на рис. 1.

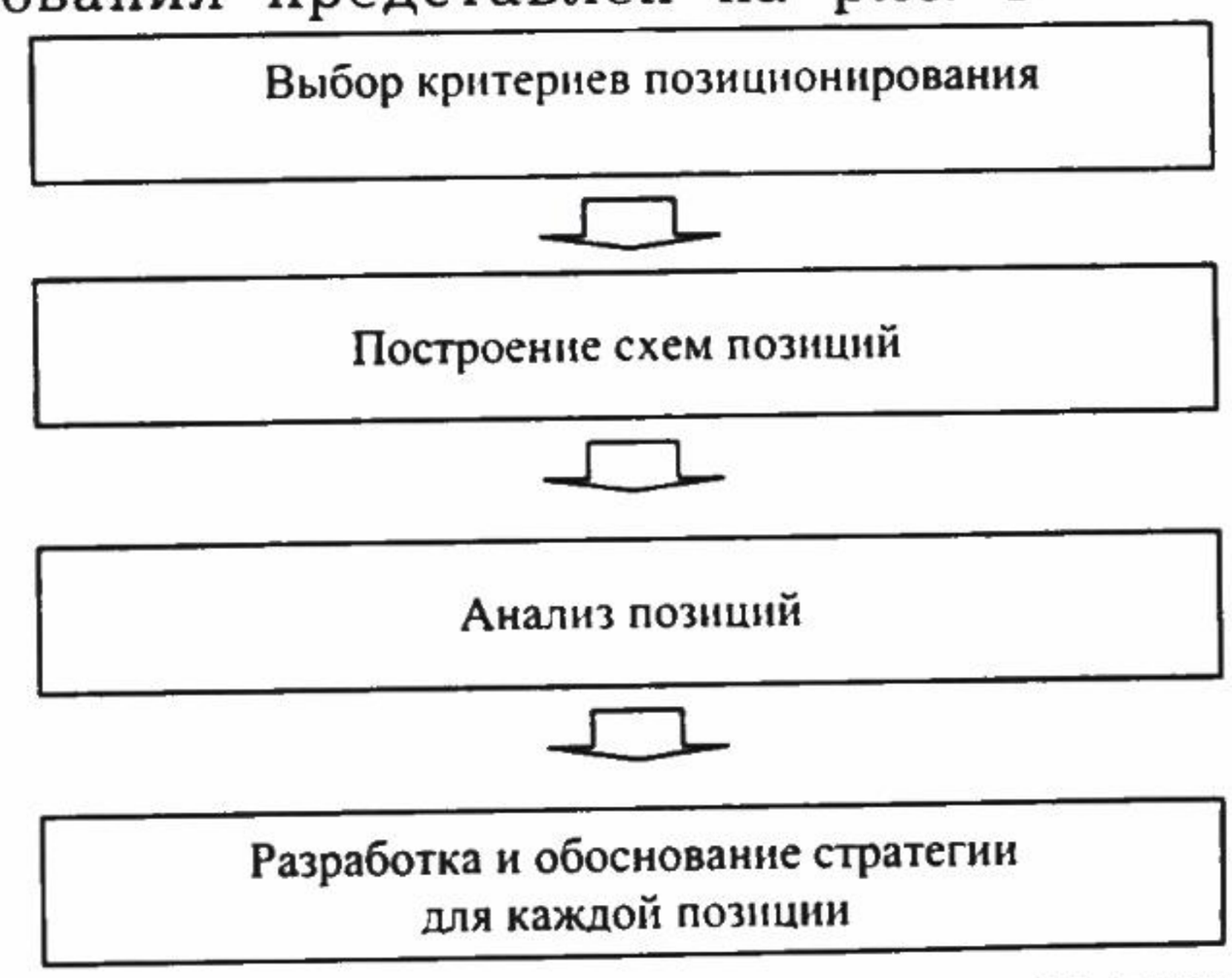


Рис. 1. Алгоритм проведения различных вариантов позиционирования

С точки зрения предлагаемой методики при определении стратегических направлений и приоритетов территории необходимо оценить текущее состояние территории, определить перспективность отраслей промышленности в целом и обозначить позицию отдельных хозяйствующих субъектов с точки зрения их вклада в развитие территории.

В первую очередь предлагается позиционировать территорию, то есть определить в каком состоянии и на какой позиции находится территория в данный момент времени по двум критериям: уровню собственных доходов территории; доле производимой продукции территории в общем объеме производимой продукции в регионе или стране.

Первый критерий (*У*) рассчитывается как отношение суммы собственных доходов бюджета территории (*Д*), то есть сумма налоговых и неналоговых поступлений к расходной части бюджета (*Р*).

$$У = Д/Р$$

Второй критерий — доля производимой продукции территории в общем объеме производимой продукции в регионе (стране), определяется отношением производимой продукции территории к общему объему производимой продукции в регионе (стране). Модель «уровень собственных доходов — доля в объеме продукции» представляет из себя своеобразное отображение позиций конкретной территории в стратегическом пространстве, определяемом двумя координатными осями (*X*, *Y*), одна из которых (*Y*) используется для измерения критерия уровня собственных доходов территории (определяются значения от 0 до $+\infty$), а другая (*X*) — для измерения доли производимой продукции территории в общем объеме производимой продукции региона (определяются значения от 0 до +1). Таким образом, модель представляет собой пространство, которое условно можно разбить на 4 сектора (рис. 2).

Любую территорию можно поместить в данную модель позиционирования. В ней выделяются четыре группы территорий, соответствующие различным стратегическим целям и финансовым возможностям. Позиция территории укрепляется по мере приближения к правому верхнему углу третьего сегмента.

Модель позиционирования применима также к отраслям и хозяйствующим субъектам. Рассмотрим предлагаемый

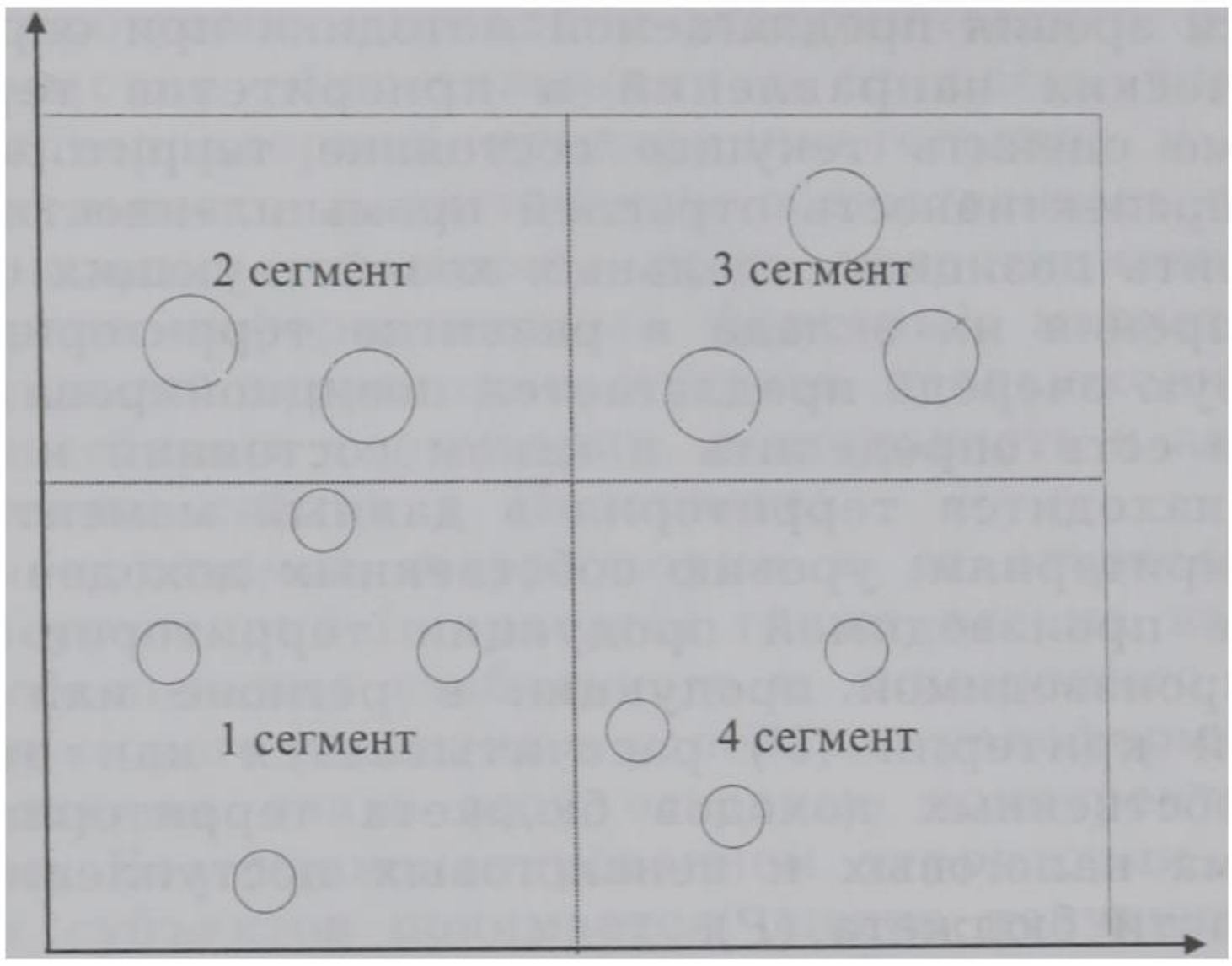


Рис. 2. Модель позиционирования территорий «уровень собственных доходов — доля в объеме продукции»

подход к позиционированию хозяйственных субъектов территории с точки зрения их социально-экономической значимости, а именно, исходя из его вклада в развитие территории. В основе этого подхода лежит предположение, что чем больше хозяйствующий субъект вкладывает в развитие территории в сравнении с потреблением услуг, финансируемых из бюджета территории, и чем больше его доля в общем объеме производимой продукции, тем сильнее позиции хозяйствующего субъекта и весомее вклад в развитие территории.

При построении данной модели используются два критерия: критерий эффективности деятельности хозяйствующих субъектов территории и доля хозяйствующего субъекта в общем объеме производимой продукции на территории.

Критерий эффективности деятельности хозяйствующих субъектов территории определяет степень вклада хозяйствующего субъекта в развитие территории посредством отчислений налогов в бюджет территории, финансовых вложений на благоустройство, социальные объекты, оказание спонсорской помощи социальным учреждениям, на мероприятия, проводимым на территории. Этот критерий обозначается Kg и определяется по формуле:

$$Kg = (ФВ - УБ) / РБ,$$

где *ФВ* — финансовые вложения хозяйствующего субъекта на развитие территории, *УБ* — показатель оказания услуг, финансируемых из бюджета территории хозяйствующему субъекту либо его работникам, *РБ* — расходы бюджета территории.

Второй критерий (доля хозяйствующего субъекта в общем объеме производимой продукции на территории) определяется отношением объема произведенной продукции хозяйствующего субъекта к общему объему произведенной на территории промышленной продукции.

Модель «эффективность субъекта — доля в объеме продукции» по аналогии с моделью «уровень собственных доходов — доля в объеме продукции» также представляет отображение позиций конкретного хозяйствующего субъекта в стратегическом пространстве, определяемом двумя координатными осями (X, Y), одна из которых (Y) используется для измерения критерия эффективности деятельности хозяйствующего субъекта (определяются значения от -1 до $+\infty$), а другая (X) — для измерения доли хозяйствующего субъекта в общем объеме производимой продукции на территории (определяются значения от 0 до $+1$). Таким образом, модель представляет собой пространство, разбитое на 2 сектора (рис. 3):

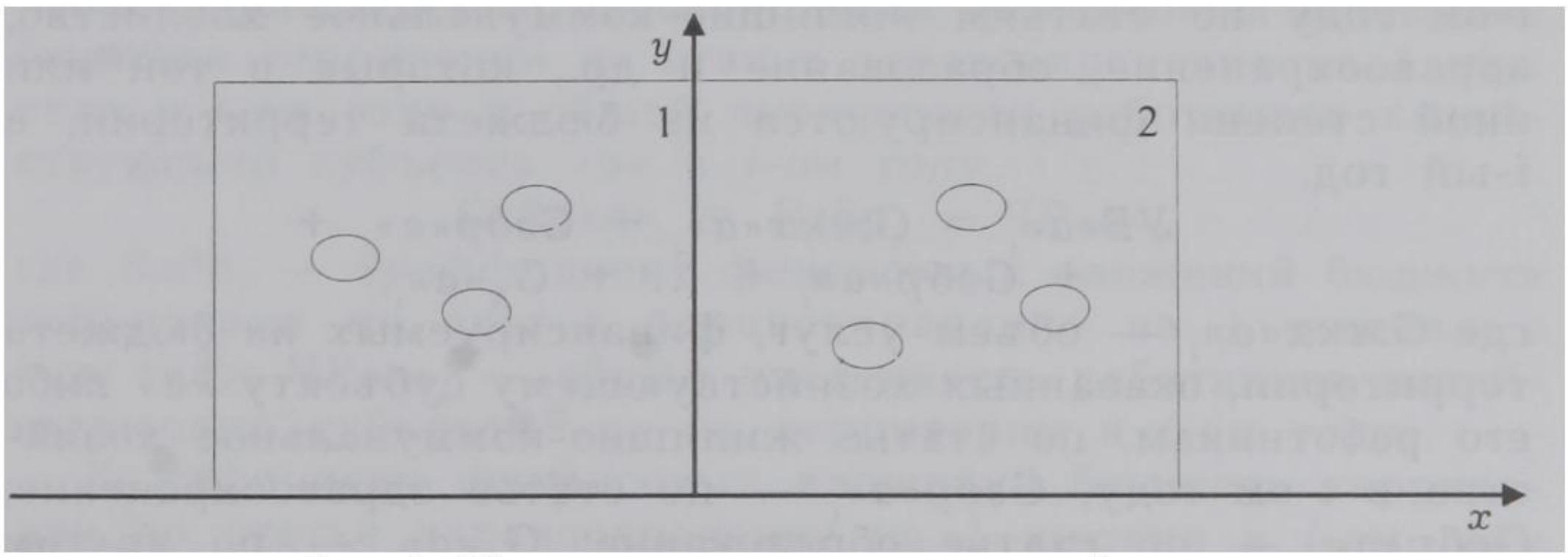


Рис. 3. Модель позиционирования субъектов хозяйственной деятельности территории «эффективность субъекта — доля в объеме продукции»

В данную модель позиционирования можно поместить любой хозяйствующий субъект.

Эффективность государственного стимулирования хозяйствующих субъектов. Одним из направлений любой стратегии социально-экономического развития территории является стимулирование хозяйствующих субъектов территории, реализующих приоритетные стратегические задачи. В связи с этим необходимо выработать критерии ранжирования субъектов хозяйственной деятельности в зависимости от их участия в территориальном воспроизводственном процессе. В основе предлагаемого подхода лежит принцип сбалансированности потребления хозяйствующим субъектом услуг, финансируемых из бюджета, и степени его финансовых вложений на развитие территории, основная формула расчета которого была приведена выше[2]

Имеет смысл остановиться более подробно на методе расчета, учитывающем каждый вид вложений хозяйствующего субъекта, и объем услуг, оказываемых бюджетом территории самому предприятию, либо косвенно через его работников.

Показатель $УБ«a»_i$ (показатель оказания услуг, финансируемых из бюджета территории, хозяйствующему субъекту либо его работникам, в i-ом году) равен сумме объемов услуг, финансируемых из бюджета территории, оказанных хозяйствующему субъекту *«a»* либо его работникам, в i-ом году по статьям жилищно-коммунальное хозяйство, здравоохранение, образование и др., которые в той или иной степени финансируются из бюджета территории, в i-ый год.

$$УБ«a»_i = Gжкх«a»_i + Gздр«a»_i + Gобр«a»_i + \ldots + G_N«a»_i,$$

где $Gжкх«a»_i$ — объем услуг, финансируемых из бюджета территории, оказанных хозяйствующему субъекту *«a»* либо его работникам, по статье жилищно-коммунальное хозяйство в i-ом году; $Gздр«a»_i$ — по статье здравоохранение; $Gобр«a»_i$ — по статье образование; $G_N«a»_i$ — по другим отраслям, которые в той или иной степени финансируются из бюджета территории.

Объем услуг, финансируемых из бюджета территории, оказанных хозяйствующему субъекту *«a»* либо его работникам, по статье жилищно-коммунальное хозяйство в

i-ом году ($Gжкх«a»_i$) равен произведению коэффициента финансовых вложений бюджета территории по статье жилищно-коммунальное хозяйство на 1 жителя в i-ом году и общей численности работников хозяйствующего субъекта «а» в i-ом году.

$$Gжкх«a»_i = Rжкх_i \quad ЧР«a»_i,$$

где $Rжкх_i$ — коэффициент финансовых вложений бюджета территории по статье жилищно-коммунальное хозяйство на 1 жителя в i-ом году; $ЧР«a»_i$ — общая численность работников хозяйствующего субъекта *«a»* на территории в i-ом году.

Коэффициент финансовых вложений бюджета территории по статье жилищно-коммунальное хозяйство на 1 жителя в i-ом году ($Rжкх_i$) равен отношению общей суммы исполнения бюджета по статье жилищно-коммунальное хозяйство в i-ом году и общей численности населения территории в i-ом году.

$$Rжкх_i = ИБжкх_i \; / \; ЧН_i,$$

где $ИБжкх_i$ — исполнение бюджета территории по статье жилищно-коммунальное хозяйство в i-ом году; $ЧН_i$ — общая численность населения территории в i-ом году.

Объем услуг, финансируемых из бюджета территории, оказанных хозяйствующему субъекту *«a»* либо его работникам, по статье здравоохранение в i-ом году ($Gздр«a»_i$), равны произведению коэффициента финансовых вложений бюджета территории по статье здравоохранение на 1 жителя в i-ом году и общей численности работников хозяйствующего субъекта *«a»* в i-ом году.

$$Gздр«a»_i = Rздр_i \quad ЧР«a»_i,$$

где $Rздр_i$ — коэффициент финансовых вложений бюджета территории по статье здравоохранение на 1 жителя в i-ом году; $ЧР«a»_i$ — общая численность работников хозяйствующего субъекта *«a»* на территории в i-ом году.

Коэффициент финансовых вложений бюджета территории по статье здравоохранение на 1 жителя в i-ом году ($Rздр_i$) равен отношению общей суммы исполнения бюджета по статье здравоохранение в i-ом году и общей численности населения территории в i-ом году.

$$Rздр_i = ИБздр_i \; / \; ЧН_i$$

Заказ № 2152

где $ИБздр_i$ — исполнение бюджета территории по статье здравоохранение в i-ом году; $ЧН_i$ — общая численность населения территории в i-ом году.

Объем услуг, финансируемых из бюджета территории, оказанных хозяйствующему субъекту «а» либо его работникам, по статье образование в i-ом году ($Gобр«а»_i$), равны произведению коэффициента финансовых вложений бюджета территории по статье образование на 1 ребенка школьного и дошкольного возраста в i-ом году и общей численности детей школьного и дошкольного возраста, имеющихся у работников хозяйствующего субъекта «а» в i-ом году.

$$Gобр«а»_i = Rобр_i \quad ЧДР«а»_i,$$

где $Rобр_i$ — коэффициент финансовых вложений бюджета территории по статье образование на 1 ребенка школьного и дошкольного возраста в i-ом году; $ЧДР«а»_i$ — общая численность детей школьного и дошкольного возраста, имеющихся у работников хозяйствующего субъекта «а» на территории в i-ом году.

Коэффициент финансовых вложений бюджета территории по статье образование на 1 ребенка школьного и дошкольного возраста в i-ом году ($Rобр_i$) равен отношению общей суммы исполнения бюджета по статье образование в i-ом году и общей численности детей школьного и дошкольного возраста, имеющегося у населения территории в i-ом году.

$$Rздр_i = ИБздр_i \ /ЧДН_i,$$

где $ИБобр_i$ — исполнение бюджета территории по статье образование в i-ом году; $ЧДН_i$ — общая численность детей школьного и дошкольного возраста, имеющегося у населения территории в i-ом году.

Финансовые вложения на развитие территории хозяйствующего субъекта «а» в i-ом году ($ФВ«а»_i$) равны сумме налогов, отчисляемых в бюджет территории, финансовых вложений хозяйствующего субъекта «а» на реконструкцию зданий, сооружений, спонсорскую помощь, общественные мероприятия.

$$ФВ«а»_i = БР«а»_i + Y(f+d+h)«а»_i,$$

где $БР«а»_i$ — общая сумма налогов, отчисляемых в бюджет территории хозяйствующим субъектом «а» на терри-

тории в i-ом году; $Y(f + d + h)«a»_i$ — общая сумма финансовых вложений хозяйствующего субъекта *«а»* на реконструкцию зданий, сооружений, спонсорскую помощь, мероприятия территории в i-ом году.

Критерий эффективности финансово-хозяйственной деятельности хозяйствующего субъекта *«а»* на территории в i-ом году ($Kg«a»_i$) равен отношению разницы показателей финансовых вложений хозяйствующего субъекта *«а»* в i-ом году на развитие территории ($ФВ«a»_i$) и оказания услуг, финансируемых из бюджета территории, хозяйствующему субъекту *«а»* либо его работникам, в i-ом году ($УБ«a»_i$) на расходы бюджета территории в i-ом году ($РБ_i$).

$$Kg«a»_i = (ФВ«a»_i - УБ«a»_i) / РБ_i,$$

После расчета указанных показателей осуществляется оценка хозяйствующего субъекта. Описание принципов оценки приведено в табл. 1.

Таблица 1

Оценка эффективности финансово-хозяйственной деятельности хозяйствующего субъекта

	$Kg«a»_i$		
	(−)	(0)	(+)
Значение критерия G эффективности финансово-хозяйственной деятельности хозяйствующего субъекта *«а»* на территории в i-м году ($Kg«a»_i$)	«хозяйствующие субъекты-дотационники» вкладывают в развитие территории меньше, чем получают услуг из бюджета, «тянут» из бюджета средства	«хозяйствующие субъекты со сбалансированным потреблением бюджетных средств» вкладывают в развитие территории столько, сколько получают услуг из бюджета	«хозяйствующие субъекты-доноры» вкладывают в развитие территории больше, чем получают услуг из бюджета, за счет них «живут» «хозяйствующие субъекты-дотационники»

Также для оценки показателей эффективности деятельности хозяйствующего субъекта рассчитываются показатели ввода, восстановления и использования инфраструктуры территории. Остановимся на методике их расчета.

Критерий вновь вводимых инженерных сетей хозяйствующего субъекта *«а»* в i-ом ($К\ ВИС«a»_i$) году равен отношению протяженности вновь вводимых инженерных сетей хозяйствующего субъекта *«а»* в i-ом году к имеющейся

общей протяженности инженерных сетей на территории в i-ом году.

$$К\ ВИС«а»_i = ВИС«а»_i\ /\ ОПИС_i,$$

где $ВИС«а»_i$ — протяженность вновь вводимых инженерных сетей хозяйствующего субъекта $«а»$ в i-ом году; $ОПИС_i$ — имеющаяся общая протяженность инженерных сетей на территории в i-ом году.

Критерий замены инженерных сетей в аварийном состоянии и сетей требующих замены хозяйствующего субъекта $«а»$ в i-ом году ($К\ ЗИС«а»_i$) равен отношению планируемых к замене или замененных инженерных сетей в аварийном состоянии и сетей хозяйствующего субъекта $«а»$, требующих замены в i-ом году, и имеющейся общей протяженности инженерных сетей в аварийном состоянии и сетей, требующих замены на территории в i-ом году.

$$К\ ЗИС«а»_i = ЗИС«а»_i\ /\ ОПЗИС_i,$$

где $ЗИС«а»_i$ — протяженность планируемых к замене или замененных инженерных сетей хозяйствующего субъекта в аварийном состоянии и сетей требующих замены $«а»$ в i-м году; $ОПЗИС_i$ — общая протяженность имеющихся инженерных сетей в аварийном состоянии и сетей требующих замены на территории в i-ом году.

Критерий загрузки имеющихся на территории и неиспользуемых производственных мощностей предприятием $«а»$ в i-ом году ($К\ ЗПМ\ «а»_i$) равен отношению загрузки уже имеющихся на территории и неиспользуемых хозяйствующим субъектом «а» производственных мощностей в i-ом году и общего количества имеющихся на территории незагруженных производственных мощностей в i-ом году.

$$К\ ЗПМ«а»_i = ЗПМ«а»_i\ /\ ОКНПМ_i,$$

где $ЗПМ«а»_i$ — загрузка уже имеющихся на территории и неиспользуемых хозяйствующим субъектом $«а»$ производственных мощностей в i-ом году; $ОКНПМ_i$ — общее количество имеющихся на территории незагруженных производственных мощностей в i-ом году.

Критерий загрузки уже имеющихся на территории и неиспользуемых хозяйствующим субъектом $«а»$ ветхих производственных площадей в i-ом году ($К\ ЗВМ«а»_i$) равен отношению загрузки уже имеющихся на территории и неиспользуемых хозяйствующим субъектом $«а»$ ветхих

производственных площадей в *i*-ом году и имеющегося на территории общего количества незагруженных ветхих производственных площадей в *i*-ом году.

$$К\ ЗВМ«а»_i = ЗВМ«а»_i / ОКВМ_i,$$

где $ЗВМ«а»_i$ — загрузка уже имеющихся на территории и не используемых хозяйствующим субъектом *«а»* ветхих производственных мощностей в *i*-ом году; $ОКВМ_i$ — имеющееся общее количество незагруженных ветхих производственных мощностей на территории в *i*-ом году.

Подход, используемый при расчете указанных показателей и критериев, может быть применен и при оценке эффективности деятельности хозяйствующего субъекта, отрасли с точки зрения занятости и заработной платы[3].

Необходим отбор проектов в процессе территориального стратегического программирования. Отбор проектов для включения в Программу социально-экономического развития по направлениям производится в соответствии с выделенными общими критериями и новыми критериями, разработанными в рамках предлагаемой концепции.

К общим критериям относятся нацеленность на реализацию стратегического направления, содействие общей занятости; содействие занятости целевых групп; росту уровня жизни; росту доходов и уменьшению расходов бюджета; росту сопутствующих отраслей; повышению устойчивости и структурной диверсификации местной экономики; воздействие на окружающую среду; формирование избранного имиджа и перспективной специализации; содействие общему экономическому росту.

Предлагаемые в рамках данной концепции новые критерии приведены в табл. 2.

Таблица 2

Критерии отбора проектов

1. Критерий эффективности деятельности хозяйствующего субъекта по проекту					
Kg	1-й год реализации проекта	2-й год реализации проекта	3-й год реализации проекта	4-й год реализации проекта	5-й год реализации проекта
Значение *Kg*					
	Приоритетность проектов формируется от самого наибольшего положительного показателя *Kg* и до *Kg* = 0				

Продолжение табл. 2

2. Критерий создания новых рабочих мест хозяйствующим субъектом по проекту					
K_2	1-й год реализации проекта	2-й год реализации проекта	3-й год реализации проекта	4-й год реализации проекта	5-й год реализации проекта
Значение K_2					
	Приоритетность проектов формируется от самого наибольшего положительного показателя K_2 и до $K_2 = 0$				
3. Критерий стоимости создания новых рабочих мест хозяйствующего субъекта по проекту					
K_3	1-й год реализации проекта	2-й год реализации проекта	3-й год реализации проекта	4-й год реализации проекта	5-й год реализации проекта
Значение K_3					
	Приоритетность проектов формируется от самого наименьшего положительного показателя K_3 и до $K_3 = 0$				
4. Критерий способности создаваемых новых рабочих мест хозяйствующего субъекта по проекту "генерировать" заработную плату					
K_4	1-й год реализации проекта	2-й год реализации проекта	3-й год реализации проекта	4-й год реализации проекта	5-й год реализации проекта
Значение K_4					
	Приоритетность проектов формируется от самого наибольшего положительного показателя K_4 и до $K_4 = 0$				
5. Критерий производительности производства по фондовооруженности хозяйствующего субъекта по проекту					
K_5	1-й год реализации проекта	2-й год реализации проекта	3-й год реализации проекта	4-й год реализации проекта	5-й год реализации проекта
Значение K_5					
	Приоритетность проектов формируется от самого наибольшего положительного показателя K_5 и до $K_5 = 0$				
6. Критерий вновь вводимых инженерных сетей хозяйствующего субъекта по проекту					
K_6	1-й год реализации проекта	2-й год реализации проекта	3-й год реализации проекта	4-й год реализации проекта	5-й год реализации проекта
Значение K_6	Приоритетность проектов формируется от самого наибольшего положительного показателя K_6 и до $K_6 = 0$				
7. Критерий замены инженерных сетей в аварийном состоянии и сетей, требующих замены хозяйствующего субъекта по проекту					
K_7	1-й год реализации проекта	2-й год реализации проекта	3-й год реализации проекта	4-й год реализации проекта	5-й год реализации проекта
Значение K_7	Приоритетность проектов формируется от самого наибольшего положительного показателя K_7 и до $K_7 = 0$				

Окончание табл. 2

8. Критерий загрузки хозяйствующим субъектом имеющихся на территории и неиспользуемых производственных мощностей по проекту					
K_8	1-й год реализации проекта	2-й год реализации проекта	3-й год реализации проекта	4-й год реализации проекта	5-й год реализации проекта
Значение K_8	Приоритетность проектов формируется от самого наибольшего положительного показателя K_8 и до $K_8 = 0$				
9. Критерий загрузки хозяйствующим субъектом имеющихся на территории и неиспользуемых ветхих производственных площадей по проекту					
K_9	1-й год реализации проекта	2-й год реализации проекта	3-й год реализации проекта	4-й год реализации проекта	5-й год реализации проекта
Значение K_9	Приоритетность проектов формируется от самого наибольшего положительного показателя K_9 и до $K_9 = 0$				

Формирование программных мероприятий основывается на их отборе по указанным критериям, учитывающим влияние тех или иных факторов на развитие территории (табл. 3). По каждому разделу программных мероприятий группируются инвестиционные проекты: № 1, 2, 3... *N* и выводится значение общего специального критерия для каждого проекта.

Для этого путем экспертных оценок определяется значимость каждого критерия с точки зрения развития территории.

Таблица 3

Критерии оценки мероприятий программы

Kg	K_2	K_3	K_s	K_5	K_6	K_7	K_8	K_9
0,2	0,12	0,12	0,2	0,08	0,07	0,07	0,07	0,07

Таким образом, значение общего специального критерия рассчитывается по формуле:

$$Кобщ = 0{,}2 \quad Kg + 0{,}12 \quad K_2 + 0{,}12 \quad K_3 + 0{,}2 \quad K_s + 0{,}08 \quad K_5 + 0{,}07 \cdot K_6 + 0{,}07 \cdot K_7 + 0{,}07 \quad K_8 + 0{,}07 \quad K_9$$

Разработанный подход к оценке экономического потенциала территории и предлагаемые критерии оценки эффективности деятельности хозяйствующих субъектов и проектов позволяют унифицировать аналитические процедуры и работу по отбору проектов в процессе стратегического программирования развития территории и дают

возможность при изменении стратегических приоритетов вводить новые критерии и показатели, используя заложенные в методике принципы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Ефремов В.С.* Стратегическое планирование в бизнес-системах. М., 2001.

[2] См.: *Гафуров И.Р.* Методология разработки стратегических программ социально-экономического развития территории. Казань, 2003.

[3] См.: *Гафуров И.Р.* О некоторых методических подходах к оценке экономической эффективности государственной промышленной политики региона // Экономический вестник Республики Татарстан, 2002. № 4. С. 28—34.

Поступила 25.01.2005.

Н.Д.КУЛИКОВ

В.В.РУНКОВ

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РЕГИОНА

Аграрная реформа, предусматривающая комплекс мер по устойчивому развитию сельского хозяйства и улучшению структуры агропромышленного комплекса, не смогла преодолеть негативные тенденции сельского хозяйства, что привело к спаду производства сельскохозяйственной продукции. Переход на многоукладную экономику, рыночные отношения, неэффективность государственного регулирования, диспаритет цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию усугубили последствия реформы. Сельскохозяйственные предприятия утратили достигнутые позиции, и в большинстве хозяйств продукция стала неконкурентоспособной, что поставило их на грань финансового банкротства.

Анализ объемов производства сельскохозяйственной продукции в Республике Мордовия свидетельствует, что про-

КУЛИКОВ Николай Дмитриевич, профессор кафедры экономики и управления аграрным производством Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

РУНКОВ Василий Васильевич, доцент кафедры экономики и управления аграрным производством Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

изводство зерна в 2003 г. по сравнению с 1990 г. снижено на 325,2 тыс. т; картофеля — на 86,1; овощей — на 21,2; молока — на 208,7; мяса в убойной массе — на 26,1 тыс. т; шерсть — на 793,7 т. Практически полностью свернута отрасли картофелеводства и овцеводства. Только за 14 лет аграрных преобразований увеличено производство сахарной свеклы на 30,5 тыс. т (с 115,5 до 146,0 тыс. т), в то время как проектные мощности Ромодановского сахарного завода рассчитаны на переработку 180 тыс. т. Производство яиц возросло с 202,5 до 207,7 млн шт., или всего на 2,6 %[1]. Несмотря на то, что за последние 4 года в сельскохозяйственных предприятиях Мордовии приостановлен спад производства, для устойчивости его развития недостаточно только воли руководства республики.

В 1990 г. материально-техническая база сельского хозяйства Мордовии была представлена 14 730 тракторами, 5 225 зерноуборочными комбайнами, 221 свеклоуборочным комбайном, 1 332 кормоуборочными комбайнами, 7 216 грузовыми автомашинами. Почти все предприятия были обеспечены плугами, культиваторами, сеялками и зерносушительными комплексами. Однако за 14 лет произошло резкое падение ресурсного потенциала сельского хозяйства республики. На 1 января 2004 г. по сравнению с 1990 г. количество тракторов снизилось на 54 %, зерноуборочных комбайнов — на 57, свеклоуборочных — на 42, кормоуборочных — на 57, грузовых автомобилей — на 42 %. Значительная часть техники перешла в частную собственность сельчан. Оставшаяся техника, благодаря значительным вложениям на ремонт, поддерживается в работоспособном состоянии. Некоторые хозяйства приобретают технику по лизингу[2] Сложное финансовое положение обусловливает крайне медленное обновление техники.

Эффективность использования сельскохозяйственной техники обеспечивается за счет поступления ее новых марок. Так, за период с 2000 г. до 1 июля 2004 г. в сельскохозяйственые предприятия республики поступило тракторов марки «Кировец» 147 ед., зерноуборочных комбайнов «ДОН-1500» 433, кормоуборочных комбайнов марок «Ягуар» и «ДОН-680» — 59 ед. Однако существующие темпы поступления сельскохозяйственной техники не обеспечивают потребность в ней сельское хозяйство республики.

На эффективность ресурсного потенциала оказывает существенное влияние отток квалифицированной рабочей силы. Из села в город уезжают квалифицированные специалисты, находя себе применение на промышленных предприятиях, организациях бюджетной сферы, торговле, где заработная плата значительно выше, чем в сельскохозяйственных предприятиях. В подавляющем большинстве сельскохозяйственных предприятий не ведется строительство жилья, что не способствует закреплению на селе рабочей силы, в том числе и молодежи. По данным Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия, в 2004 г. недостаток АПК республики в трактористах-машинистах составил 1 100 чел., доярок — 97, скотников — 63, телятниц — 44, свинарок — 18 чел. Безусловно, это негативно сказывается на экономических показателях деятельности сельскохозяйственных предприятий (табл.).

Таблица

Основные экономические показатели деятельности сельскохозяйственных предприятий Республики Мордовия

Наименование	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.
Среднегодовая численность работников, тыс. чел.	51,9	48,1	47,0	44,3	42,1	36,1
Прибыль, млн руб.	−205,7	129,9	188,4	439,4	376,9	355,9
Уровень рентабельности, %	−20,3	10,2	10,5	19,9	14,3	12,0
Среднемесячная оплата труда работников, руб.	308,0	414,3	579,0	917,9	1353,3	1701,6

В связи с этим весьма актуальной является задача минимизации негативных аспектов обеспечения села рабочей силой. В первую очередь должен быть задействован ресурсный потенциал республики. По инициативе ученых Мордовского государственного университета и руководства республики в районах организуются машинно-технологические станции (МТС). В Краснослободском районе, например, она функционирует на базе ремонтно-технологического предприятия и оснащена кормоуборочным комплексом, в состав которого входят комбайны «Ягуар-840», «Дон-680» и 3 косилки «С-303». Для отвоза силосной и сенокосной массы в составе комплекса имеется 3 автомашины марки «КамАЗ»

и 4 машины такой же марки предоставляет районное отделение сельхозхимии. Это позволяет сельскохозяйственным производителям района минимизировать дефицит техники и в полном объеме выполнять в растениеводстве всю цепочку технологических операций.

Трудовые ресурсы МТС эффективно используются в сельскохозяйственном производстве Ельниковского, Старошайговского, Ромодановского, Зубово-Полянского и Чамзинского районов республики. Однако во всех районных центрах следует расширять спектр сервисного обслуживания сельскохозяйственных предприятий по ремонту техники и животноводческого оборудования, агрохимическим и мелиоративным и другим работам. Опыт такой работы имеется в Германии, Англии, Италии, Франции и США.

Положительным примером организации производства и хозрасчетных отношений может являться деятельность СХПК «Ключ-Сузгарьевский» и ГУП «Совхоз „Красное Сельцо“» Рузаевского района. Здесь земля рассматривается как объект коллективного хозяйствования. Работа многих крестьянских фермерских хозяйств Мордовии показала, что мелкая частная собственность не всегда эффективна. В большинстве таких предприятий не развито промышленное товарное производство, в них сложно использовать разработки научно-технического прогресса, поэтому работники СХПК «Ключ-Сузгарьевский» и ГУП «Совхоз „Красное Сельцо“» за основу своей деятельности взяли коллективный труд, трансформировав его в результаты индивидуального. Для этого во все сферы производства были внедрены хозрасчетные отношения. Все производственные подразделения получили экономическую самостоятельность. Взаимоотношения между ними и администрацией строятся на договорной основе. На продукцию с учетом ее качества и услуги установлены внутрипроизводственные цены, для каждого исполнителя, специалиста, руководителя определен норматив от предпринимательского (хозрасчетного) дохода. Механизм хозрасчетных отношений (доходы от результата исключительно своего труда) является эффективным стимулом к плодотворному труду. При этом у сельчан появляется личная заинтересованность в сохранности и эффективном использовании средств производства. Механизм хоз-

расчетных отношений можно проиллюстрировать при внедрении индивидуального (семейного) подряда в автопарке СХПК «Ключ-Сузгарьевский» Рузаевского района. Там в основу механизма хозрасчетных отношений положен расчет договорных условий на автомашину — это детальная система показателей эксплуатации машины (срок эксплуатации, годовой, среднемесячный пробег, время работы, простоя, ремонта, различные денежно-материальные затраты и т.д.). Максимальное соответствие производственной деятельности этой системе показателей положительно сказывается на объеме хозрасчетного дохода водителя.

Больше выполняешь транспортных услуг, меньше делаешь затрат, следовательно, увеличивается хозрасчетный доход. Автомеханик, диспетчер автопарка от итогов работы водителей также имеют хозрасчетный доход. Это их побуждает сокращать цеховые расходы и увеличивать предпринимательский доход всего парка. Договором также предусмотрено приобретение машины в частную собственность. Водители быстро освоили механизм хозрасчетных отношений и им стало невыгодно воровство ТСМ и запасных частей, т.к. это автоматически снижает их хозрасчетный доход.

Механизм хозрасчетных отношений в короткий срок повысил мотивацию труда, производственные и экономические показатели работы этих предприятий: повысилась урожайность полей, продуктивность животных. Предприятия перешли на безубыточное производство. Возросли денежная выручка и прибыль, что позволило вести расширенное воспроизводство. Так, в СХПК «Ключ-Сузгарьевский» по лизингу обновлен тракторный и автомобильный парк, заменены устаревшие марки зерновых комбайнов на более мощные ДОН-1500. Построены зерносушильный комплекс и животноводческое помещение по содержанию 200 коров с полной индустриальной технологией. Капитально отремонтировано здание администрации кооператива. Предприятие перешло на ресурсосберегающие технологии по производству полеводческих культур. На всех рабочих местах трудятся квалифицированные работники, производящие конкурентоспособную продукцию[3]

В ГУП «Совхоз „Красное Сельцо“» полностью сохранена производственная база предприятия. Эффективно работает

ремонтная база, поддерживающая в работоспособном состоянии сельскохозяйственную технику и животноводческое оборудование. За счет его обновления и оперативного ремонта предприятие располагает суммарной мощностью в 17 730 л.с., что позволяет в оптимальные сроки проводить весь комплекс полевых работ. Для переработки продукции садоводства построен сушильный цех. Более того, эти предприятия оказывают другим хозяйствам района существенную помощь в уборке урожая полеводческих культур.

Опыт работы СХПК «Ключ-Сузгарьевский» и ГУП «Совхоз „Красное Сельцо“» является положительным примером для всего сельского хозяйства Мордовии. На их базе проводятся республиканские и районные совещания-семинары. Возрождение производственно-технического потенциала АПК — задача первостепенной важности и добиться этого можно при освоении новых внутрипроизводственных хозрасчетных отношений, взяв за основу опыт таких предприятий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее используются данные Мордовия: Стат. ежегодник / Федер. служба гос. статистики, Ком. гос. статистики РМ. Саранск, 2004.

[2] См.: *Куликов Н.Д.* Ресурсный потенциал сельского хозяйства и эффективность его использования. Саранск, 2002.

[3] См.: *Рунков В.В.* Хозрасчетные отношения в системе внутрипроизводственного планирования сельскохозяйственных предприятий: Учеб. пособие. Саранск, 2003.

Поступила 22.09.2004.

Л.М.ЧЕРНЯКЕВИЧ

ПРИНЦИПЫ ТРАНСФОРМАЦИИ, СИСТЕМА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЛЕСОУПРАВЛЕНИЯ

Стратегическим направлением развития России является формирование экологически ответственной, социально справедливой, экономически эффективной социально-экономической системы. Эколого-экономические проблемы сохранения среды обитания человека, в которой главным компонентом являются леса, приобретают все большее значение для мирового сообщества, России, ее регионов. Содержание требований устойчивого развития применительно к трансформации системы лесоуправления выражается в изменении цели, стратегии, форм, методов, механизмов лесоуправления и хозяйствования, адекватных рыночным условиям, в соответствии с парадигмой коэволюционного развития общества и природы.

Единая система «человек—лес» является эколого-экономической системой, относится к классу сложных вероятностных систем, характеризуется неопределенностью состояния по мере расширения планируемого периода при изменении окружающей среды, природными и антропогенными рисками. Методология формирования и развития динамических систем рассматривает организацию как процесс постоянных преобразований, связанных с непрерывной сменой состояния равновесия. Система не просто эволюционирует со средой, но, будучи структурно с ней связана, адаптируется к изменениям и коэволюционирует вместе со средой.

Воспроизводство системы требует воспроизводства ее элементов, взаимосвязей между ними и условий функционирования системы. Современный этап развития воспроизводственных процессов характеризуется их неустойчивым

ЧЕРНЯКЕВИЧ Лидия Михайловна, профессор кафедры экономики и организации производства Марийского государственного технического университета, кандидат экономических наук.

и неравновесным состоянием. Субъекты экономических отношений и хозяйственный механизм в переходной экономике претерпевают существенные изменения, а не просто воспроизводятся в неизменном состоянии. Реформаторско-эволюционный тип переходной экономики характеризуется альтернативностью, вариантностью путей развития, что предопределяет необходимость научного анализа и выбора.

Лесоуправление в широком смысле представляет собой систему взаимосвязанных политических, экономических, социальных, экологических, правовых и организационных мер, обеспечивающих достижение поставленных перед лесным хозяйством целей с учетом ограниченных на каждом этапе развития общества экономических ресурсов[1] В мировой теории и практике политические решения в области лесоуправления формируются в процессе обсуждения и принятия лесной политики, отражающей сбалансированные интересы всех групп участников лесных отношений: власти, общества, бизнеса. Институциональная основа лесной политики закрепляется в лесном законодательстве.

Лесная политика тесно связана с лесоуправлением, поэтому иногда бывает трудно провести границу между ними. Лесная политика определяет цель развития лесного сектора экономики, а лесоуправление — один из инструментов достижения этой цели. «Лесоуправление — система действий или программ, направленных на достижение в рамках действующего законодательства целей, сформулированных в лесной политике»[2]

Лесоуправление рассматривается нами как целостная система, позволяющая наиболее полно раскрыть его сущность в категориях системного подхода. С позиции методологии системного подхода обоснована многомерность лесоуправления через среду, цель, функции, элементы, структуру, процесс, свойства в его динамическом развитии (рисунок).

Целенаправленность рассматривается как системообразующий элемент и обеспечивается управлением. В настоящее время на уровне государства стратегические цели, направления развития лесного сектора определены в Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию (1996), Стратегии устойчивого развития России

Рисунок. Концептуальная схема описания системы лесоуправления

(2002), Концепции развития лесного хозяйства Российской Федерации на 2003—2010 гг., Основных направлениях развития лесной промышленности до 2015 г.

Концепция развития лесного хозяйства РФ на 2003—2010 гг. главной целью совершенствования и развития лесного хозяйства определила организацию устойчивого развития лесного сектора и управления лесами. Устойчивое

развитие в соответствии с Концепцией имеет 4 аспекта, выступающих в органическом единстве: экологический, социальный, культурный, экономический. Экологический аспект устойчивого развития предполагает сохранение окружающей природной среды и рациональное использование природных ресурсов, охрану атмосферы, земель, недр, лесов, вод, сохранение биологического разнообразия, борьбу с опустыниванием, экологически безопасное использование биотехнологий. Социальный аспект предопределяет, с одной стороны, необходимость усиления роли лесов и использования лесных ресурсов с целью всемерного удовлетворения потребностей населения в лесной продукции всех назначений (включая невесомые полезности лесной среды), что будет сказываться на повышении жизненного уровня, с другой — улучшение условий труда и жизни работников лесного сектора. Культурный аспект включает комплекс вопросов: сохранение и развитие ценных природных ландшафтных территорий, развитие экологического туризма, международное научное сотрудничество, производство высокохудожественных видов лесной продукции и др. Экономический аспект — это соблюдение баланса экономических интересов основных субъектов лесных отношений: государства, бизнеса, населения[3].

Стратегической целью устойчивого управления лесами является сохранение экологического и ресурсного потенциала лесов, удовлетворение потребностей общества в лесных ресурсах на основе научно обоснованного неистощительного и многоцелевого лесопользования, охраны, защиты и воспроизводства лесов, сохранения биологического разнообразия.

В соответствии с основными положениями региональной экономической политики России предусматривается повышение уровня самостоятельности регионов, в том числе поэтапное создание условий для укрепления в них собственной экономической базы повышения благосостояния населения. Воспроизводство и использование природных ресурсов носят региональный характер и привязаны к определенной территории, роль лесного сектора экономики определяется ресурсным потенциалом региона, что обусловливает необходимость разработки и реализации

региональной экономической стратегии в области использования и воспроизводства лесных ресурсов.

Реформирование организационных форм государственного управления лесами при государственной собственности на лесной фонд должно осуществляться на основе распределения прав и обязанностей, полномочий и ресурсов между государством и субъектами РФ. Важно, чтобы у всех групп интересов участников лесных отношений был механизм участия в планировании и принятии решений по управлению лесами и четко определенные «правила игры».

Воспроизводство устойчивости и динамичности экономических систем обеспечивается разнообразием, конкурентным отбором, гибкостью и адаптивным характером развития экономических субъектов, преследующих собственные интересы, направляющих свою деятельность на удовлетворение спроса потребителей. Государство выполняет функции управления и регулирования, формируя институциональную среду через законодательную и нормативную деятельность, обеспечивающую согласование индивидуальных и общественных интересов, и непосредственно участвуя в предоставлении тех общественных благ и услуг, которые неэффективны в рыночной организации или требуют государственного финансирования: безопасность, здравоохранение, культура, образование, экология и др. Рынок как механизм самоорганизации социальных эколого-экономических систем обеспечивает право выбора и сопряженные с ним риск и ответственность, координируя деятельность хозяйствующих субъектов.

Исходя из анализа принципов экономической политики государства, реформирования административной, бюджетной системы, структурных реформ в отраслях естественных монополий, сформированы общие и экономические принципы трансформации лесоуправления. К основным принципам трансформации системы лесоуправления относятся разделение функций государства в области использования, охраны, защиты лесного фонда и воспроизводства лесов как органа государственного управления лесами, преследующего публичные интересы, и функций государства как собственника в соответствии с его экономическими интересами по управлению государственной собственнос-

тью на лесной фонд; усиление роли государства в обеспечении устойчивого развития и непрерывного, неистощительного использования лесного фонда через систему правового и нормативного регулирования, надзора и контроля; переход от административно-разрешительной системы лесных отношений к гражданско-правовым сделкам при соблюдении нормативных требований в сфере лесопользования и воспроизводства лесов.

Экономическими принципами являются равновесие экологических, экономических и социальных целей; экономическая ответственность субъектов лесных отношений в соответствии с предоставленными им полномочиями; соответствие полномочий по уровням субъектов собственности финансовым возможностям их реализации; экономическая заинтересованность субъектов лесных отношений в стратегии устойчивого управления лесами; платность лесопользования — право собственника лесного фонда получать платежи за пользование лесными ресурсами в соответствии с их экономической оценкой, базирующейся на рентном подходе.

Методологическая основа развития системы лесоуправления и ведения лесного хозяйства определена теорией стадийного развития форм лесного хозяйства и лесной промышленности; эволюционной теорией развития лесного хозяйства; научной парадигмой эволюции лесопотребления и воспроизводства лесных ресурсов; синергетической концепцией циклического развития лесопользования. Содержание экономических отношений, организационных форм и методов управления лесным хозяйством определяется эволюцией потребительского спроса на продукцию и услуги леса и формируется под влиянием господствующих общественных отношений. Экономические отношения, формируемые в процессе лесоуправления, носят динамичный характер.

Методологической основой организации и управления лесным хозяйством является теория воспроизводства. Воспроизводство характеризуется целостностью, взаимосвязями между своими элементами и включает воспроизводство ресурсов (природных, материальных, человеческого капитала, финансовых, информационных и др.), результатов

(продукции, работ, услуг), хозяйственного механизма системы и субъектов экономических отношений.

Экономическая организация воспроизводства в лесном хозяйстве базируется на материально-вещественном процессе воспроизводства и должна учитывать отраслевые особенности. Значительный вклад в становление и развитие научной теории воспроизводства лесных ресурсов принадлежит академику Н.А.Моисееву. Переход от стратегии лесопользования к стратегии устойчивого управления лесами базируется на принципе непрерывного неистощительного пользования лесом (ННПЛ). Масштаб простого воспроизводства лесных ресурсов как необходимого условия, гарантирующего устойчивое управление лесами, обеспечивается региональными системами лесохозяйственных мероприятий (РСЛХМ), организованными на зонально-типологической основе с учетом целевого назначения лесов. Масштаб расширенного воспроизводства в лесном хозяйстве обеспечивается с помощью комплекса мероприятий путем повышения продуктивности леса или созданием лесов на землях, где их раньше не было, а также освоения резервных лесов. Затраты на проведение РСЛХМ являются текущими, а на комплекс мероприятий по расширенному воспроизводству — капитальными вложениями[4] Научная парадигма теории воспроизводства лесов положена в основу методических рекомендаций по организации лесного хозяйства и устойчивого управления лесами[5]

Базируясь на методологии теории воспроизводства и теории воспроизводства лесных ресурсов, нами предложена стратегическая экономическая модель устойчивого развития лесного хозяйства на территории лесного фонда лесхоза, полагая, что принцип ННПЛ должен соблюдаться в границах лесного фонда функционирующих лесхозов.

$$F_t = (\Sigma G_{i,\,j} \quad P_j + \Sigma D_z - C_{\text{п}} - C_{\text{у.п}}) \Rightarrow \max,$$

$$F_{t+1} \geq F_t,$$

где F_t — доход от производственно-хозяйственной деятельности на участке лесного фонда; $G_{i,\,j}$ — расчетный объем пользования по видам рубок (i) и породно-качественным характеристикам сортиментов (j); P_j — рыночная цена по породно-качественным характеристикам сортиментов; D_z — платежи по видам пользования, кроме заготовки древеси-

ны; $C_п$ — нормативные переменные затраты на проведение региональной системы лесохозяйственных мероприятий; $C_{у.п.}$ — условно-постоянные затраты.

Условия:

$$F_t > 0,\ K_{t+1} > K_t,\ Y_{t+1} > Y_t,$$

где K_t, K_{t+1} — ценность леса как капитала (национального богатства, недвижимого имущества), Y_t, Y_{t+1} — качество и уровень жизни работников лесного хозяйства.

Предложенная модель отражает эффективность лесного хозяйства для собственника лесного фонда, так как собственность является фундаментом экономической системы. Теория прав собственности рассматривает отношения собственности как «пучок прав», при котором различные группы населения (номинальные или титульные собственники, управляющий персонал, арендаторы) обладают теми или иными полномочиями. Право собственности включает следующие элементы: право владения, пользования, управления на доход, отчуждение вещи, на безопасность, переход вещи по наследству и завещанию, на ответственность в виде взыскания, бессрочность обладания благами, остаточный характер, то есть ожидания возврата переданных полномочий по истечении срока передачи[6] Передавая отдельные полномочия (владения, пользования и даже распоряжения), собственник не теряет своего права собственности на имущество. В римском праве расщепление собственности производится с выделением правомочий владения, распоряжения и пользования с возможностью закрепления их за разными субъектами собственности.

Анализ развития государственного управления лесным хозяйством по правам собственности подробно рассмотрен в трудах профессора А.П.Петрова[7] Теоретически объектом собственности может выступать лесной фонд как целое, участки лесного фонда и отдельные его элементы (виды природных ресурсов, земли лесного фонда). При этом собственность на природные ресурсы не может быть абсолютной, так как леса имеют не только национальное, но и глобальное международное значение, что признано многочисленными межправительственными конвенциями и соглашениями. Лес признается социальным благом, национальным богатством. Части полезностей леса являются «обществен-

ными» благами, поэтому должны сохраняться и предоставляться государством. Права собственности регулируются законодательными и нормативными актами, содержат ограничения на оказание вредных воздействий на окружающую среду и человека.

Ресурсы и услуги леса подразделяют на 2 категории: рыночные ресурсы и «общественные» блага. Рыночные ресурсы включают древесину, технические, кормовые ресурсы леса, а также пищевые, лекарственные, водные, когда они используются в промышленных масштабах. К «общественным» благам относятся социальные, защитные, средообразующие, культурные полезности леса. В экономическом процессе воспроизводства участвуют рыночные лесные ресурсы. Одной из причин низкой эффективности лесного хозяйства является увеличивающийся спрос на «нерыночные» ресурсы, бесплатное пользование которыми требует дополнительного бюджетного финансирования лесного хозяйства. Защита и охрана лесов, не вовлеченных в сферу хозяйственной деятельности (резервные леса), должны финансироваться за счет собственника — государства. Для этого государство, проводя налоговую и бюджетную политику, формирует неналоговые доходы бюджета через рентные платежи за пользование лесными ресурсами.

Цель реформирования отношений собственности на лесной фонд заключается в формировании условий эффективного управления, предусматривающего экологическую, социальную и экономическую эффективность лесного сектора экономики страны и ее регионов. Рыночная экономика в принципе невозможна без развитых отношений и многообразия форм собственности. Глубина и темпы преобразования отношений собственности в настоящее время существенно различаются в разных сферах лесного сектора. Собственность в лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности практически полностью приватизирована, сформированы организации на базе частной и смешанной форм собственности.

Процесс трансформации отношений собственности на лесной фонд должен осуществляться поэтапно в соответствии с правовой и экономической базой реформирования, учитывая положительный и отрицательный опыт россий-

ской приватизации государственного имущества. На ближайшую и среднесрочную перспективу сохранится преимущественно государственная собственность на лесной фонд, поэтому целесообразно создание условий реализации всех полномочий собственника (государства) по управлению государственной собственностью на лесной фонд, чтобы сформировать целостную систему лесных отношений при разнообразии собственников и форм собственности, форм и способов хозяйствования в лесном секторе экономики.

Сметно-бюджетное финансирование лесного хозяйства по остаточному принципу, нестабильность межбюджетных отношений по распределению лесного дохода не обеспечивают условий эффективного ведения лесного хозяйства. В процессе формирования рыночных условий в лесном хозяйстве право владения лесным фондом целесообразно возложить на саморегулируемую государственную структуру, функционирующую на принципах предпринимательства и мотивированную на увеличение дохода от лесного хозяйства и возрастание ценности государственного имущества (лесов). В неосвоенных лесных районах, требующих значительных инвестиционных ресурсов, необходимо изучить возможность передачи прав владения и пользования лесным фондом на условиях долгосрочной аренды лесного хозяйства (концессии).

Право пользования лесным фондом характеризуется передаваемыми полномочиями и ответственностью, объем которых определяет размер дохода субъекта собственности, что формирует экономические стимулы к хозяйственной деятельности каждого участника экономических, в частности, лесных отношений. Чем большим объемом прав обладает субъект, тем выше их экономическая ценность и претензии на получение дохода[8] Право на получение дохода формирует мотивацию, т.е. создание экономического механизма, обеспечивающего достижение цели. Решение вопросов лесопользования на договорной основе коммерческими структурами от государства и бизнеса при соблюдении требований нормативно-правовых актов обеспечит повышение эффективности управления лесами.

Аренда должна рассматриваться не только как форма лесопользавания, а как форма организации ведения лесно-

го хозяйства по определенному виду пользования, так как сущностью лесного хозяйства является не просто пользование лесом, а воспроизводство лесов. Рубка является завершающей стадией процесса воспроизводства и определяет систему лесохозяйственных мероприятий по лесовосстановлению[9] Экономический интерес у арендатора сводится не только к получению дохода в краткосрочном периоде, но и к сохранению и приумножению лесного богатства, иначе организация лесопользования на условиях аренды будет аналогична закреплению лесосырьевых баз, что было в истории развития лесного хозяйства и привело к сокращению лесного потенциала по количественным и качественным характеристикам.

Экономический интерес у лесопользователя (предпринимателя) в инвестировании расширенного воспроизводства лесных ресурсов (капитальные вложения) обеспечивается увеличением его активов (имущества), т.е. возрастанием его собственности. Ученые лесоэкономисты рассматривают возможность снижения арендной платы на величину инвестиционных ресурсов. Арендная плата в соответствии с методикой калькулирования себестоимости относится на текущие затраты. Возникает противоречие в источниках инвестирования и отнесения затрат на себестоимость лесопродукции, учитывая, что лесозаготовки в настоящее время являются убыточными или низкорентабельными. В управленческом учете, насколько нам известно, данная проблема даже не ставилась. Лесное хозяйство находится на бюджетно-сметном финансировании. Интеграция лесного хозяйства в рыночную экономику потребует решения этой сложной проблемы.

Управление повышением эффективности обеспечивается через планирование, организацию, мотивацию, контроль, осуществляемыми всеми участниками лесных отношений в соответствии с правами и ответственностью. Реализация стратегической модели устойчивого развития лесного хозяйства обеспечивается разработкой маркетинговых стратегий, базирующихся на изучении конъюнктуры рынка: спроса, ценовой среды, конкуренции; региональных систем лесохозяйственных мероприятий, организованных на зонально-типологической основе с учетом целевого назначения

лесов; производственных, инновационных и инвестиционных стратегий; социальной политики.

В настоящее время сметно-бюджетное финансирование построено так, что не ставит перед руководителями хозяйств экономической необходимости заботиться о повышении доходности лесного хозяйства. Категория «доходность лесного хозяйства» длительное время оставалась чуждой для экономики социалистического хозяйства. Результатом проводимой стратегии расширенного воспроизводства явилось ссуженное воспроизводство лесных ресурсов, сокращение количественного и качественного потенциала лесов.

Процесс воспроизводства лесных ресурсов включает всю систему мероприятий по их заготовке и возобновлению. В связи с этим мы полагаем, что лесопользование и лесовыращивание есть две стороны единого процесса воспроизводства лесных ресурсов, и, чтобы процесс не шел однобоко, они обе должны строиться на равно эффективных основаниях. Выращивание леса в таких условиях обретет эффективную экономическую организацию или оно неизбежно будет приходить в упадок.

Экономическую реформу системы лесоуправления следует проводить системно, наложение новой стратегии лесоуправления на старые структуры не обеспечивает достижения поставленных целей, не способствует повышению эффективности управления, реализации стратегии устойчивого развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Моисеев Н.А.* Экономика лесного хозяйства: Учеб. пособие / Н.А.Моисеев, Г.М.Киселев, Е.Б.Назаренко. М., 2003.

[2] *Петров А.П.* Административная реформа системы лесоуправления и ведения лесного хозяйства // Лесное хозяйство. 2004. № 4. С. 30.

[3] См.: Концепция развития лесного хозяйства Российской Федерации на 2002—2010 годы // Лесохозяйственная информация / МПР РФ, ВНИИЛМ. 2003. № 2. С. 2—10.

[4] См.: *Моисеев Н.А.* Экономический механизм организации устойчивого пользования и управления лесами // Стратегия развития лесопромышленного комплекса Российской Федерации в XXI веке: Материалы междунар. науч. конф. М., 2000. С. 46—51.

[5] См.: Методические рекомендации по организации лесного хозяйства. Утв. Министерством природных ресурсов Российской Федерации 1 июня 2002. М., 2001.

[6] См.: *Капелюшников Р.И.* Экономическая теория прав собственности (методология, основные понятия, круг проблем). М., 1990.

[7] См.: *Петров А.П.* Управление лесами в переходной экономике (опыт реформ в России и странах Балтии): Учеб. пособие / А.П.Петров, А.Мелниш, А.Талияров, Б.А.Наслунд, М.Густафсон. Пушкино, 2001.

[8] См.: Введение в лесную экономику / Питер Х.Пирс. М., 1992; *Починков С.В.* Рыночная модель лесоуправления: экономические аспекты // Лесное хозяйство. 2000. № 1. С. 26—29.

[9] См.: *Лосев М.В.* Стратегия и тактика экономических реформ в лесном хозяйстве // Лесное хозяйство. 2003. № 5. С. 6—8; *Писаренко А.И., Страхов В.В.* Лесное хозяйство России: от пользования к управлению. М., 2004.

Поступила 22.12.2004.

М.А.ПАНФИЛОВ

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Подготовка высококвалифицированных специалистов к творческому труду, полноценной духовной и общественной жизни — одна из главных целей высшего образования, которая требует перестройки учебного процесса в системе высшей школы. Одним из стратегических направлений развития, модернизации образования, а также повышения качества обучения является совершенствование педагогических технологий, направленных на обучение самостоятельно добывать нужную информацию, выделять проблемы, искать пути их рационального решения, анализировать полученные знания и применять их на практике. В связи с этим весьма актуальным становится теоретическое переосмысление традиционно сложившихся образовательных структур, социального и педагогического экспериментирования в области образования.

Известно, что цель и содержание профессионального образования в значительной мере обусловлены социально-экономическими изменениями в обществе и формированием рыночных отношений. Представляется чрезвычайно полезным рассмотреть социальную роль специалиста как элемент содержания профессионального образования[1]

Для развивающейся экономики России особое значение приобретает качественная подготовка выпускников вуза, предполагающая освоение содержания профессиональной деятельности путем вхождения в социально-психолого-педагогический контекст профессионального становления спе-

---

ПАНФИЛОВ Михаил Анатольевич, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Саранского кооперативного института, кандидат педагогических наук, доцент.

циалиста. Отличительной чертой профессионального образования выступает необходимость освоения студентом способов и средств будущей деятельности как сложной социальной структуры. Современной стратегической линией высшего образования является отказ от передачи готовых знаний, форм и способов педагогической деятельности и создание условий, механизмов саморазвития и самовоспитания, личностного и профессионального становления специалиста. Таким образом, базовое образование представляет собой фундаментальную подготовку по специальности, которая кроме предметного наполнения предполагает вхождение в структуру профессиональной подготовки содержания профессиональной деятельности.

Современный специалист должен уметь трансформировать приобретаемые знания в инновационные технологии, применять методы проведения научных исследований; знать, как получить доступ к глобальным источникам знаний, владеть современными информационными технологиями, методологией и аналитическими навыками; иметь мотивацию к обучению на протяжении всей жизни (обладать коммуникативными способностями, необходимыми гражданскими и социальными компетенциями, навыками самостоятельного получения знаний и повышения квалификации); адаптироваться к социальным и общественным переменам; разделять ценности, необходимые для жизни в условиях демократического общества[2].

Эти требования должны найти отражение в учебном процессе, учебных планах, программах, дидактических материалах, методах и средствах обучения. Однако теоретический анализ дидактических проблем развития целостного процесса обучения в вузе позволил определить, в частности, что между учебной деятельностью и деятельностью профессиональной возникает ряд противоречий: между индивидуальным способом усвоения знаний в обучении и коллективным характером профессионального труда; имеющимся уровнем знаний и необходимыми профессиональными знаниями; педагогическими формами и средствами организации процесса обучения и профессионального труда; объективной необходимостью формирования демократических установок у будущих юристов и сло-

жившейся знаниецентрической системой юридического образования[3].

Разрешение этих противоречий возможно посредством профессионализации вузовского обучения — моделирования учебных действий выпускника, выполнения научно-исследовательской работы, курсовых и дипломных проектов; перехода от знаниевой парадигмы к концепции личностно-ориентированного образования, которая предполагает повышение субъектности студента и в значительной мере определяет становление его личности; усиления взаимосвязи основ наук с профессиональным трудом.

Однако это не решит в полной мере проблему качественной подготовки специалистов в высшем учебном заведении, поскольку социальное содержание деятельности не всегда выражается в словах и понятиях и требует иных средств, а процесс усвоения научных знаний, умений, навыков и развития профессионального мышления идет несколько иным путем, чем освоение социально-ролевых характеристик деятельности[4].

Социальная нестабильность требует от выпускника вуза повышенной способности адаптироваться к меняющейся социальной среде, что и обусловливает разработку путей кардинальной модернизации высшего образования. Это, в свою очередь, дает возможность преподавателю создавать новые педагогические системы, технологии, методические разработки различного уровня сложности, реализующие социально-педагогические функции профессионального образования. Таким образом, высшее образование рассматривается как последовательное и предсказуемое формирование таких свойств человека, которые определяют эффективность и качество его профессиональной деятельности: не просто знания и навыки, но и развитие комплекса качеств современного специалиста, трансформирующих профессиональную деятельность в общественное благо (формирование социально активной личности, профессионального мышления, социальной и профессиональной ответственности; общекультурной, специальной и конкретно-практической подготовки профессионала; формирование в человеке потенциала саморазвития и самосовершенствования)[5].

В исследовании Е.В.Лобановой[6] выделены базовые идеи развития образовательных программ высшего профессио-

нального образования. Идея фундаментализации содержания обучения обусловлена быстро растущим в условиях информатизации объемом знаний, ускоряющейся сменой требований к профессиональной подготовке специалистов; ростом темпов социально-экономического развития; качественно новыми целями образования, принципами отбора и систематизации знаний, созданием фундаментальных учебных курсов по каждой из традиционных естественно-научных и гуманитарных дисциплин, их согласованием друг с другом в целях достижения нового качества образования российского гражданина.

К основным показателям фундаментализации содержания обучения Е.В.Лобанова относит направленность содержания обучения на обеспечение целостности восприятия научной картины мира; формирование профессионального мышления; конструирование собственной деятельности; обеспечение системности знаний обучаемых, вооружение их методологией научного познания; высокую степень обобщенности структурных единиц знания и овладения опытом осуществления обобщенных способов деятельности; формирование способности к синтезу со знаниями из других областей.

Идея профессионализации отражает защищенность в социальном отношении только широко образованного человека, способного перестраивать направление и содержание своей деятельности в связи со сменой требований рынка.

Идея теоретизации обучения отражает тот факт, что теории являются наиболее универсальной, стабильной и компактной формой существования знаний, поскольку информатизация общества ведет к тому, что, во-первых, все больше будет цениться умение искать и воспринимать нужные фрагменты знаний в информационных системах; во-вторых, ключевой информационной и интеллектуальной способностью (компетентностью) станет умение понимать, конструировать новые теории и оперировать ими.

Идея выделения гуманитарной компоненты в качестве ведущей составляющей образовательного процесса предполагает развертывание гуманитаризации в логике учебного предмета и учебного процесса в целом.

Идея индивидуализации обучения и дифференцированного подхода к обучающимся должна обеспечиваться инно-

вациями в содержании и методике обучения, а также в их структурах.

Подготовка высококвалифицированных специалистов, формирование нового типа активно-творческой личности требуют модернизации российского образования и перестройки учебного процесса в системе высшей школы, последовательного внедрения в практику профессионального образования научно обоснованных педагогических технологий.

Сегодня наиболее продуктивными и перспективными являются технологии, позволяющие организовать учебный процесс с учетом профессиональной направленности обучения, а также с ориентацией на личность обучающегося, его интересы, склонности и способности, преобладание на всех этапах учебного процесса поисковой деятельности студентов; отказ от единообразия целей, содержания, методов, средств и организационных форм обучения, индивидуализации и дифференциации учебной деятельности. «Из множества возможных способов организации и развития практики образования во всех многообразных его видах и типах наиболее радикальным сегодня является метод проектирования»[7]. Он представляет собой средство окультуривания инновационных преобразований и форму инновационных процессов в универсуме образования[8]; разновидность социального проектирования; осмысление того, что должно быть, когда разрабатываются модели предстоящей деятельности с заданными характеристиками; изменение форм и содержания обучения, где основной упор делается на развитии теоретического мышления (высокая степень обобщенности и систематизации знаний, творческая направленность).

Педагогическое проектирование предполагает анализ действий преподавателя, методического инструментария, приемов и подходов, более высокое личностное и профессиональное развитие педагога. Оно делает педагогическую деятельность технологичной (выступает средством анализа прежних подходов и поиска новых смыслов и ценностей, формирует новое видение образовательных проблем на основе переосмысления существующих теоретических представлений), а также традиционно понимается как подготовительный этап производственной деятельности.

В логике реального производства выделяются следующие этапы проектирования. Первый этап — разработка технического задания, проведение исследований, проектирование и моделирование образцов. Второй — разработка конструкторской и технологической документации, организация работы. Третий — собственно производительный труд (непосредственно производственный процесс как результат всех видов деятельности).

Этап разработки (исследование, проектирование, создание) опытного образца рассматривается как синтез познавательной и образовательной деятельности, в котором можно осуществить интеграцию логики познания и практической деятельности: «С педагогической точки зрения — как звена, в котором можно осуществить интеграцию логики познания и логики практической деятельности, соединять обучение с производительным трудом»[9] Таким образом, основой научно организованной деятельности является технология как «рациональный способ деятельности для достижения целей путем применения научных знаний на практике»[10]

Проектирование педагогических технологий требует глубоких осознанных знаний (о целях, содержании и сущности процесса обучения, разнообразии технологических элементов и способах их компоновки), которые служат фундаментом проектирования педагогической технологии и определяют эффективность практической деятельности педагога, процесса обучения в целом, а также характеризуются не столько существенностью результата, сколько, во-первых, эффективностью способа деятельности; во-вторых, обязательностью учета социальных, экологических, экономических, психологических и других факторов.

Первостепенное значение приобретает совершенствование проектировочной деятельности преподавателя — умение формулировать цели и в соответствии с ними планировать обучение. Это позволит перейти к человекоцентрической концепции формирования личности, что требует создания новой технологии обучения, способной обеспечить освоение образовательных и профессиональных программ.

В связи с этим несомненный интерес представляет исследование Н.О.Яковлевой, в котором, во-первых, проек-

тирование рассматривается как педагогический феномен, не только предварительное планирование изменений, но и предвидение последствий их влияния на жизнь и здоровье подрастающего поколения. Во-вторых, проблема проектирования выводится на одно из первых мест в теории педагогики и практике образовательной деятельности. В-третьих, педагогическое проектирование определяется как деятельность, осуществляемая в условиях образовательного процесса, направленная на обеспечение эффективного функционирования и развития[11]

Проектирование инновационной педагогической деятельности предполагает анализ собственных действий преподавателя, методического инструментария, приемов и подходов, более высокое личностное и профессиональное развитие педагога, трансформацию педагогического мышления, актуализацию потенциальных творческих сил и выработку индивидуального творческого стиля деятельности. В педагогическом проектировании как частном случае социального проектирования проектировщик и пользователь — одно и то же лицо, что предъявляет высокие требования к педагогу. Знание основ процесса проектирования приобретает большое теоретико-методологическое и практическое значение.

Не вызывает сомнения положение о том, что реализация этого подхода во многом связана с осознанием преподавателями *цели образования* — формированием у обучаемых социально-психологической модели своей будущей роли как образа будущей профессиональной деятельности. Такое понимание цели позволяет дифференцированно осуществлять отбор и освоение содержания обучения, т.к. исходит из необходимости обеспечить подготовку выпускника к вхождению в профессиональную деятельность и переход к дальнейшим этапам его профессионализации и самореализации.

Педагогической теорией и практикой уже накоплен положительный опыт разработки инструментария педагогического проектирования (принципы, процедуры, схемы, алгоритмы и т.д.). Наш исследовательский опыт дает возможность сделать обобщения в части уточнения логики и процедур педагогического проектирования инновационного педагогического процесса.

Дидактическим ориентиром отражения знаний служат приемы передачи содержания учебного материала различными формами свертывания информации («моделирование» как универсальный способ познания действительности). Речь в данном случае идет о таком педагогическом процессе, в котором содержатся значимые с точки зрения решаемых задач элементы новизны, педагогическая система построена на дедуктивной логике операционализации сложных теоретических понятий и ориентирована на оптимизацию образовательного процесса за счет знаково-символического языка. Особо следует подчеркнуть практическую значимость модельного представления учебного содержания при дистанционном обучении, поскольку процесс дистанционного образования связан с решением ряда сложных задач. К ним, в первую очередь, относится обучение формированию целостных понятий: студент (по указанию преподавателя, или самостоятельно) изучает блоки информации путем комментированного чтения готовых схем-конспектов, что позволяет включить обучаемого в учебный процесс как субъекта деятельности и познания самого себя и других. При проектировании такого дидактического комплекса предусматривается возможность их использования как в локальных компьютерных сетях вуза, так и при дистанционной форме обучения: успешная самостоятельная и продуктивная работа студентов с большим объемом учебной информации, автономность обучения, осознание своих способностей и потребностей в учении, творчество в учебной деятельности.

Процесс педагогического моделирования требует специального описания дидактического процесса в виде пошаговой, поэтапной последовательности действий педагога с указанием очередности применения всех элементов дидактического комплекса. Опыт работы в процессе моделирования учебной информации способствует формированию системности мышления, развитию способности к анализу и синтезу, что является важным с точки зрения совершенствования учебного процесса.

Следует отметить, что педагогическая деятельность есть не что иное, как многошаговое планирование, ведущая идея которого — создание оптимальной педагогической системы. План, замысел дают возможность преподавателю

конструировать и организовывать процесс обучения на качественно новом уровне, что способствует улучшению организации педагогического процесса. Это, во-первых, требует комплексного исследования и переустройства педагогического образования преподавателей. Во-вторых, педагогическую деятельность следует проектировать, а приемам педагогического проектирования профессионально обучать. Технологический уровень организации учебного процесса делает проектирование и внедрение технологии обучения корректным, методически подготовленным и обоснованным. При этом преподаватель становится высококвалифицированным специалистом, усиливается роль самого обучаемого. В связи с этим технологическую основу могут определять интеллектуальные умения по применению и творческому преобразованию информации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Бархаев Б.П., Владимиров В.В.* Социальная роль специалиста как элемент содержания профессионального образования // Инновации в образовании. 2002. № 2. С. 17—34.; *Давыдов П., Рахимов О.Х.-А.* Теоретические и методические основы моделирования процесса профессиональной подготовки специалиста // Инновации в образовании. 2002. № 2. С. 62—84.; *Левитан К.М., Югова М.А.* Становление демократической личности юриста в вузе // Юридич. образование и наука. 2004. № 3. С. 6—10.; *Фомин Н.В.* Теоретическая модель конкурентоспособного специалиста // Инновации в образовании. 2003. № 3. С. 74—83.; *Шадриков В.Д.* Новая модель специалиста: инновационная подготовка и компетентностный подход // Высшее образование сегодня. 2004. № 8. С. 27—31.

См.: *Шадриков В.Д.* Новая модель специалиста: инновационная подготовка и компетентностный подход // Высшее образование. 2004. № 8. С. 27—31.

[3] См.: *Бархаев Б.П.* Социальная роль специалиста как элемент содержания профессионального образования // Инновации в образовании. 2002. № 2. С. 17—34.; *Болотов В.А.* Проектирование профессионального педагогического образования. // Педагогика. 1997. № 4. С. 66—72.

[4] См.: *Бархаев Б.П.* Социальная роль специалиста ... // Инновации в образовании. 2002. № 2. С. 18.

[5] См.: *Фомин Н.В.* Теоретическая модель конкурентоспособного специалиста // Инновации в образовании. 2003. № 3. С. 74.

[6] См.: *Лобанова Е.В.* О подходах к проектированию образовательных программ высшего профессионального образования в современных условиях // Инновации в образовании. 2004. № 2. С. 5—13.

[7] *Болотов В.А.* Проектирование профессионального педагогического образования. // Педагогика. 1997. № 4. С. 66.

[8] *Сыромятников И.В.* Логико-дидактические аспекты совершенствования профессиональной подготовки практического психолога в вузе с дистанционной технологией обучения // Инновации в образовании. 2001. № 4. С. 19.

[9] *Калюга С.У.* Новый подход к развитию политехнического образования // Сов. педагогика. 1990. № 10. С. 50.

[10] *Атутов П.Р.* Политехническое образование в условиях интеграции науки и производства. / // Сов. педагогика. 1991. № 9. С. 36.

[11] *Яковлева Н.О.* Проектирование как педагогический феномен // Педагогика. 2002. № 6. С. 8—14.

Поступила 14.02.2005.

Н.Д.ФИРЕР

ПОНЯТИЕ «ПРОВИНЦИАЛЬНОСТЬ» В КОНТЕКСТЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ «РЕГИОН» И «СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО»

В толковом словаре В.Даля провинциалами называются люди, живущие в провинции, определенном территориальном пространстве, не в столице, жители «губернии, уезда, захолустья»[1] В настоящее время, по мнению А.Г.Чернышова, провинция ассоциируется преимущественно с регионом (регионами) в том своем качестве, в каком она отличается от столицы. «К тому же зачастую понятие „провинция“ приобретает негативные коннотации, связанные с некими явлениями отсталости, „местечковости“, патриархальности»[2]

Проблема определения понятия «регион» является одной из центральных в контексте нашего исследования. Ученые новосибирской социально-экономической школы регион определяют как пространство — экономическое, культурное, ментальное и политико-административное. С точки зрения культурного взаимодействия регионы — это общности людей, объединенные определенной культурой и ее материальными объектами. Следовательно, регионом является условная общность людей, ощущающих свою к ней принадлежность[3]

Под региональной стратификацией общества понимается «фундаментальное и постоянное измерение его бытия, которое проявляется, с одной стороны, как региональная дифференциация, а с другой — как региональная иерархия географического пространства и в целом социальной жизни человеческой цивилизации»[4]. Региональная страта

ФИРЕР Наталья Демьяновна, доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Лесосибирского педагогического института, филиала Красноярского государственного университета, кандидат философских наук.

политической жизни — сфера существования традиций повседневности, незримо, в архетипических формах хранящих опыт предшествующей истории данного сообщества. Архетипами политической жизни являются исторически сложившиеся взгляды, навыки, привычки политической деятельности, коллективно-бессознательные по происхождению, но индивидуально-личностные по способу своего эмпирического проявления. Они составляют содержание коллективной памяти жителей региона и исподволь предопределяют установки, ориентации и действия участников текущего политического процесса.

Предшествующая политическая история региона детерминирует его жизнь «здесь и теперь» еще и тем, что оставляет после себя приспособленные к определенному порядку функционирования институты и учреждения, правовые и моральные нормы, которые, наряду с архетипическими образованиями культуры, структурируют политическое пространство региона.

Провинциальность же можно обозначить архетипами политической жизни, которые составляют содержание коллективной памяти людей, живущих на периферии, предопределяющие установки, ориентации и действия провинциального сообщества.

Анализ научной литературы показывает, что термин «регион» многозначен: в социально-экономической географии, в региональной экономике, теории государственного управления, политологии под ним подразумеваются подчас весьма различные понятия[5].

В геополитике словосочетанием «геополитический регион» обозначается либо страна, либо группа стран, территориально и акваториально близлежащих, с исторически сложившимися, устойчивыми политическими, военными, конфессиональными и этническими связями. Однако в ряде современных постклассических геополитических исследований под регионом понимается и часть государства. Следует отметить, что геополитика в своем обширном понятийном аппарате важнейшее значение придает категории пространства, рассматривая не только физические характеристики пространства, но «именно человеческий элемент», одушевляющий пространство.

Социологическое понимание региона исходит из того, что, будучи социально-территориальной системой, регион должен обладать социально-пространственной общностью организации проживающего в его рамках населения. Отличаясь своеобразием природных условий, сложившейся специализацией производства, определенным уровнем развития производительных сил, производственной инфраструктуры, регион в то же время характеризуется спецификой социальной структуры и инфраструктуры, а также образа жизни населения. Территориальная дифференциация природных условий составляет естественную основу общественного (территориального) разделения труда, исторически закрепленного, находящего продолжение в своеобразии социальных условий жизни и в социальном облике населения.

Отечественная история смысловые контуры понятия «регион» определяет через отличие его от административно-территориальной единицы. Ю.Светов трактует: «Регион — территория, отличающаяся характерным направлением развития экономико-географических, социально-демографических, национально-культурных и политических структур, совпадающая или несовпадающая с административным делением государства»[6] Если административная единица формируется условиями извне, задаваясь государственной властью, то регион возникает как результат самоорганизации, и, значит, граница региона — это граница специфической исторической деятельности людей, который данный регион формируют. Из этого следует, что и административная единица, и регион — это пространства, но разные, они могут совпадать или не совпадать на конкретной территории. Однако их объединяет то, что К.Хаусхофер обозначил как «жизненное пространство», т.е. минимальный территориальный объем, позволяющий народу достичь реализации своих исторических и политических стремлений[7] В качестве синонимов можно использовать такие понятия, как «общественное пространство», «пространство общества», «пространство жизни человека», «пространственный фактор общества», «пространственная сторона общественных явлений», «пространство социальной деятельности». Это прежде всего пространство

социальное, связанное «с деятельностью социального субъекта». Социальное пространство «есть некая вселенная, состоящая из народонаселения земли, — говорит П.А.Сорокин. — Там, где нет человеческих особей или же живет всего лишь один человек, там нет социального пространства (или вселенной), поскольку одна особь не может иметь никакого отношения к другим.... Соответственно определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям...»[8]

В.Н.Порус подчеркивает: «Пространство жизни еще более глубоко дифференцированно. Оно несет в себе смысловые различия, соотносимые с многообразием социально-культурных условий жизни людей»[9] Способ организации пространства, с которого начинается культура, он называет Домом. Дом в его трактовке — это окультуренное пространство, «пространство с человеческим лицом». Важнейшим в Доме является не то, что он ограничивает космическое (физическое) пространство, «вырезает» из него нишу пребывания человека, чтобы стать Домом, пространство должно перестать быть физическим, обрести антропоморфные качества. Дом есть Пространство для Человека, неотделимое от человека. Дом — это Мир, но Мир, в котором есть человек.

В.П.Яковлев также утверждает, что «социальное пространство индивида — не то же самое, что социальное пространство коллектива людей, а последнее — не то же самое, что социальное пространство всего общества. Если на социальном микроуровне, т.е. на уровне индивида, пространство — это круг интересов и общения личности, на уровне поколения — сфера его жизни, определяемая существом и характером общественно-исторического бытия и действия современников, то на уровне общества пространство людей есть „общее силовое поле истории“, в котором перекрещиваются и сталкиваются бесчисленные поступки, стремления, интересы следующих друг за другом поколений»[10] Допуская, что социальное пространство включает в себя территорию, на которой осуществляются социальные взаимодействия людей, В.П.Яковлев, однако,

не сводит его (пространство) к территории, т.е. пространству географическому. От географического пространства социальное отличается тем, что оно есть пространство человеческой деятельности, а «историко-географическая (социально-экологическая) метрика пространства только облекает структурное содержание времени-пространства, выступает следствием, результатом»[11] Соотносясь не с экологическими (географическими) единицами пространства, а с определенными социальными системами, социальное пространство отражает взаимодействия, упорядоченность событий и процессов, их насыщенность и охват в пределах структурного целого.

Под социальным пространством также понимается такая форма существования элементов социального бытия, которая объективно закрепляет их положения и связи, обусловленные общественными отношениями, независимо от места их проявления[12] В такой же трактовке признаются физическое, географическое и другие пространства лишь в качестве необходимого фона, условия самого существования объектов и элементов социального бытия, локализация общественных отношений, их структуры являются относительными к физическому пространству. Социальное пространство характеризует качественную сторону социальной жизни и содержит в снятом виде характерные признаки физического и других пространств. В.К.Потемкин и А.Л.Симанов отмечают, что физическое пространство также «присутствует» в обществе. «Общество не может нормально функционировать, не скоординировав свою деятельность, которая протекает в географическом, физическом и других пространствах, с точки зрения пространственных связей и отношений»[13]

Таким образом, социальное пространство как поле социальной деятельности — более широкое понятие, охватывающее все уровни общества, включая «совокупность расселенческих единиц общества: городов, деревень, агломераций», а также внутреннее строение человеческих поселений. Социальное пространство формируют общественные отношения, определяя его признаки и основные свойства, оставляя в качестве вторичных, второстепенных и внешних территориальные, географические признаки. Для

региона же основным признаком является территориальное разделение труда, исторически закрепленного, находящего продолжение в своеобразии социальных условий жизни и социальном облике населения. Провинция, следовательно, понимается как часть региона, наиболее отстоящая от регионального центра. А.Г.Чернышов, рассматривая отношения «центр — провинция», отмечает, что разрыв между столицей и «окраинными» территориями конкретного региона (района, села, деревни) заметен уже со всей четкостью, приобретая остроту и драматичность. Возникает не просто федеральная и региональная составляющая. Их дополняет «нижний» этаж. Иными словами, мы получаем три уровня: федеральный (центр — столица), региональный (центральный город региона) и провинциальный — все, что останется в регионе за рамками названного выше[14] Регион и провинция, различаясь между собой, являются между тем социальным пространством, понимаемым как форма существования социального бытия.

В последнее время все больше внимания уделяется проблеме провинциального пространства, т.к. в его пределах сосуществуют социальные общности, идентифицируемые той же самой территорией. А.Филиппов в социологии пространства главным считает предельную социологию пространства. «Принципы общественной классификации переносятся на организацию пространства, причем общество своим авторитетом навязывает такое видение как само собой разумеющееся»[15]

В ряде исследований понятие «территориальная общность» синонимично понятию «коммьюнити», широко распространенному в социологической (преимущественно зарубежной) литературе.

Концепция «коммьюнити» — одна из наиболее сложных и противоречивых в современной общественной науке. Е.Е.Горяченко приводит различные определения территориальной общности: «...любое множество социальных отношений, осуществляемых главным образом внутри некоторых границ поселений или территорий», «...социальная сеть взаимодействующих индивидов, обычно концентрированных в рамках определенной территории»; «...наименьшая территориальная группа, которая может объять все аспекты

человеческой жизни... локальная группа, достаточно обширная, чтобы „включать“ все главные институты, все статусы и интересы, которые, может быть, и составляют общество. Это наименьшая группа, которая может быть и часто является обществом»[16].

Сегодня большинство социологов используют понятие «коммьюнити» для обозначения единиц территориальной организации общества, которые в определенном смысле образуют замкнутую совокупность (деревня, небольшой город, пригородный район и т.п.), иначе говоря — провинцию.

Коммьюнити в провинции рассматривается как территориальная единица, т.е. объединение людей внутри определенного географического ареала, где территория понимается пространственной средой, формирующей условия жизнедеятельности. При этом территория может выступать как независимая переменная, влияющая на жизнь территориальной общности, помогая объяснить местоположение, устойчивость, возникновение и потенциал развития коммьюнити, относительную самодостаточность, т.е. способность удовлетворять свои основные потребности на локальной территории. Вместе с тем территория может рассматриваться и в качестве зависимой переменной, поскольку жители постоянно изменяют территориальную среду, в которой они живут, преобразуют и адаптируют ее к своим потребностям, охраняют, а иногда и уничтожают окружающую природную среду.

В провинции члены коммьюнити идентифицируют себя с данной территориальной общностью, осознают свою причастность к ней, а от нее получают ощущение принадлежности и безопасности.

Исследуя пространственно-временные измерения демократии, А.С.Мадатов указывает, что пространственное измерение включает наряду с природно-географическими условиями, размерами территории и совокупность социально-экономических отношений, а также уровень и характер культуры общества, представляя собой соответственно экономическое и культурное пространство[17] Следовательно, провинциализм означает совокупность социально-экономических отношений, уровень и характер культуры провинциального общества.

А.Г.Кислов и И.В.Шапко, анализируя дихотомию «столица — провинция», рассматривают этот феномен в двух ракурсах. «С одной стороны, их различия имеют ресурсный характер — это „разность“, нетождественность сред обитания людей и тех потенциальных возможностей (информационных, статусно-ролевых, общественно-структурных, социокультурных), которые они предоставляют. В такой теоретической перспективе провинция предстает как нечто периферийное, производное, второсортное. С другой стороны, сопряжение центра и провинции наполнено смысловым содержанием — аналитический фокус в этом случае перемещается на свойства, приписываемые конкретным пространственным локусам, на опыты переживания „своего“ и „чужого“ предела, образы „территорий“»[18] Провинциальность, таким образом, обусловлена средой обитания людей, которая в свою очередь определяет специфику их потенциальных возможностей.

Д.Н.Замятин, исследуя географические образы в гуманитарных науках, рассматривает пространство как «культурно-географические образы»[19], где пространство выступает как средство репрезентации и интерпретации самой культуры. Он утверждает, что пространство как бы обволакивает культуру и максимально ее актуализирует посредством четкой образной локализации. Посредством интерпретации культурно-географических образов культура глобально «переживается» через географию, происходит своего рода опространствление культуры. Культура в данном случае становится интересной как продукт образно-географических интерпретаций. Исследования Д.Н.Замятина позволяют рассматривать провинциальное пространство как средство репрезентации и интерпретации провинциальной культуры, т.е. провинциальности.

Провинциализм, по мнению А.В.Качкина и Т.Б.Ткаченко, «обнаруживает себя исключительно в сфере созидательной творческой деятельности, в сфере культуры. Локальные сообщества выступают как целостные гармонические образования, обладающие максимально возможной полнотой социальной жизни. Провинция является как бы уменьшенной моделью большого общества: у нее свои наука, искусство, политика, экономическая модель; свои лидеры и

герои... При этом собственный „параллельный“ мир обладает определенными ценностями, имеющими значение для данного сообщества»[20] Смысл провинциальности всегда подразумевал определенную самобытность видения человеком окружающего мира. С точки зрения жителя большого города, суждения «провинциала» могут показаться наивными, что связано с незнанием самых простых вещей. Однако именно эта наивность и непредвзятость делает его ум более гибким и восприимчивым к окружающему миру.

По мнению В.А.Шкуратова, «Провинциализм — не просто факт проживания вне столицы, но синдром маргинальности от принадлежности к двум культурным средам. Провинциал испытывает к столичному свету одновременно влечение и неприязнь. Неполное слияние с нормативной культурой по территориальным причинам напоминает расовую, национальную, социальную сегрегацию. Хотя, разумеется, пространственный антагонизм в обществе менее яростен, чем другие. Провинциальный комплекс, временами очень домашний, проявляется в сочетании с забавной самонадеянностью, внутренней несвободой, стесненностью культурного творчества, постоянной оглядкой на то, как „там“»[21]

Иное видение провинциальной культуры у А.В.Дахина — «...как рукотворном духовно-предметном комплексе. Эта посылка позволяет сформулировать тезис о том, что во всяком культурном комплексе могут быть выделены центральные („эйдетические“) и периферийные („предметно-символические“) оболочки. Такова архетипическая диада культуры, которая обнаруживается и как отношение „эйдетическое — предметно-символическое“, и как отношение „сакрально-профаническое“, и, наконец, как отношение „столичная культура — провинциальная культура“»[22] Провинциальную культуру он рассматривает как позднюю историческую ипостась «профанической периферии», в которую традиционно вытеснялись и в которой, затаившись, продолжали свою ценностно-ориентационную работу как мировоззренческие (универсальные), так и частные (технические, эстетические и т.п.) элементы культурных комплексов человеческих сообществ предшествующих эпох. Особенно важным в провинциальной культуре, по мнению

А.В.Дахина, является не только сохранение элементов культуры предшествующих эпох, но и живые элементы мироощущений, мировоззренческих исканий современного человека.

Малый город (провинция), с точки зрения президента союза малых городов Российской Федерации Е.М.Маркова, — «...это тип поселения, лежащий между высокоурбанизированным индустриальным центром и деревней, сочетающий в себе сельские и городские начала»[23] Следовательно, провинциальность несет определенную двойственность типологических характеристик своей среды.

Приведенные мнения, помогающие идентифицировать провинциальность, позволяют сделать попытку смоделировать объект исследования, понимая под «моделью» наглядно-образную репрезентацию изучаемого объекта, используемую для получения знания о его сущностных свойствах или параметрах.

Провинциальность же, на наш взгляд, определяется не только совокупностью социально-экономических отношений, присущих периферии, но и комплексом социально-генетических черт, проявляющихся в мышлении, поведении, особой культуре, соединяющей городскую и народную крестьянскую культуру, ценностных ориентациях, профессиональной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3. М., 1990. С. 472.

[2] *Чернышов А.Г.* Центр — провинция в региональном самосознании // Полит. исследования. 1999. № 3. С. 100.

[3] См.: *Бейдина Т.Е.* Возможности геополитики в изучении малых региональных дисциплин // Гуманит. науки в Сибири. 2000. № 1. С. 66—69.

[4] *Дахин А.В., Распопов Н.П.* Проблема региональной стратификации в современной России // Полит. исследования. 1998. № 4. С. 133.

[5] См.: *Распопов Н.П.* Социально-политическая стабильность региона — субъекта РФ // Полит. исследования. 1999. № 3. С. 92.

[6] Цит. по: *Гомаюнов С.* Местная история в контексте россиеведения // Обществ. науки и современность. 1996. № 1. С. 57.

[7] Цит. по: *Бейдина Т.Е.* Возможности геополитики... С. 68.

[8] *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 297—307.

[9] *Порус Н.В.* Пространство в человеческом измерении // Полигнозис. 2000. № 2. С. 22.

[10] *Яковлев В.П.* Социальное время. Ростов н/Д., 1980. С. 121.

[11] Цит. по: *Лой А.Н.* Социально-историческое содержание категорий «время» и «пространство». Киев, 1978. С. 27.

[12] См.: *Потемкин В.К., Симанов А.Л.* Пространство в структуре мира. Новосибирск, 1990. С. 167.

[13] Там же. С. 157.

[14] См.: *Чернышов А.Г.* Центр — провинция в региональном самосознании. С. 100—101.

[15] *Филиппов А.* Элементарная социология пространства // Социол. журн. 1995. № 1. С. 56.

[16] Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И.Заславская, З.И.Калугина. Новосибирск, 1999. С. 504.

[17] См.: *Мадатов А.С.* Пространственно-временное измерение демократии // Обществ. науки и современность. 1998. № 1. С. 61.

[18] *Кислов А.Г., Шапко И.В.* Социально-топологическое оправдание провинции // Социол. исслед. 2000. № 8. С. 118—119.

[19] См.: *Замятин Д.Н.* Географические образы в гуманитарных науках // Человек. 2000. № 5. С. 82.

[20] *Качкин А.В., Ткаченко Т.Б.* Провинциальная ментальность: миф или реальность? // Alma Mater. 1994. № 2. С. 60.

[21] Там же. С. 7.

[22] Там же. С. 4.

[23] *Дахин А.В.* Чем живет провинция? // Человек. 1994. № 6. С. 127.

Поступила 15.04.2004.

И.В.АНТОХОНОВА

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНА С ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИЕЙ

Воспроизводственные процессы, включающие производство, распределение и конечное потребление созданного на территории продукта, в плановой экономике регулировались на отраслевом уровне министерствами и ведомствами. Региональные власти выполняли в основном распределительную функцию посредством обеспечения социальных нормативов на основе централизованных ресурсов. Современные теории региональной экономики исходят из рассмотрения региона как субъекта экономических отношений многофункциональной и многоаспектной системы. Прежнее представление о регионе как сосредоточении природных ресурсов, населения, производства и потребления на определенной территории не соответствует процессам модернизации национальной экономики и субъектов Российской Федерации.

В государствах унитарного типа до 80 % финансовых ресурсов распределяется через центр и является основой проведения сбалансированной социальной политики. В государствах федеративного типа около 50 % средств консолидированного бюджета остается на территориях. Реформы в современных условиях предполагают саморазвитие, наличие и эффективное использование внутренних источников. После разрушения горизонтальных связей, соединявших предприятия военно-промышленного комплекса с другими секторами, составлявшими единую технологическую цепочку по всей территории страны, промышленность

АНТОХОНОВА Инна Владимировна, старший научный сотрудник кафедры макроэкономики, экономической информатики и статистики Восточно-Сибирского государственного технологического университета, кандидат экономических наук, доцент.

и социальная инфраструктура в регионах оказались в глубоком кризисе.

В «Основных положениях региональной политики в Российской Федерации», утвержденных Президентом страны в 1996 г., содержится следующее определение региона: это «часть территории Российской Федерации, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий. Регион может совпадать с границами территории субъекта Российской Федерации, либо объединять территории нескольких субъектов. В тех случаях, когда регион выступает как субъект права, под ним понимается только субъект Российской Федерации»[1].

В рамках Европейского экономического сообщества разработано общее для всех стран понятие региона. При этом признаком, по которому ту или иную территорию можно представить как относительно самостоятельную единицу, служит ее самостоятельное экономическое единство со всей национальной экономикой, т.е. протекающие на ней экономические процессы должны отражать определенные закономерности общественного воспроизводства, формирующиеся под влиянием взаимосвязанных экономических, социальных и природных факторов. Таким образом, под регионом следует понимать территориально-специализированную часть экономики страны, характеризующуюся единством и целостностью воспроизводственного процесса.

Объективные предпосылки для развития регионов были созданы в процессе планирования размещения производительных сил, результатом которого явились индустриализация и урбанизация. Крупные промышленные комплексы, особенно в Сибири, характеризовались созданием инфраструктуры и формированием кадрового потенциала. Обвальный уход государства из экономики в регионах с большим количеством градообразующих предприятий поставил их в условия пассивного приспособления имеющейся территориально-отраслевой структуры к запросам рынка.

Аналогично тому, что экономика России рассматривается как периферийная, ориентированная на экспорт сырья, регионы характеризуются периферийной экономикой по отношению к центру, сконцентрировавшему основные финансовые потоки.

В последнее время в экономической литературе уделяется внимание сравнительному анализу результатов развития регионов России за период реформ 90-х гг. XX в. Имеют место оценки процессов дивергенции и конвергенции субъектов федерации на основе статистических моделей, кластеризации регионов по основным параметрам, таким как среднедушевое производство и потребление ВРП, промышленной продукции, поступление иностранных инвестиций, миграционные процессы. Действительно, для развития реформ в регионах в условиях становления федеративного государства решающее значение имеет исходное состояние основных индикаторов. Характер их эволюции или деградации свидетельствует о способности формирования региональной экономики в новых условиях.

Неблагоприятные стартовые условия дореформенного периода привели многие регионы к более глубокому кризису в социальной сфере по сравнению с центром. Структурные диспропорции стали непреодолимым препятствием формирования инвестиционного спроса. Данные негативные последствия усилились тем, что это происходило на фоне падения уровня жизни и резко возрастающей дифференциации доходов.

Эволюция теории региона протекает в контексте долговременных тенденций устойчивого развития, т.е. гармонизации отношений общества и окружающей среды, экономического роста, рационального использования и сохранения природных ресурсов для будущих поколений.

В рамках системы национального счетоводства сфера производства ВВП (ВРП) не включает изменения, происходящие в окружающей среде (например, истощение запасов угля, нефти и других полезных ископаемых, загрязнение воздуха, воды и т.д.). Однако деятельность, направленная на защиту окружающей среды, подлежит измерению. Специалисты в области макроэкономического анализа считают, что при определении результатов экономической деятельности и исчислении ВВП должны быть приняты во внимание негативные изменения, происходящие в окружающей среде[2]

В некоторых странах проводятся расчеты с целью исчисления «экологически чистого ВВП», скорректирован-

ного на истощение минеральных ресурсов, загрязнение окружающей среды и т.д. Однако на данный момент подобные расчеты в России и ее регионах не проводятся. Статистика влияния хозяйственной деятельности на окружающую природную среду приводится в физических единицах отходов, сброса загрязненных сточных вод, площади нарушенных земель. Имеются сводные данные о выполнении федеральных целевых программ в области техногенной и экологической безопасности с выделением бюджетных назначений, фактического поступления средств и их использования[3] Цикл статей В.Лексина и А.Швецова в «Российском экономическом журнале» посвящен проблемам общероссийских реформ и территориального развития[4], в которых подчеркивается, что экономический рост в регионах в еще большей степени усиливает экономическую и социальную дифференциацию. Также обращается внимание на специфику и содержание послекризисного экономического роста, имеющего дисперсный характер и связанного с деятельностью крупных корпораций.

В связи с этим несомненный интерес представляет анализ социальных проблем и тенденций формирования потребительского спроса как основного фактора экономического роста Республики Бурятия в контексте парадигмы региона как эколого- социоэкономической системы.

Республика Бурятия входит в Сибирский федеральный округ с населением на 1 января 2004 г. 974,2 тыс. чел., составляющим 0,7 % от населения России и ВРП 0,4 % от российского ВВП, инвестиции в основной капитал составили 0,3 % от суммарных инвестиций. Объем производства за 1990-е гг. сократился в 2 раза, лишь с 2000 г. наметились тенденции импортозамещения и адаптации экономики к рыночным условиям. В рейтинге субъектов Российской Федерации по доле ВРП Бурятия занимала 52-е место в 2001 г., а по уровню среднедушевых доходов в 2002 г. — 33-е.

Республика размещена на юго-восточном побережье Байкала, на ее территории расположены заповедные места и ареал формирования рек, питающих о. Байкал. Уникальное озеро рассматривается как часть всемирного наследия человечества в соответствии с требованиями Конвенции об охране Всемирного культурного и природного

наследия, принятой 16 ноября 1972 г. Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры.

Географически соседними регионами Бурятии являются Иркутская и Читинская области. С 1996 г. в соответствии с Концепцией устойчивого развития РФ (Указ Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 440 «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию») эти три региона образуют модельную территорию устойчивого развития — Байкальский регион. В дореформенный период экологические проблемы в Байкальском регионе были вызваны экстенсивным ростом темпов природопользования в связи с распашкой целинных и залежных земель, строительством БАМа и целлюлозных комбинатов в Прибайкалье. Снижение объемов промышленного производства в переходный период не сопровождалось адекватным снижением отходов производства, сбросов и загрязнения окружающей среды.

С точки зрения концепции устойчивого развития рассматриваются два базовых критерия устойчивой экономики: экоэффективность и нравственность. Понятие «экоэффективность» отражает такой процесс изменений и перемен, где эксплуатация ресурсов, направление инвестиций, ориентация научно-технологического развития, организационные мероприятия увеличивают прибавочную стоимость при сокращении потребления ресурсов, минимизации отходов и загрязнений. Это предполагает модернизацию экономики таким образом, чтобы она позволяла включать социальные и экологические издержки в стоимость продукции. Однако в условиях кризиса и трансформационного спада производства эти критерии нереальны. Основной проблемой остается низкий уровень инвестиций. Темп роста расходов домашних хозяйств на конечное потребление в 2001 г. по отношению к 1994 г. в Бурятии составил 897,6 % и превысил темп роста ВРП, равный 639,2 %. При этом темпы роста валового накопления составили 341 %.

В настоящее время наблюдается тенденция синтеза экологического и антропоцентрического подходов к окружающей среде. Концепция устойчивого развития, разработанная в рамках ООН, базируется на долгосрочной программе сохранения функций природной среды и самой природы,

т.к. именно нетронутая природа, будучи частью природного наследия, может оказаться необходимым условием жизни человека.

Важной составляющей устойчивого развития являются сохранение и увеличение во времени агрегированного производственного потенциала, определяемого в основном тремя факторами производства: человеческим, физическим и природным. Специалисты Бурятии совместно с Институтом макроэкономических исследований разработали оригинальную методику разграничения ответственности республики и федерального центра за увеличение расходов на охрану байкальской природной территории с оценкой объемов компенсации убытков. В процессе этой работы было исследовано влияние «байкальского» фактора на развитие экономического комплекса, финансовое состояние и уровень дотационности региона.

Тенденции формирования потребительского спроса связаны не только с распределительными отношениями в области материального благосостояния. Эволюция потребительского спроса протекает параллельно развитию показателей качества жизни населения. Проблемы измерения и сравнительного анализа качества жизни населения регионов РФ исследованы с точки зрения прикладных эконометрических моделей. Интегральная характеристика качества жизни базируется на концептуальных установках, близких «Методике расчета индекса развития человеческого потенциала», предложенной группой сотрудников и экспертов «Программы развития ООН». Она включает характеристики качества населения, социальной сферы, экологической ниши, а также благосостояние населения, природно-климатические условия. На базовом уровне представлены абсолютные и относительные показатели; по качеству экологической ниши приведены показатели в физических единицах или относительные показатели на основе физических единиц. По природно-климатическим условиям показатели находятся на стадии разработки.

Экологическая ниша может быть связана с большей или меньшей угрозой стихийных бедствий, техногенных катастроф и катаклизмов. Воздействие на здоровье и организм человека в некоторых случаях достаточно сложно изме-

рить ввиду латентных изменений или последствий, растянутых во времени. В таких случаях оценка может быть проведена экспертно. Комплексная оценка сторон жизни (воспроизводство, проживание в населенных пунктах, отдых, эстетическое восприятие ландшафта) производится с применением коэффициентов значимости отдельных частных показателей.

Что касается критерия нравственности, то в обществе стали активно развиваться и утверждаться в качестве новой нормы гедонистические стереотипы форсированного потребления, в результате чего возник новый социокультурный стандарт: массовое потребление. В связи с этим значительно возросли потребительские расходы (таблица). Потребительские расходы на товары, преимущественно ввозимые в регион, не создают мультипликационный эффект и представляют так называемые утечки при отрицательном сальдо межрегионального обмена.

Платежеспособный спрос формируется посредством расширения кредитного поведения и также теневыми доходами. Прочие доходы (включая скрытую заработную плату) составили в общей структуре доходов на душу населения Бурятии 33,5 %, этот показатель выше лишь в Москве (43,1 %), Кабардино-Балкарской Республике (40,7 %), Республике Дагестан (35,4 %), Еврейской автономной области (34,5 %) и в Республике Адыгея (33,6 %)[5] Эти данные являются признаком самостоятельной неинституциональной адаптации населения к рыночным условиям.

Зависимость экономического роста от потребительского спроса подтверждается следующими данными государственной статистики. Темп роста ВРП в среднем по субъектам Российской Федерации в рыночных ценах в 2001 г. по отношению к 1994 г. — 1 145,6 %, при этом темп роста расходов домашних хозяйств на конечное потребление 1 244,6 %. Аналогичные показатели для Республики Бурятия ниже и равны соответственно 639,2 и 897,6 %. Темпы роста валового накопления существенно отстают от приведенных показателей: в среднем по РФ — 798,5 %, в Бурятии — 341,1 %. Представление о структуре и уровне доходов дают сравнительные данные по Российской Федерации, Сибирскому федеральному округу и трем субъектам округа.

Таблица

Структура располагаемых ресурсов домашних хозяйств, % от общего объема располагаемых ресурсов

Показатель	РФ	СФО	Республика Бурятия	Иркутская область	Красноярский край
Денежные расходы	84,4	77,2	82,3	80,6	66,1
Стоимость натуральных поступлений продуктов питания	8,0	12,4	12,8	11,4	11,3
Стоимость предоставляемых в натуральном выражении льгот	2,0	1,9	1,3	1,8	2,2
Прирост сбережений	5,6	8,5	3,6	6,2	20,4
Всего	100	100	100	100	100
Среднедушевые денежные доходы в месяц, руб.	3060	2508	2188	2758	3526

Об уровне социально-экономического развития можно судить по двум составляющим — денежным расходам и приросту сбережений. Чем выше доля сбережений, тем стабильнее социально-экономическое положение. Структура располагаемых ресурсов в Бурятии свидетельствует о недостаточности доходов. Действительно, в 2003 г. 38,5 % населения Бурятии имели среднедушевой доход ниже прожиточного минимума. В регионе также, как и во всей стране, возник устойчивый класс «новых» бедных, имеющих квалификацию, образование, семью и детей.

По оценке Всемирного банка, международной чертой бедности является жизнь менее, чем на 2 дол. США в день, а жизнь менее, чем на 1 дол. США в день, равнозначна полной нищете. В соответствии с этими характеристиками в условиях полной нищеты проживает около 10 % населения. В регионе уровень безработицы существенно выше, чем в среднем по России (8,4 %), и составляет 14 % среди женщин и 17 % среди мужчин.

Особо следует отметить традиционно высокий спрос на высшее образование. По уровню образования Республика Бурятия превосходит среднероссийский показатель и занимает 25-е место среди субъектов РФ. Привлеченные в

прежние годы трудовые ресурсы имели качественное техническое образование, поэтому население в регионе всегда имело устойчивую установку на высшее образование. В связи с высокой безработицей и конкуренцией на рынке труда поддерживается спрос на платные образовательные услуги. Наряду с основными вузами в республике работает множество филиалов, ориентированных на подготовку экономистов и юристов.

Проблема расширения системы образования в соотношении с экономической ситуацией при ближайшем рассмотрении оказывается не столь простой, как может показаться на первый взгляд. Можно оспаривать принимаемый на веру тезис о положительной связи между увеличением числа людей, получающих высшее образование в конкретной стране, и ее экономическим ростом. Так утверждать дает основание излишняя академическая свобода и размытость форматов обучения в некоторых коммерческих образовательных учреждениях.

Регион испытывает недостаток в инженерных кадрах, обеспечивающих технологически сложное производство, прежний состав частично ушел в бизнес или на пенсию. В связи с грядущим сокращением возрастной когорты в 1,5 раза структура спроса будет меняться, а отдача инвестиций в образование имеет известный временной «лаг».

Негативное влияние на экономику оказывают сейсмичность территории многих районов республики, повышающая сметную стоимость объектов в среднем в 1,05 раза, низкий уровень транспортной доступности, слабая обеспеченность дорожной сетью, значительная топливо- и энергоемкость продукции.

Переход экономики на рыночные отношения привел к снижению платежеспособного спроса сельского населения, составляющего 40 % населения республики[6] В результате структурных преобразований в сельском хозяйстве сформировалось множество мелких хозяйств, территориально разобщенных, имеющих слабую единую инфраструктурную базу и совершенно не готовых к самостоятельному развитию. Этот процесс еще продолжается, но результаты не улучшаются. Так, за эти годы валовой сбор зерна упал на 75 %, производство мяса — на 48, молока — на 10 %.

В сельском хозяйстве происходит не только временное падение производства, но и подрываются основы простого и расширенного воспроизводства, т.к. наряду с сокращением производства происходит снижение потенциала развития. Абсолютно сократилась посевная площадь зерновых культур. В 2001 г. к уровню 1991 г. поголовье крупного рогатого скота составило 60 %, овец и коз — 14, свиней — 44 %, а ведь это базовая отрасль специализации региона[7]

Неравномерность социально-экономического развития осложняет трудовую миграцию для экономически активного населения, не имеющего доступа к рынку труда. В переходной экономике увеличились миграционные потоки. Численность иностранных граждан, работающих в республике, составляет, по последним данным, 1 104 чел., в том числе 706 чел. из Китая и 225 чел. из КНДР. В основном иностранные граждане заняты в строительстве, промышленности, сельском хозяйстве и менее всего в коммерческой сфере.

Социальные проблемы имеют экологические последствия. Внутренняя миграция в направлении с севера России и субурбанизация в пригороде Улан-Удэ в некоторых случаях имеют стихийный характер и приводят к нарушению санитарно-эпидемиологических норм. Значимыми для населения являются расходы на здравоохранение, в йодо- и селенодефицитном регионе одна из самых низких продолжительностей жизни, в 2002 г. средняя продолжительность жизни женщин составила 69,11 лет, мужчин — 56,1 лет, республика находится на 73-м месте по этим показателям[8].

Постепенно осваивается побережье Байкала, уникального по своим природным особенностям озера. Придание статуса «мировое наследие» предполагает особый режим функционирования экономики и влечет крупные дополнительные издержки. Проблема развития туризма многократно обсуждалась на самых различных уровнях. Для развития масштабного туризма на Байкале сезон слишком короток, поэтому инвестирование в эту сферу связано с рисками. Экологический туризм является достаточно узким сегментом, несмотря на его привлекательность, и требует специального маркетингового исследования.

В качестве примера изысканий в данной сфере можно привести так называемый научно-исследовательский туризм, «Inbound Conference Tourism» в Латвии[9] В течение летнего периода и сентября ежегодно на Байкале проводится множество представительных конференций разного уровня и различной проблематики, предоставляющих участникам и гостям уникальную возможность сочетания работы, отдыха и знакомства с Байкалом. Осуществляются такие мероприятия в формате прежних традиций научными и образовательными учреждениями без единой концепции и менеджмента. Это направление не следует исключать, учитывая, что территория Бурятии рассматривается как центр туризма среди крупных общесибирских проектов, отобранных экспертным путем[10]

Глобальные процессы в России зависят от повышения экономической роли регионов. После саммита в г. Йоханнесбурге 9 августа 2002 г. сформировался новый взгляд на транснациональные корпорации. Они предложили себя в качестве силы, способной не просто содержать экономически отсталые страны, лишая их внутренних импульсов к росту, но и создавать им условия для саморазвития.

Для модернизации экономики депрессивных регионов России, особенно в Сибири, необходимо развивать внутренний потребительский рынок с учетом экологических ограничений. Существует лишь один путь преодоления негативных тенденций и дисгармонии в территориальном развитии страны — разработка и реализация всесторонне обоснованной региональной политики устойчивого развития, в которой будут сбалансированы потребительский и инвестиционный спрос, определяющие пропорции воспроизводственных процессов.

При этом следует учитывать приоритетность социальных проблем и особенности регионов, заключающиеся в значительном масштабе территории и неоднородности экономического пространства; потенциале сельского населения, связывающего свое будущее с развитием территории; потребности в инвестициях для модернизации экономики; необходимости реформирования сельского хозяйства для формирования продовольственного потенциала; дифференциации населения по доходам и бедности; оздоровлении

населения; охране окружающей среды, в том числе снижении пожароопасности; регулировании миграции и занятости.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 23. ст. 2756.

[2] См.: *Айвазян С.А.* Сравнительный анализ интегральных характеристик качества жизни населения субъектов Российской Федерации: Вып. 3. М., 2002.

[3] См.: Социальное положение и уровень жизни населения России: Стат. сб. М., 2002. С. 410—411.

[4] См.: *Лексин В., Швецов А.* Общероссийские реформы и территориальное развитие. Региональная Россия начала XXI века: новая ситуация и новые подходы к ее исследованию и регулированию // Рос. экон. журн. 2004. № 5/6. С. 21—42.

[5] См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2003. С. 135—136.

[6] См.: *Антохонова И.В.* Методические подходы к анализу потребительского поведения домохозяйств в регионе // Вопросы статистики. 2004. № 10. С. 49—55.

[7] См.: Финансовый потенциал Республики Бурятия. Улан-Удэ, 2002.

[8] См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2003. С. 65.

[9] См.: *Iljina M., Serdiene L.* Analysis of the Current Situation of Inbound Conference Tourism in Latvia and its Future Development Possibilities. Stockholm School of Economics in Riga. January 29, 2004.

[10] См.: *Конторович А.Э., Кулешов В.В.* Сибирь как восточный вектор развития экономики России // Регион: экономика и социология. 2004. № 1. С. 105.

Поступила 19.11.2004.

Г.П.КУЛЕШОВА

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА И САМОЗАЩИТА НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНЕ

Система социальной защиты — один из основополагающих институтов современной цивилизации. В современном обществе он выполняет такие важные функции, как перераспределение средств и ресурсов в пользу социально слабозащищенных категорий населения, придание социальной направленности общественному производству, снижение поляризации общества и уменьшение социальных конфликтов.

Политическое и социально-экономическое реформирование в последнее десятилетие XX в. спровоцировало наряду с массовым распространением инвалидности, алкоголизма, наркомании, депопуляции возникновение принципиально новых явлений для России, таких как бедность, безработица, детская беспризорность, вынужденная миграция и др., что обусловило рост численности населения, нуждающегося в социальном обеспечении и защите. Ситуация осложняется снижением ответственности работодателей и профсоюзов за социальную защиту населения, что диктует необходимость повышения роли государства в данной сфере. Новое социальное законодательство (как федеральное, так и региональное) за последние 10 лет увеличило количество категорий населения, признанных социально уязвимыми, и расширило перечень предоставляемых им выплат, льгот, компенсаций, услуг (т.е. социальной помощи). Вследствие этого значительно возросли расходы бюджетов всех уровней и внебюджетных фондов (пенсионного, социального и обязательного медицинского страхования), обеспечивающих предоставление населению

КУЛЕШОВА Галина Петровна, доцент кафедры социологии Мордовского государственного университета, кандидат социологических наук.

социальных выплат в денежной форме, а также оказание различного рода социальных услуг в натуральной форме.

Объемы и темпы роста социальных обязательств государства превысили его финансовые возможности, что привело к неблагоприятным последствиям, росту социальной напряженности в обществе. Произошло нарушение конституционной нормы «социального государства», которое проявилось в невыполнении государством гарантий социальной защиты.

Результаты многочисленных исследований свидетельствуют, что существует тесная взаимосвязь между длительным ухудшением условий жизни и снижением у людей уровня социальных потребностей и активности. В.Бойков называет это механизмом регресса, приводящим к люмпенизации части населения. Он заключается в том, что в процессе снижения уровня жизни из сознания людей вымываются сложные социально-культурные потребности, для них становится характерной жизнь одним днем, установка на выживание[1]. Социальный опыт и навыки преодоления материальных трудностей у малообеспеченных слоев населения неэффективны и ориентированы на выживание, а не на преодоление сложившейся ситуации.

Отсутствие результативной системы социальной защиты выработало у многих сознание своей второсортности и неполноценности. Это не только унижает достоинство человека, вызывает чувство бессилия, но и ограничивает возможность самозащиты.

В современном российском обществе происходит идеологическая переориентация от социального равенства и социальной однородности на поощрение социальной дифференциации и ориентация на ценности предпринимательства. Однако у старших и средних поколений населения России наблюдается отсутствие чувства активного предпринимательства, они чаще других возрастных групп ориентируются на государственные формы организации производства и социальной защиты. Растет дифференциация между слоями, социальными группами и классами в российском обществе на фоне массового распространения бедности, ослабления гарантий реальной социальной защиты населения, особенно неработающих и занятых в бюд-

жетной сфере. При этом большинство населения России не сориентировано на активную социально-экономическую самозащиту.

Такие процессы, как отмечает З.Бауман, вызваны усложнением современного общества, возросшей трудностью приспособления человека, коллективов, институтов к быстро и непрерывно меняющейся социальной реальности, распадающейся на множество автономных реальностей «адаптации к переменам, порождаемым бурным технологическим развитием, непосредственно вторгающимся во внутренний мир человека, воздействующим на его ценности, этику, отношение к политике, само восприятие мира»[2] В таких условиях обеспечение стабильной жизнедеятельности как общества в целом, так и отдельного человека может быть достигнуто только в ходе постоянной активности по самозащите с целью нейтрализации и ликвидации возникающих угроз.

Актуальность проблем самозащитного поведения обусловливается практической востребованностью социальной самозащиты в качестве самостоятельной негосударственной системы обеспечения безопасности в современном обществе. Особую актуальность приобретает принцип единства социальной защиты и самозащиты, помощи и самопомощи. Любая форма социальной защиты в конкретно-исторических условиях не может соответствовать потребностям социума, если она не опирается на активность и самоактивность тех, кто нуждается в защите. В то же время реализация самозащитных механизмов населения в регионах России идет крайне медленно в силу господствующей патерналистской социальной и политической культуры, ориентирующей человека прежде всего на помощь государства. Каждый вид социальной защиты должен опираться, на наш взгляд, и на развитие самозащитных механизмов. Для российской ментальности такого рода подход труден, так как он основан на других традициях, однако в перспективе вполне может быть освоен разными группами населения.

Термин «самозащита» встречается в научной, публицистической литературе по проблемам равноправия полов с середины XIX в. в статьях Д.С.Милля, М.Л.Михайлова, М.В.Кечержи-Шаповалова, В.М.Хвостова, А.Н.Шабановой.

Называются такие компоненты концепции самозащиты, как самопомощь в сфере профессиональной деятельности, взаимоподдержка в процессе получения образования, отказ от опеки со стороны государства и семьи, предоставление женщинам избирательного права, доступ к законодательной деятельности[3] Разработка концепции самозащиты проводилась лидерами женского движения как комплексная система мер в социальной, экономической, физиологической и духовной сферах. В 1916 г. была организована дискуссия журналом «Женский вестник» о том, нужна ли женщинам самозащита и каким образом она должна осуществляться. Как считает О.А.Хасбулатова, «есть все основания считать самозащиту одной из ведущих традиций российского женского движения», которая выражалась через творческое осмысление прогрессивных идей о независимости личности в демократическом обществе, комплексное применение принципов взаимопомощи, опору на собственные силы в практической деятельности женских организаций всех типов и через формирование и пропаганду в печати основных направлений самозащиты женщин на примере собственного опыта[4]

Под самозащитой личности или группы понимается инициативная модель поведения в экономической, политической, общественной и семейной сферах, целью которого является защита своих прав и интересов, а также повышение активности граждан и их объединений с целью улучшения условий жизнедеятельности.

Система социальной самозащиты личности включает формирование у личности осознанной цели; самодисциплину, выработку потребностей и стимулов к труду; повышение профессионализма и конкурентоспособности; правовую и экономическую грамотность; реализацию своего внутреннего потенциала, проявление инициативы, творчества.

Самозащита личности или группы осуществляется с помощью комплекса механизмов с учетом особенностей постоянно меняющихся условий жизнедеятельности. Основным механизмом преодоления социально-психологических препятствий в социальной самозащите должно стать повышение социальной адаптивности всех слоев общества, в первую очередь активизация самозащиты личности и груп-

п. В основе самозащиты личности лежит самопомощь, под которой мы понимаем активное участие индивидов в решении собственных проблем, преодолении сложных жизненных ситуаций; совокупность социально-экономических, социально-психологических, социально-педагогических средств, используемых отдельными гражданами или группой для поддержания достойных условий своего существования, преодоления трудной жизненной ситуации, оптимизации собственной социальной активности.

В последнее десятилетие жизненные силы населения России существенно ослаблены кризисом ценностей, целей жизни, смысложизненных ориентаций, сформированных в годы строительства социализма и коммунизма. У старшего и среднего поколений развиты чувства напрасно прожитой жизни, бессмысленности сегодняшнего бытия, отстраненности от социума, утраты веры в справедливость. Все это требует переориентации системы социальной защиты. По данным социологического исследования «Мониторинг системы социальной защиты населения Республики Мордовия», в настоящее время примерно 20 % населения адаптировались к новой жизненной ситуации, приблизительно 25 % не приспособились к ней и не смогут этого сделать в силу различных индивидуальных особенностей (возраст, состояние здоровья, семейное положение, менталитет). Более половины населения (55 %) находится в ожидании, при этом часть из них старается приобщиться к новым условиям, но не всегда эффективно.

Создается ситуация, когда любое социальное благо, защищающее человека от трудностей, ослабляет его желание самостоятельно решать свои проблемы; чем выше уровень попечительства со стороны государства, тем больше у людей стимулов быть бедными и тем меньше у них стремления выйти из этого положения. Таким образом, важной задачей системы социальной защиты является перевод личности из позиции объекта социального воздействия (социальная и личностная пассивность, отказ от самостоятельного принятия решений и зависимость, стереотипичность мышления и поведения и пр.) в позицию субъекта социального действия, что дает определенную свободу действий, способствует саморазвитию, активиза-

Заказ № 2152

ции навыков самозащиты, самосовершенствования. Подлинную активность, возможность к саморазвитию, самоактуализации индивид может проявить только в качестве субъекта социального действия.

По данным уже упоминавшегося исследования «Мониторинг системы социальной защиты населения Республики Мордовия» (2000 г.), а также «Гармонизация социальных отношений в Мордовии» (2002 г.), значительную часть населения составляют «сомневающиеся» — соответственно 55 и 30 % опрошенных, которые ставят под сомнение все, в том числе мероприятия по обеспечению социальной защиты. В данной группе отсутствуют инициативная поддержка проводимых изменений и личное участие в тех или иных формах поддержки. Большая группа людей придерживается позитивных, но неустойчивых позиций. При общей готовности идти на определенные лишения у них наблюдается низкая активная социальная самозащита — это ярко выраженный пассивно-выжидательный подход. По данным социологических опросов 2000 и 2002 гг., 22 и 14,6 % респондентов отметили, что в условиях недостаточной социальной защищенности они будут ждать, ничего не предпринимая. В этой группе наиболее зримо обозначены социальная апатия, равнодушие и нежелание любых действий в рамках самозащиты. Такая позиция — следствие долгих лет жизни в условиях уравниловки, безынициативности. Люди утратили навыки самозащиты и приобрели способность имитации действия. По данным исследований, более 70 % респондентов не думают об активной социально-экономической самозащите.

В практике социальной работы западных стран отмечено появление таких новых видов неформальной помощи, как движение групп самопомощи и групп взаимной помощи, которые дополняют традиционные формы естественных источников помощи. Среди направлений развития самозащитных функций населения может быть организация системы взаимопомощи людей в сфере оказания бытовых услуг. Суть ее заключается в том, что люди, имеющие желание или нуждающиеся в пополнении семейного бюджета и в то же время имеющие ограниченные возможности активной трудовой деятельности, могут заняться ока-

занием услуг, не требующих специального помещения и оборудования. Система может быть построена по территориальному принципу, что способствует установлению постоянных контактов между заказчиками и исполнителями. В целом подобная система представляет собой союз на договорной основе людей, осуществляющих взаимоподдержку и взаимопомощь. Помощь населения в данном случае реализуется главным образом за счет добровольного согласия индивидов оказывать какие-либо виды услуг нуждающимся в них.

По данным социологического исследования, 71,5 % опрошенных хотели бы иметь дополнительные доходы от следующих видов работ: благоустройство квартир, домов, дворов, улиц — 28,4 %; оказание помощи больным, нуждающимся в уходе и престарелым людям по месту их проживания — 12,5; уход за детьми в молодежных семьях — 8,4; надомная работа для предприятий — 50,7 %. В основном это слабозащищенные категории населения, например, студенты (94,7 %), инвалиды (87,5 %), безработные (80,0 %), домохозяйки (75,0 %), пенсионеры (71,0 %). Система взаимомопомощи могла бы помочь им в активизации самозащитных функций. Активизировать способность индивида к самозащите — значит дать ему возможность расширить свою компетенцию и более полно реализовать способности, поверить в свои силы, научиться самоконтролю и позитивной самооценке, умению управлять собой и своими общественными ролями.

Неэффективные стратегии являются следствием и причиной плохого экономического положения людей. П.Штомпка утверждает, что следы «блоковой культуры» в наибольшей степени характерны для «проигравших» в ходе реформ, в то время как успешно адаптирующиеся принимают капиталистическую культуру и обращаются к идеям индивидуальной свободы, прагматизма, эффективности. Для последних характерны инновационные экономические стратегии, способствующие накоплению их экономического, человеческого и социального капитала как трамплина для успешной карьеры и подъема уровня жизни. Пассивные же стратегии в большей степени характерны для «проигравших» социальных групп[5]

В ходе исследований была выявлена связь стратегии выживания с уровнем материального благосостояния. Активные стратегии адаптации к новым экономическим условиям используют люди с хорошим материальным достатком: более половины из них реализуют любую возможность подработать, работают в нескольких местах, занимаются мелкой торговлей. Люди с более низким материальным достатком ориентируются на пассивные стратегии выживания: занимают деньги, получают помощь от родственников, проедают накопленные сбережения, работают на даче. В условиях гиперинфляции 1990-х гг., широко распространенных задержек заработной платы и пенсий, вынужденных отпусков большинство домохозяйств использовало неденежные стратегии выживания.

Следует отметить, что стратегии самозащитного поведения, к которым прибегали бедные для улучшения своего материального положения, оказались более разнообразными, чем стратегии всех остальных. Однако они содержали больше пассивных или деструктивных действий и меньше активных и конструктивных. Кроме того, важную роль в определении статусной позиции индивида и выборе тех или иных стратегий выживания имели его ресурсы.

С 2005 г. применяется новый подход государства к лицам, пользующимся льготами. Принят Федеральный закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов „О внесении изменений и дополнений в ФЗ „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“ и „Общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“», исходя из которого с 2005 г. все льготы заменены на денежные выплаты, размер которых зависит от категории льготника, и «социальный пакет», включающий бесплатные медикаменты, санаторные путевки, проезд на транспорте.

Реализация этого закона столкнулась с рядом трудностей, т.к. ответственность по социальной защите ряда

льготников была переложена на плечи региональных бюджетов, и население было недостаточно информировано о содержании реформ. В этих условиях возрастает значение социальной самозащиты, т.к. процесс монетизации льгот обозначил ограниченные возможности государства и обусловил общественную потребность в активизации собственных усилий населения для решения социальных проблем. Во многих регионах страны были проведены акции сторонников и противников социальных реформ.

В настоящее время в России завершается первая стадия адаптации населения к новым социально-экономическим условиям. В ходе этого процесса сложились новые общности, сформировавшие модели своего социально-экономического поведения. Можно выделить группу социально активного населения, способного активизировать свои внутренние ресурсы и возможности, группу «аутсайдеров», смирившихся со своим социальным положением, обусловленным объективными и субъективными причинами (социальная пассивность, заниженные притязания и т.д.). Большинство же, как показывают исследования, не смогло еще выработать более или менее успешных моделей социально-экономического поведения и находится в стадии приспособления. Стратегии самозащитного поведения складываются под влиянием внешних экономических факторов, субъективной оценки людьми своего состояния. Следование им обеспечивает ту степень успешности существования в данных социальных условиях, которая признается самими людьми в качестве нормы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Бойков В.* Россия: десять лет реформирования // Социол. исслед. 2001. № 7. С. 32.

[2] *Бауман З.* Индивидуализированное общество / Под ред. В.Л.Иноземцева. М., 2002. С. 4.

[3] См.: *Хасбулатова О.А.* Опыт и традиции женского движения в России (1860—1917). Иваново, 1994.

[4] Там же. С. 112—114.

[5] См.: *Штомпка П.* Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социол. исслед. 2001. № 2. С. 3—12.

Поступила 17.02.2005.

Н.В.СЕРЕДА

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

Реформы, проведенные Екатериной II, затронули разные стороны жизни Российской империи, многие из них были направлены на преобразование российских регионов. С этой проблемой было связано в той или иной мере множество ее начинаний, воплотившихся в разработанных в 60-е гг. XVIII в. «Правилах управления», Наставлении губернаторам (1764 г.), Наказе Уложенной комиссии (1767 г.), Учреждении о губерниях (1775 г.), Уставе благочиния (1782 г.), Жалованных грамотах городам и дворянству (1785 г.). К этим, достаточно известным плодам ее творчества следует добавить Наставление уездным казначеям, указ о создании при казенных палатах особых экспедиций для свидетельствования счетов, уставы о вине, соли и другие законы, изданные в начале 80-х гг. XVIII в.

Выросшая в одном из небольших германских государств и сформировавшаяся как личность в бесконечно громадной России, эта умная женщина не могла не видеть достоинств и недостатков столь противоположных проявлений национально-государственного устройства. Придя к власти, она уже через 2 года занялась проблемами регионального управления, наделив губернаторов большими полномочиями и подчинив им все местные учреждения[1]. Этим Екатерина не только пыталась увеличить оперативность управления, но и заложила краеугольный камень всех последующих преобразований в данной сфере государственной деятельности. Следует согласиться с мнением А.Б.Каменского, что перенесение центра тяжести в управлении на территории готовило почву для проведения в последую-

СЕРЕДА Надежда Владимировна, заведующая кафедрой истории Тверского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент.

щем коллежской реформы[2] Однако в литературе явно недооценивается значение этого и целого ряда других законодательных актов для становления и развития российской провинции и региональных сообществ. Еще до начала административной реформы и уменьшения территории губерний Екатерина II расширила круг властных полномочий губернаторов. «В прежние годы, — отмечает Д.И.Иловайский в работе, посвященной деятельности Я.И.Сиверса, — комендanты гарнизонов, магистраты, пограничные смотрители, чиновники, заведовавшие ямщиками, подушным сбором, соляною регалией, во многом действовали независимо от губернаторов и губернских канцелярий[3], Наставление губернаторам делало губернаторов „хозяевами“»[4]. Теперь им должны были подчиняться все местные учреждения и работающие в них чиновники. Это, наряду с другими нововведениями, вело к ликвидации разобщенности местного населения, которое ранее сложилось в силу подчиненности различным центральным органам управления, закладывало основы формирования региональных сообществ.

Следующим крупным шагом на этом пути было издание Учреждений о губерниях[5]. Сама императрица оценивала этот законодательный акт как «непременный» и «фундаментальный». Исследователи, признавая его значение в развитии российской государственности, расходятся во мнениях относительно целей и последствий санкционированных им преобразований. В дооктябрьский период отечественные ученые относились к Екатерине II и ее деятельности вполне благосклонно, отмечая направленность ее преобразований на раскрепощение сословий, притом не только дворянского, но и городского; децентрализацию управления и улучшение жизни населения; приближение к народным массам судебных и контрольных инстанций, ликвидацию безначалия на местах[6] Рассматривая издание Учреждений как этап в децентрализации управления, исследователи связывали реформу местного управления с ликвидацией коллегий, трансформацией полномочий Сената, изданием Жалованных грамот городам и дворянству и созданием органов самоуправления, т.е. пытались представить реформу управления как целостную, где ликвидация цен-

тральных органов управления неизбежно должна была сказаться на полномочиях высших и местных органов власти. Рассуждая о результатах реформ, исследователи часто указывали, что они не вполне удались. И.Блинов, исследовавший эволюцию компетенции губернаторов, противопоставлял замыслы императрицы и их исполнение, считал, что и после введения Учреждения о губерниях «правительство продолжало работать за общество, от которого было много выборных, но совсем не было правящих. С одной стороны стоял могущественный коронный чиновник, с другой стороны — слабые общественные группы, не им было отстаивать свою независимость, на долю населения провинции по-прежнему оставался главным образом удел безмолвного и безропотного подчинения»[7]

В советской историографии Учреждение о губерниях оценивалось прежде всего с позиции значения его для дворянства и предотвращения возможности повторения пугачевщины. Новые многочисленные губернские и уездные учреждения должны были, согласно наиболее распространенному мнению, предупреждать повторение подобных народных выступлений[8] Лишь в последнее десятилетие оценки отечественных исследователей в отношении Екатерины II и ее реформ несколько смягчились.

Современная историография, в том числе отечественная, отдает дань идее децентрализации. В частности, О.А.Омельченко и А.Б.Каменский отмечают взаимосвязь сокращения числа коллегий с «перенесением повседневного администрирования во всем объеме на местный, губернский уровень», а также с идеями Просвещения о том, что благосостояние целого, т.е. всего государства, зависит от правильного управления его частями[9] Однако они не видят серьезного смысла в передаче некоторой доли управленческих полномочий на места. О.А.Омельченко считает, что администрация, созданная в ходе реформы местного управления, не способствовала проведению в жизнь идей просвещенного абсолютизма, потому что гарантией осуществления правительственного курса является «высокий уровень административно-правовой культуры», а ее в российском обществе не было[10].

А.Б.Каменский, в целом высоко оценивавший реформы Екатерины II, разделяет точку зрения Омельченко в том,

что «смысл и задача централизма оставались неизменными»[11], но приводит в подтверждение свои обоснования. Он считает, что Екатерина создавала Учреждение о губерниях в рамках теории полицейского государства, согласно которой власть на местах должна быть «единообразной, унифицированной и направленной на то, чтобы каждая клеточка обширной территории и каждый ее обитатель находились под неусыпным контролем правительственного чиновника»[12]. В связи с таким подходом к оценке преобразований находится и другое заключение Каменского о том, что «степень самостоятельности местных органов оставалась крайне ограниченной, вся их деятельность была строго регламентирована, все принципиальные решения политического характера по-прежнему принимались в центре, и именно там назначался и отчитывался глава губернии, подчиненный непосредственно самодержцу. Ни один из вновь создаваемых органов исполнительной власти или самоуправления не имел права устанавливать на своей территории какие-либо свои законы или правила, вводить собственные налоги и пр.»[13] Как видим, Омельченко делает акцент на неспособности российской провинции и ее элиты участвовать в реализации замыслов императрицы, а Каменский на том, что децентрализации не было и быть не могло в силу приверженности Екатерины идеям полицейского государства. Так или иначе, но в историографии не рассматривался вопрос о становлении регионов и региональной элиты в ходе реформ Екатерины II[14].

Следует отметить, что историки анализируют прежде всего планы императрицы и их закрепление в нормах законодательства. Процесс реализации предписанных законами положений в практике управления исследовался крайне недостаточно и, как правило, на основе законодательства[15] Восполнить этот пробел в какой-то мере позволит анализ делопроизводственной документации учреждений Тверской губернии, которая возникла одной из первых, и вместе с Новгородской и Псковской стала полигоном проверки программных заявлений Екатерины II.

В существующих оценках проведенных Екатериной преобразований недоучитывается тот факт, что ликвидация ведомственного управления была важнейшим, а, возможно, единственно верным шагом на пути окончательного

преодоления расчлененности населения регионов России, особенно городского в силу того, что оно было долгое время подведомственно различным центральным учреждениям. В управлении каждым уездом, городом участвовало по несколько ведомств, поскольку различные категории населения подчинялись разным учреждениям: купечество и мещанство — Главному магистрату, а проживавшие в городах оружейники — Оружейной канцелярии, ямщики — Ямской канцелярии, духовенство — духовным правлениям и консисториям, помещики — Поместно-Вотчинной коллегии и т.д. Такая система не только не способствовала формированию единых территориальных сообществ, но и вела к обособлению отдельных групп населения, поскольку члены каждой из них имели особые права, льготы и обязанности[16]

Такая ситуация в условиях Нового времени крайне затрудняла управление страной, делала его малоэффективным, мешала формированию региональных интересов и местных сообществ, в том числе городских. Направленность политики на консолидацию населения и возрождение территориальных сообществ отчетливо была выражена и в деятельности Петра I, но наибольшие успехи в этом направлении связаны с деятельностью Екатерины Великой и ее реформой управления[17] Об этом позволяют говорить результаты проведенного нами исследования делопроизводственной документации городских учреждений Тверской губернии, прежде всего сохранившихся документальных комплексов городских магистратов. Именно эти учреждения, возникшие в ходе петровских преобразований и сохранившиеся при проведении реформы управления Екатерины II, позволяют увидеть механизм осуществления реформы и его направленность на создание региональных сообществ.

Прежде всего следует отметить, что изменения в организации делопроизводства и документопотоках определенно свидетельствуют о процессах децентрализации в управлении. Численность поступавших в магистраты указов и круг их авторов постепенно менялись, что является показателем не только эволюции компетенции структур по управлению городом, но и существенных изменений в

системе управления в целом. В первые годы екатерининской губернской реформы авторами указов, поступивших в магистраты верхневолжских городов, помимо Тверского наместнического правления, были различные центральные учреждения: коллегии, банки, Главная соляная контора, а также наместнические правления различных губерний, местные губернские учреждения. Магистраты оказывались вписанными одновременно в две системы управления: горизонтально и вертикально ориентированную, но уже в 1782 и 1786 гг. факты поступлений указов центральных учреждений не отмечены ни в регистрационных книгах поступающих документов, ни в журналах заседаний магистратов. Это можно рассматривать как показатель успехов реформы. Функции ликвидированных центральных учреждений распределялись между Сенатом, наместниками, правителями наместничеств и губернскими структурами по мере становления последних[18]

Полученные данные не позволяют согласиться с положением о том, что «смысл и задачи централизма оставались неизменными»[19]. Число местных учреждений и чиновников существенно увеличилось[20], что способствовало усилению контроля правительства, однако нельзя недоучитывать разницы между контролем над низшим звеном местных управленческих структур, который был до реформы, и тем, который сложился благодаря ей. Если раньше контроль за местными учреждениями и категориями населения осуществлялся из различных учреждений Москвы и Петербурга, то теперь — из губернского центра, причем губернии гораздо меньшей по масштабу, чем ранее. В этом плане совершенно правы исследователи, утверждавшие, что власть была приближена к населению и что это отвечало его интересам[21] Исполнительная власть и контроль оказались сосредоточенными в руках губернского правления, а это другой характер централизации. Здесь мы опять вынуждены вернуться к теории полицейского государства и мнению А.Б.Каменского о том, что императрица действовала в ее рамках, а согласно этой теории нужен был жесткий контроль над местными структурами. От себя добавим, что в рамках столь большого государства, как Россия, он тем более был нужен. Однако

именно в масштабах огромного государства нельзя было осуществлять плодотворный контроль из центра, что и поняла Екатерина, пытаясь это исправить. Таким образом, она выступает как гениальный тактик, понимающий, что искусство политики в компромиссе, в том числе между идеей полицейского государства и реальностью жизни России.

Второй этап в осуществлении реформы управления был связан с налаживанием функционирования губернских структур управления. Это особенно заметно на примере анализа переписки городских магистратов с губернским. Сокращение численности указов губернского магистрата в 1782 г. (по сравнению с 1778 г.) является следствием сокращения его компетенции. Это было, в свою очередь, результатом внедрения в жизнь провозглашенного принципа разделения властей на местном уровне, что требовало передачи решения ряда вопросов из ведения губернского магистрата в другие местные структуры. Именно в связи с реализацией принципа разделения властей соляная продажа, например, как один из важнейших источников дохода переходила в ведение Казенной Палаты. В 1786 г. численность указов, поступивших в городовые магистраты из губернского, снова возрастала, причем среди них явно преобладали те, что связаны с выполнением магистратами закрепленных новым законодательством функций — судебных. Это следует расценивать как яркий показатель успехов второго этапа реформы, на котором закладывалась основа регионального управления, сочетающегося с элементами отраслевого, в конечном итоге сфокусированного на губернском правлении.

Наше исследование выявило поэтапность передачи функций. Сначала от коллегий — наместнику и правителю наместничества, затем наместническим (губернским) правлениям и далее другим губернским структурам: казенным палатам, приказам общественного призрения, губернским судебным инстанциям. Постепенность нужна была для сохранения стабильности и для того, чтобы служащие новых учреждений имели время и возможности осваивать азбуку управления и нормы права. Необходимость добиваться от уездных и городских структур выполнения возложенных на

них функций, отвечать на задаваемые ими вопросы не только способствовала освоению губернскими чиновниками основ законодательства, но и вносила в их деятельность некоторый элемент творчества, т.к. возникала потребность адаптировать действующее законодательство к реалиям жизни каждого города, уезда. Повышение уровня квалификации следующего звена управленческого персонала, в свою очередь, обеспечивалось в значительной мере рассылкой из губернского правления указов, повторяющих и интерпретирующих ранее изданные указы верховной власти. Необходимость такого способа повышения квалификации была, с одной стороны, обусловлена отсутствием систематизированных сборников действующего законодательства, с другой — в условиях частой смены выборных членов местных учреждений (а таких было большинство) и их недостаточно высокой правовой грамотности требовалось регулярно напоминать о нормах действующего права, от Тверского наместнического правления напоминания поступали в города в форме указов.

Екатерина II не планировала предоставить структурам местного управления право издавать законы и вводить налоги, более того, она не могла и не должна была допустить этого. Прежде чем давать столь большие права органам местной власти и управления, нужно было создать местные гражданские общества, региональную элиту, изменить правовое сознание населения, воспитать в нем уважение к личности, чужой собственности. Сама реформа управления, вводимая Учреждениями о губерниях, должна была стать лишь первым шагом на пути решения этих задач.

Создание большого числа местных учреждений при наличии у дворян права выбора, где жить и чему отдать свои жизненные силы и энергию, способствовало притоку в губернские центры, малые российские города и их округа значительного числа представителей этого класса. Они составили основу будущей правящей элиты регионов, к которой примыкало мелкое чиновничество, а также выборные должностные лица из купечества и мещанства, духовенства. В силу обстоятельств все они должны были вступать в контакты для решения местных проблем. Фор-

мирование группы правящей элиты в регионах России, несомненно, способствовало развитию каждого из них. И в каждом из регионов России эта группа имела всесословный характер.

Еще одно важнейшее направление реформы местного управления Екатерины II — формирование предпосылок для создания других сообществ межсословного характера. К числу таковых относятся прежде всего купеческие гильдии, в которые могли входить не только торговцы города, но и выходцы из других городов, крестьяне и даже дворяне[22]

Особого внимания заслуживают городские общества, ставшие своеобразной школой зарождающейся местной элиты. Предоставив горожанам возможность составлять городские общества, Екатерина не предписала жестко, каким должен быть их состав. В соответствии с рядом статей Жалованной грамоты и других ее указов, города, хотя и медленно, но начали расширять состав членов городских обществ[23]. Первым шагом на пути к этому было выделение в составе городского населения категории «настоящих городовых обывателей», в которую включались все владельцы недвижимого имущества в черте города, включая крестьян, дворян, военнослужащих и гражданских чиновников, приезжих из других городов, иностранцев. Эта группа населения имела в городской думе своего представителя, а иногда и нескольких.

Складыванию и упрочению положения этой межсословной категории горожан способствовала перестройка городов, в ходе которой постепенно ликвидировалось прежде существовавшее расселение по профессионально-тяглому принципу (сотни, слободы). Новое городское деление на части и кварталы, осуществление выборов в городские думы от частей города постепенно приводили к стиранию граней между представителями разных сословий. Процесс этот шел медленно. В Нижнем Новгороде в 1786 г. дворяне и разночинцы, которым принадлежало примерно 25 % всех дворов города, отстранились от участия в выборах на городские должности. Однако в 1795 г. они принимали участие в выборах, и лишь один из 5 выбранных отказался от исполнения должности гласного думы, считая это неприличным для себя[24]. В городах Тверской губернии зарож-

дение даже самого принципа представительства от городских частей относится к XIX в., при этом выбранными в думу в этот период оказывались все-таки купцы и мещане. Однако в тверских городах еще при жизни Екатерины II в компетенцию городничих перешло заведование земельным фондом. Территориальное единство городских земель было необходимым условием на пути становления городских всесословных сообществ[25]. Создавая это территориальное единство необходимо было передать земельный фонд из ведения общества купцов и мещан должностному лицу, представлявшему интересы всех горожан.

Формированию всесословных городских обществ в значительной мере способствовало изменение принципов налогообложения в пользу города. Разрешение оставлять на городские нужды 0,25 % от суммы объявленных купеческих капиталов создавало заинтересованность города в притоке капиталов, в том числе крестьянских и жителей других городов, облегчало причисление тех и других в городское купечество. Постепенно вводилось поземельное налогообложение по размерам участков, на которых полагались постройки горожан, а позднее — с учетом стоимости недвижимости. Сборы должны были собираться со всех жителей города, включая дворян. В разных местностях этот процесс шел по-разному. В Великих Луках, испытавших существенное влияние Западной Европы, поземельный налог известен с 1793 г.[26], в городах Тверской губернии — с начала XIX в. Сбор со стоимости имущества в г. Твери известен с начала 20-х гг. XIX в., а в Великих Луках оценка имущества была завершена лишь в 1831 г. Ввести налог с имущества удавалось далеко не везде[27], там, где это происходило, развитие новых городских обществ, всесословных по своему характеру, осуществлялось гораздо быстрее.

Собираемые с горожан средства шли на ремонт дорог, мостов, содержание полиции, всего того, что необходимо было для благоустройства жизни горожан всех сословий. Однако еще до введения налога с имущества в большинстве городов удавалось привлечь жителей, включая дворян, ямщиков к содержанию полиции, выполнению постойной повинности, благоустройству дорог. В контексте наше-

го рассмотрения важно подчеркнуть, что перемены в налогообложении и успехи формирования всесословных городских обществ, относящиеся в основном к XIX в., были в значительной мере предопределены преобразованиями Екатерины II, в частности тем, что распорядителем земельного фонда в ходе реформы управления становились городничие, являвшиеся представителями коронной власти. Передача им этой сферы деятельности должна была вести к преодолению «дискретного характера» городов, формированию территориального единства городских земель, которое в свою очередь, «являлось географической основой социального процесса — образования городского общества как совокупности лиц различных сословий, имеющих оседлость и недвижимость в пределах города»[28]. Это являлось логичным развитием концепции устройства городов, заимствованной из германского права (что вполне естественно для Екатерины), когда сообщество жителей города составляют все владельцы земли. Это важнейший шаг на пути создания городских всесословных обществ и сплочения горожан в интересах благоустройства и охраны правопорядка.

Представители создававшихся межсословных групп городского населения должны были входить в общую городскую думу и думу шестигласную, меньшую по составу. В деятельности этих структур воплощались коммуникативная и организаторская, стратегическая и интегративная функции формирующийся элиты городов. Одновременно участие в работе выборных органов являлось школой правовой и политической культуры для некоторой части горожан. К сожалению, в документах городских учреждений Тверской губернии первой половины XIX в. не находится свидетельств совместной деятельности представителей разных сословий, однако мы видим эту деятельность при изучении документов «комитетов для уравнения городских повинностей», куда наряду с купечеством входили и дворяне, владевшие в городе недвижимостью, а также разного рода комиссий, активно создававшихся и действовавших в период царствования Александра I. Как известно, вступив на трон, Александр сделал заявление, что будет править «по законам и по сердцу бабки своей — Екатерины Великой». Эта ссылка позволяет проецировать неко-

торые начинания Александра на царствование Екатерины и лучше понимать деятельность каждого из этих двух правителей, объединенных не только кровным родством, но родством по духу. Деятельность учрежденных Александром комиссий по раскладке земских повинностей, квартирных комиссий, где решался вопрос об отбывании населением постойной повинности, которую должны были выполнять (обычно в денежной форме) даже дворяне[29], организационные меры по созданию хлебных запасов на случай неурожая — все это сплачивало представителей разных сословий и в конечном итоге способствовало развитию региона. Это развивало идеи Екатерины, адаптируя их к условиям нового XIX в., реально существовавшим взаимоотношениям представителей разных сословий.

Таким образом, реформы Екатерины II, направленные на децентрализацию управления, одновременно решали задачу консолидации населения как в рамках каждого отдельного города, так и в границах губернии, закладывали основы формирования сообществ по различным признакам, в том числе и всесословных, а также региональной элиты, без которой невозможно эффективное функционирование региона в качестве субъекта. Именно в этом, на наш взгляд, состояли цель и сверхзадача реформ, проводимых Екатериной Великой.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ПСЗ-1. Т. XVI. № 12137.

[2] См.: *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 2001. С. 389.

[3] *Иловайский Д.И.* Граф Яков Сиверс: Биографический очерк // Русский Вестник. 1865. Т. 55. № 1. С. 31.

[4] ПСЗ. Т. XVI. № 12137.

[5] ПСЗ-1. Т. XX. № 14392.

[6] См.: *Грибовский В.М.* Высший суд и надзор в России в первую половину царствования императрицы Екатерины Второй: историко-юридическое исследование. Период 28 июня 1762 — 7 ноября 1775 г. СПб., 1901. С. 340, 342; *Лаппо-Данилевский А.* Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898. С. 60—61; *Любавский М.К.* История царствования Екатерины II. СПб/, 2001. С. 99; *Григорьев В.А.* Реформа местного управления Екатерины II («Учреждение о губерниях» 7 ноября 1775 г.) СПб., 1910. С. 352; *Кизеветтер А.А.* Местное самоуправление в России IX—XIX столетий. Исторический очерк. М., 1910. С. 120—121.

[7] *Блинов И.* Губернаторы: Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 151—152.

[8] См., например: *Белявский М.Т.* Требования дворян и перестройка органов управления и суда на местах в 1775 году // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1960. № 4. С. 125—143; *Павлова-Сильванская М.П.* «Учреждение о губерниях» 1775 г. и его классовая сущность: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964; *Слицан Б.Г.* Реформа органов центрального и местного управления и внутренняя политика 70—80-х годов // Очерки истории СССР. XVIII век. Вторая половина. М., 1956. С. 284—306.

[9] См.: *Омельченко О.А.* «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 276; *Каменский А.Б.* Указ. соч. С. 388.

[10] См.: *Омельченко О.А.* Указ. соч. С. 277.

[11] Там же. С. 264.

[12] *Каменский А.Б.* Указ. соч. С. 423.

[13] Там же. С. 429—430.

[14] Там же. С. 437.

[15] См.: *Григорьев В.А.* Указ. соч.; *Каменский А.Б.* Указ. соч. С. 371—465.

[16] См.: *Чечулин Н.* Несколько слов о «старых служб служилых людях» в XVIII в. // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917. С. 32—39; Позднее результаты его изысканий были переизданы: Московская мещанская слобода в XVII в. // Богоявленский С.К. Научное наследие. О Москве XVII века. М., 1980. С. 9—170, 322—329.

[17] См.: *Середа Н.В.* Городское сообщество: Основные вехи развития // Управление городами: история и современность: Материалы науч. конф. Тверь, 2001. С. 109—119.

[18] См.: *Середа Н.В.* Реформа управления Екатерины Второй: Источниковедческое исследование. М., 2004. С. 173—189.

[19] *Омельченко О.А.* Указ. соч. С. 264.

[20] См.: *Мадарига И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 481.

[21] См.: *Грибовский В.М.* Указ. соч. С. 342; *Любавский М.К.* Указ. соч. С. 99; *Григорьев В.А.* Указ. соч. С. 352.

[22] См.: *Савельев А.* Столетие городского самоуправления в Нижнем Новгороде. 1785—1885. Н. Новгород, 1885.

[23] См.: *Середа Н.В.* Реформа управления Екатерины II. С. 379—414.

[24] См.: *Савельев А.* Указ. соч. С. 6, 10, 11.

[25] См.: *Чечулин Н.* Несколько слов о «старых служеб служилых людях» в XVIII в. С. 39; *Резун Д.Я.* Современная урбанистика и сибирское городоведение XVIII — первая половина XIX в. // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI — первой половины XIX века. Новосибирск, 1987. С. 225—226.

[26] См.: *Пульхеров А.* Великолуцкое городское общественное управление. 1785—1891 гг. Историческое обозрение. Псков, 1892. С. 12.

[27] Тверской государственный объединенный музей. Ф. 1. Оп. 1. Д. 62.

[28] *Резун Д.Я.* Современная урбанистика и сибирское городоведение XVIII — первая половина XIX в. С. 225—226, 232.

[29] См.: *Чижова В.В.* Тверские города и земские повинности. К вопросу о фискальной политике имперской России // Экономика, управление, демография городов европейской России XV—XVIII веков. История, историография, источники и методы исторического исследования: Материалы науч. конф. Тверь, 1999. С. 253—258.

Поступила 02.11.2004.

Р.А.ЦИУНЧУК

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА В ГЕОГРАФИИ ВЛАСТИ И ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Рассмотрение российского типа взаимодействия власти и общества в современном политическом и этноконфессиональном пространстве невозможно вне анализа опыта и традиций общественного развития начала XX в. Российская империя конца XIX — начала XX в. представляла собой уникальную многокомпонетную и многофакторную динамичную систему «центр — регионы»[1] Ее отличали этноконфессиональная и региональная асимметрия (губернии, области, округа, генерал-губернаторства, наместничества и автономное Великое княжество Финлянское). Реформы 1905—1906 гг. (введение прав и свобод, созыв думы, переустройство Госсовета и создание объединенного Совета министров) при всех своих недостатках создавали новое политико-правовое поле для становления гражданского общества и правового государства. Дума на протяжении одиннадцати лет (1906—1917 гг.) являлась важным фактором политической жизни и центром притяжения общественных сил (в том числе активно развивающихся этно-региональных). Важно отметить, что уже первые шаги российского парламентаризма оформляли новую политическую географию власти, дав возможность представителям регионов и народов империи впервые войти в выборное имперское представительство, легально заявить в ходе предвыборной борьбы и с думской трибуны о национальных и региональных интересах, оформиться национальным и региональным политическим организациям и политическим элитам, способствовали росту политической культуры общества и развитию регионального и националь-

ЦИУНЧУК Рустем Аркадьевич, доцент кафедры политической истории Казанского государственного университета, кандидат исторических наук.

ного самосознания, благоприятствовали распространению идей национального самоопределения и регионального самоуправления.

Таким образом, с появлением Государственной думы процессы политической жизни в Российской империи приобрели четко оформленное этнорегиональное измерение. Эти новые явления и процессы складывались и развивались под воздействием различных политических факторов.

Во-первых, имперская власть, конструируя Государственную думу и Государственный совет, моделируя избирательное законодательство, стремилась создать привилегии для избирателей губерний и городов Центральной России и ограничить представительство национальных регионов. Конструкция Думы и Госсовета (особенно после 3 июня 1907 г.) способствовала сохранению монопольной власти центра и преимущественному представительству привилегированных элит империи, а не широкого круга имевшихся социальных, этнических и региональных групп и общностей. Об этом, кстати, заботился один из главных авторов законопроектов о Думе и Госсовете С.Е.Крыжановский, когда 9 октября 1905 г. писал руководителю Особого совещания по выработке законов графу Д.М.Сольскому: «Немаловажное значение, предполагаемое преобразование, имело бы и для упрочения национального направления в деятельности обеих высших законосовещательных учреждений. В России господствующая национальность, на которой стоит государство, составляет всего лишь около 66 % общего количества населения, а чуждые народности достигают 34 %, т.е. такого процента, какого не знает ни одна Западно-Европейская держава, кроме Австрии, не имеющей вовсе господствующей нации... Интересы величайшей государственной важности настоятельно требуют поэтому, чтобы голос русского народа, на котором одном держатся и сила государственной власти и самый престол Российских государей, безусловно, господствовал в законосовещательных учреждениях»[2].

Особым совещанием решено было устранить от участия в выборах так называемых кочевых инородцев, а в члены Думы могли избирать только лиц, знающих русский язык[3] Ключевым вопросом политической географии выборов стал

вопрос об избирательных округах, их территории и плотности заселения, этноконфессиональном и социальном составе населения. Переосмысливается и переоформляется политическое пространство империи. В окраинных национальных регионах были созданы отдельные территориально-этнические («инородческое» представительство в Казахстане, Средней Азии, Астраханской и Ставропольской губерниях, Забайкалье), территориально-конфессиональные (православное население Люблинской и Седлецкой губерний Царства Польского) и территориально-сословные (казачьи) избирательные округа. На запаздывание власти в конструировании избирательной системы и стремление манипулировать с представительством окраин указывает и хронология принятия «вдогонку» в течение девяти месяцев 1905—1906 гг. 9 специальных региональных Правил о выборах в Польше, Сибири, на Дальнем Востоке, Кавказе, в Казахстане и Средней Азии, которые были обнародованы 22 апреля 1906 г. — за 5 дней до открытия I Думы. Для этих регионов решили принять более высокие нормы представительства. При намечаемой норме представительства от центральных губерний в 250 тыс. на одного депутата реальные цифры отличались более чем в 6 раз (Олонецкая губерния — 121,3 тыс. чел. на одного депутата, а Ферганская область — 786,1 тыс. чел.). Региональная асимметрия избирательной системы была еще более заметна по городским округам. Первоначально право отдельных выборов депутатов получили 19 городов империи с числом населения более 100 тыс., однако среди них как минимум 13 (Варшава, Одесса, Лодзь, Рига, Киев, Харьков, Тифлис, Ташкент, Вильна, Казань, Екатеринослав, Баку, Кишинев) отличались многонациональным составом населения. Тогда решили увеличить количество городов до 26 и «включить в этот список некоторые чисто русские города, близко подходящие по численности к помещенным в этом списке»[4] Однако выбор этих городов был весьма произвольным. Так, из тех городов, где численность населения была выше, чем в получившем отдельное представительство Орле (69,7 тыс.), не получили права избирать депутата многонациональные Минск, Николаев, Коканд, Оренбург, Ковно. Самая низкая в империи норма представительства оказа-

лась у Иркутска (51 тыс.), а самая высокая — у Одессы (403,8 тыс. жителей на 1 депутата). Завышенную почти в 2 раза норму представительства (более 200 тыс. чел. на 1 депутата) получили Рига, Киев, Москва, Петербург, в 3 раза — Варшава и Лодзь.

Закон о выборах 3 июня 1907 г. сократил число членов Думы (III и IV созывов) на 82 депутата (с 524 до 442). Он изменил не только социальный состав, но и этнорегиональную конструкцию думы. Если представительство Европейской России сократилось на 11 депутатов (в основном за счет Вятской, Пермской, Уфимской и Оренбургской губерний), то представительство Польши — на 23 мандата, Кавказа — 19, Сибири — 7, а из 23 депутатов от Казахстана и Средней Азии осталось лишь одно депутатское место для уральских казаков. Отдельное городское представительство сохранили лишь за Петербургом, Москвой, Киевом, Ригой, Одессой, Варшавой и Лодзью. На Кавказе укрупнили избирательные округа, сократив их до 6 (т.е. вдвое). Для русского населения Закавказья, Виленской, Ковенской губерний и Варшавы создали отдельные этнотерриториальные округа. Асимметрия избирательной системы в Российской империи усилилась.

Во-вторых, начало XX в., особенно революция 1905—1907 гг., связано с ростом этнического самосознания, подъемом политической активности и развитием национальных движений народов Российской империи, которые формулировали широкие политические требования (от обеспечения национального и религиозного равенства до организации национальных автономий). Возникает потребность легальной презентации этноконфессиональных и региональных интересов. Действительно, выборы в Государственную думу стали главным фактором ускорения процессов развития партийно-политической жизни России, в том числе в национальных регионах империи. Этнические, конфессиональные и региональные интересы нашли отражение в политических программах и платформах, предвыборной печати, стали мобилизационными лозунгами избирательных кампаний[5]. В ходе первых выборов активно заявили о себе Польская национально-демократическая партия, Украинская демократическо-радикальная партия, Союз му-

сульман, латышские, литовские, эстонские, армянские, грузинские, еврейские политические партии и организации, обеспечившие себе думское представительство.

В-третьих, неожиданный для власти многонациональный (и поликонфессиональный) состав первой Государственной думы впервые сделал возможным **презентацию этноконфессиональных и региональных интересов и требований** на общеимперском политическом уровне. На первых выборах в Думу прошло около 200 представителей нерусских народов. Депутат I Думы и публицист В.П.Обнинский писал: «Съехавшись, в числе пятисот почти человек, в Петербург, разместившись на скамьях Таврического дворца, по инстинктивному побуждению, группами, сообразно сродству языка, племени или веры, депутаты должны были в первый же день заметить, что вот там сидит „польское коло", рядом с ним — литовские депутаты, украинцы теснятся к южанам, тюбетейки татар виднеются рядом с характерными профилями представителей восточной окраины, чернокудрые кавказцы плотно засели на крайней левой, и, наконец, обширный центр России, с ее двумя столицами, занял и здесь всю середину залы... Это был вид имперского парламента автономно-конституционного государства; здесь, кроме общегосударственного дела и даже доминируя над ним, хотя пока и в скрытой форме, владели умами интересы местные, областные, национальные»[6]. Для общества стали наглядно ясными масштабность, многообразие и острота национального вопроса в империи. Этнорегиональные фракции и группы презентовали разнообразные национальные и областные интересы и проблемы, требовавшие неотложного решения. Уже в I Думе члены самой крупной национальной группы — Польского коло — выступили за восстановление автономии польских губерний[7] Члены мусульманской группы А.А.Ахтямов и Ш.Ш.Сыртланов потребовали отмены религиозных и гражданских притеснений для исповедующих ислам почти 20 млн жителей империи[8] За гражданское равноправие выступили члены группы автономистов П.П.Массониус (Минская губерния), Ф.С.Трасун (Витебская губерния), трудовики Т.В.Локоть (Черниговская губерния), Ф.А.Сеффер (Бессарабская губерния), И.К.Заболотный (По-

дольская губерния). Об остроте аграрного вопроса в национальных регионах говорили члены Думы Л.И.Лопас (Ковенская губерния), Л.Е.Штефанюк (Подольская губерния), С.П.Кондрашук (Гродненская губерния), Я.К.Крейцберг (Курляндская губерния), К.Я.Озолин (Лифляндская губерния), А.К.Беремжанов (Тургайская область), Ш.Ш.Сырланов (Уфимская губерния). Депутат Люблинской губернии Я.С.Стецкий, как и многие другие, связал решение аграрного вопроса с расширением местной автономии, доказывая, что в Польше он «может быть правильно решен только волею местного населения, т.е. решением местного законодательного собрания»[9]. Политический резонанс в стране и за рубежом вызвало обсуждение в думе подробностей еврейского погрома в Белостоке. Об остроте национального вопроса на Кавказе можно было судить по выступлениям Т.Э.Эльдарханова (Терская область), Х.И.Багатурова и И.А.Зиатханова (Елизветпольская губерния), И.И.Рамишвили (Кутаисская губерния). Власть восприняла презентацию этих интересов и постановку этноконфессионального вопроса в думе как угрозу системообразующим устоям империи и после разгона II Думы в парламентской политической жизни России все жестче противостояли друг другу централизм и регионализм, имперское и этническое. Это противостояние в 1907—1917 гг. проявлялось в сохранении этнорелигиозного неравенства, в резком сокращении представительства нерусских народов в третьеиюньской думской модели парламента (в IV Думе — лишь около 70 нерусских депутатов), ограничении Финляндской автономии, выделении из Царства Польского Холмской губернии, русификации и православизации образования и культуры, национальных притеснениях и этнических конфликтах (еврейские погромы, «армяно-азербайджанская резня»). На фоне усиления консервативных тенденций во власти, в связи с сокращением национального представительства и числа национально-региональных фракций в думах III—IV созывов депутаты продолжали презентовать этнорегиональные интересы и выступали за последовательную демократизацию национальных отношений и разрешение национальных, конфессиональных и региональных вопросов империи (финляндского, польского, украинского, мусульман-

ского, еврейского, сибирского, казачьего). Секретарь мусульманской фракции IV Думы адвокат И.А.Ахтямов, выступая с программой решения «мусульманского вопроса», заявил: «Выведите нас из положения граждан второго сорта... Дайте нам под сенью русского двуглавого орла возможность культурно развиваться и работать на пользу общества наравне со всеми русскими гражданами»[10]. Противостояние имперского этнорегиональному в условиях самодержавия завершалось в пользу имперского, однако приводило к катастрофическому углублению кризиса сразу в нескольких взаимосвязанных системах: власть — общество, центр — регионы, Дума — правительство, русские — инородцы, православные — иноверцы, переселенцы — коренные жители и т.д.[11]

В-четвертых, с учреждением Думы впервые появилась легально-легитимная возможность вхождения в политическую элиту империи (или контрэлиту, по отношению к правящему слою) представителям нерусских народов России, особенно выходцам из непривилегированных сословий. В Думе эти депутаты либо вошли в общероссийские политические фракции, либо организовали национально-региональные фракции и группы. Национально-региональные фракции не были однородными и организовывались по нескольким принципам, признакам и основаниям: этнотерриториальному (Польское коло, украинская громада, латышская, литовская и эстонская группы); конфессиональному (мусульманская фракция); этносословному (казачья группа); региональному (группа западных окраин — польско-литовско-белорусская, сибирская). Национальные фракции нередко выступали в думе единым фронтом, блокировались с либеральными и демократическими партиями. Противовесом этим фракциям в III—IV думах стала организованная по национально-политическому принципу правомонархическая русская национальная фракция.

Деятельность национальных фракций способствовала формированию новых национально-региональных политических элит, многие думские депутаты именно в думе приобрели первый парламентский опыт и сформировались как политические деятели. После 1917 г. они стали создателями и руководителями национальных государств и мест-

ных правительств. Так, член Государственной думы I—III созыва, лидер Польской национально-демократической партии В.Грабский занимал пост премьер-министра Польши, руководитель Польского коло во II и III Думах Р.Дмовский был членом правительства. Заметную политическую роль играли А.Ледницкий, М.Замойский, Я.Стецкий. Депутаты Думы активно участвовали в политической жизни получивших независимость Прибалтийских государств — Латвии (президент Я.Чаксте, премьер-министр П.Юрашевский, министр Я.Гольдманис), Литвы (министры П.Леонас, А.Булота), Эстонии (премьер-министр Я.Теннисон, Т.Юрине). После 1917 г. члены украинской громады в Думе В.М.Шемет, И.Л.Шраг, Я.К.Имшенецкий, П.И.Чижевский, А.Г.Вязлов, Ф.И.Штейнгель занимали заметные места в украинском национальном движении и украинских властных органах. В местных правительствах участвовали казачьи депутаты К.Л.Бардиж, М.А.Караулов, В.А.Харламов, И.Н.Ефремов, Н.А.Бородин, С.А.Таскин и Т.И.Седельников. Организаторами национальных правительств в Закавказье также выступили бывшие депутаты Думы: в Армении (М.И.Пападжанов), Грузии (руководитель временного парламента и правительства Н.П.Жордания, председатель Закавказского сейма и председатель национального Учредительного собрания И.С.Чхеидзе, министры А.И.Чхенкели, Е.П.Гегечкори и И.И.Рамишвили, депутат И.Г.Церетели), Азербайджане (председатель парламента М.А.Топчибашев, премьер-министр Ф.И.Хан-Хойский, министры И.И.Гайдаров, Х.Г.Хас-Мамедов, М.Ю.Джафаров). После Февральской революции многие мусульманские депутаты включились в создание национальной автономии Волго-Уралья (Г.Ш.Алкин, Х.М.Атласов, И.А.Ахтямов, М.М.Биглов, С.С.Джантюрин, К.Г.Хасанов, С.Н.Максудов, М.М.Рамеев). Лидер мусульманской фракции в III Думе С.Н.Максудов был председателем национального парламента мусульман Внутренней России и Сибири, председателем коллегии по образованию Урало-Волжского штата, после гражданской войны стал членом парламента Турции и членом турецкой делегации в Лиге наций. Члены Думы А.Н.Букейханов, А.К.Беремжанов и М.Тынышпаев являлись идеологами и организаторами казахской национально-территориальной автоно-

мии Алаш-Орда. Следует упомянуть и активную роль бывших депутатов Думы (С.Я.Розенбаум, Г.Я.Брук, Ш.Х.Левин) в становлении государства Израиль.

Деятельность депутатов национальных фракций, формировавших заметную часть новых национальных политических элит, отражала усложнение политической и социальной самоорганизации населения национальных и окраинных регионов империи, влияла на ускорение движения народов по пути модернизации, представляла собой начало весьма результативных попыток адаптации к национально-освободительному движению народов Российской империи начала XX в. европейских политических моделей развития и принципов демократической организации, парламентских приемов организации политической жизни, содействовала распространению демократических ценностей и складыванию новых элементов политической культуры общества, способствовала презентации этноконфессиональных и региональных интересов, а отчасти и некоторому разрешению этноконфессиональных и региональных запросов общества. Таким образом, местные предвыборные думские политические кампании, деятельность в Думе региональных и национальных политических лидеров, формирование в регионах политических партий стали главными факторами развития политической географии России начала XX в.

Кризис Российской империи как системы «центр — регионы» был связан с усложнением в начале XX в. этой системы и ростом региональной и этнической самостоятельности, в связи с чем требовалось создание новых механизмов регулирования системы. Одним из вариантов такого реформирования был проект, составленный С.Е.Крыжановским в 1907—1908 гг., намечавший сосредоточение общеимперского законодательства в видоизмененном Государственном совете и «разделение империи на одиннадцать областей, с образованием в каждой областного земского собрания и областного правительственного управления с гражданским начальником во главе, имевшим заменить собой генерал-губернатора»[12]. Главным препятствием расширения регионального самоуправления в российской системе «центр — регионы» являлась жесткая имперская централизованная феодально-бюрократическая пирамида

власти. В связи с созданием Думы и развитием партийно-политической жизни регионов сохранялась потенциальная возможность постепенного изживания имперских черт системы «центр — регионы» через развитие парламентаризма и конституционализма, расширение местного самоуправления и создание культурно-национальной автономии. Официальная идеология пыталась аргументировать достаточность имеющегося земского самоуправления, отказывая народам в праве не только на территориальную, но и культурную автономию. В результате усиливалась и антиимперская, и антирусская направленность многих национальных движений (особенно в Польше и на Кавказе). П.Б.Струве, размышляя о пагубности этого официального национализма для развития российского парламентаризма и российской государственности, еще в 1910 г. писал: «Весь этот официальный национализм неизбежен уже потому, что только он может психологически скрашивать бессилие и унижение народного представительства. Он наркотизирует народное представительство и „оправдывает“ абсолютизм с его противолиберальной и противодемократической политикой... наш официальный национализм... не только не укрепляет великодержавного положения России, а, наоборот, ослабляет его»[13].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Циунчук Р.А.* Федерализм в России: исторические предпосылки и особенности генезиса // Федерализм: проблемы формирования. Казань, 1994. С. 72; *Он же.* Российская империя как система «центр — регионы»: генезис, развитие, кризис // Пути познания России: новые подходы и интерпретации. Сер. Новая перспектива, вып. XX. М., 2001. С. 126—144.

[2] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 76.

[3] См.: Законодательные акты переходного времени (1904—1907 гг.). СПб., 1907. С. 140, 153.

[4] Материалы по учреждению Государственной Думы. СПб., 1905, С. 30.

[5] См.: *Циунчук Р.А.* Презентация этноконфессиональных и региональных интересов в политических программах и предвыборных платформах партий и общественно-политических объединений Российской империи 1905—1912 гг. // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 288—316.

[6] *Шаховской Д.* Виктор Петрович Обнинский // К 10-летию Государственной думы. 27 апреля 1906 — 27 апреля 1916: Сб. ст. перводумцев. Пг., 1916. С. 212—213.

[7] Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906. Сессия первая. Т. 1. СПб., 1906. Стб. 50.

[8] Там же. Стб. 1058, 1107—1109, 1440, 1550.

[9] *Сидельников С.М.* Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962. С. 313.

[10] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия первая. Стенографические отчеты. Ч. 1. СПб., 1913. Стб. 374, 375.

[11] См.: *Циунчук Р.А.* Имперское и национальное в думской модели российского парламентаризма / Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. М., 1997. С. 83—105.

[12] *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Берлин, 1938. С. 131.

[13] *Струве П.Б.* Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905—1910 гг.). СПб., 1911. С. 295.

Поступила 17.06.2004.

О.Б.КЕВБРИНА

РУКОВОДИТЕЛИ И СПЕЦИАЛИСТЫ МОРДОВПОТРЕБСОЮЗА 30—40-х гг. XX в.

В контексте научного исследования социально-экономических систем особое место занимают подготовка кадров и ретроспекция (история) их состояния. Потребительская кооперация достаточно динамичная система, адекватно реагирующая на процесс развития общества. Для нее подготовка специалистов всегда будет иметь особо важное значение в деятельности.

Система потребительской кооперации Мордовской области остро нуждалась в кооперативных кадрах для потребительских обществ, для районного и областного звена. В документах к первому областному съезду уполномоченных потребсоюза подчеркивалось: «В работе системы потребкооперации области является недостаток кооперативных кадров и, в частности, мордовских работников»[1] Эту проблему осознавал и пытался решить первый руководитель потребительской кооперации области С.И.Захаров, работавший в Саранске с августа 1924 г. по март 1931 г. Это был энергичный, талантливый руководитель, хорошо разбирающийся в хозяйственной и политической обстановке страны и региона. С.И.Захаров имел только начальное образование, однако это был человек с высоким общим развитием, успешно решающий поставленные перед кооперацией задачи.

Пристальное внимание руководитель мордовских кооператоров уделял кадрам аппарата кооперативных организаций, особенно областного звена. С.И.Захаров осуществлял не только общее руководство организацией, но и возглав-

---

КЕВБРИНА Ольга Борисовна, заведующая кафедрой отечественной истории и теории кооперативного движения Саранского кооперативного института, кандидат исторических наук, доцент.

лял финансовый отдел. Членами правления были А.А.Шадрин, имевший высшее образование и руководивший организационным отделом, И.Н.Глухов, имевший незаконченное высшее образование и возглавлявший торговый отдел. Планово-экономическим отделом руководил М.И.Магин, окончивший Ленинградский институт народного хозяйства. Высшее образование имели заведующие кооперативными школами А.К.Жарков и А.А.Константинов — выпускники Нижне-Волжского комвуза. О качественном составе кооперативных работников областного звена можно судить по списку личного состава служащих Мордовпотребсоюза на 15 апреля 1930 г. В орготделе работали 35 чел., из них имели высшее образование — 4 чел., среднее — 14; в торготделе и заготовительном отделе — 24 чел., один из них имел незаконченное высшее образование, 4 — среднее; в финотделе — 20 чел., 10 из них имели среднее образование. Кроме названных работников имели высшее образование М.П.Ковтун, В.И.Ненашкин, А.Н.Сушков[2]. О профессиональном уровне работников районного звена можно судить по работникам Атяшевской межрайбазы облпотребсоюза. На 1 апреля 1930 г. там работал 21 чел., 3 из них имели среднее образование. Бухучет на базе вели имеющие среднее образование Д.П.Копчак, Н.И.Косачев, делопроизводство — С.А.Разумова[3] Руководители и специалисты центрального аппарата были в возрасте от 27 до 45 лет.

Острую «нехватку» кооперативных кадров испытывали потребительские общества, особенно мордовские. В докладной записке по вопросу организации Мордовского кооперативного техникума руководители мордовских кооператоров отмечали, что удельный вес работников, отвечающих своему назначению в низовке чрезвычайно мал. Это вело к резкому увеличению растрат в потребсистеме, причем большинство случаев растрат определялось почти исключительно неопытностью продавцов, казначеев, или неудовлетворительной постановкой учета[4]. Обострялась кадровая проблема и в связи с коренизацией аппарата потребительских организаций. В резолюции первого съезда уполномоченных облпотребсоюза указывалось, что необходимо «уделить особое внимание подготовке кадров из

мордвы и усилить коренизацию аппарата с тем, чтобы к 1 октября 1930 года иметь в аппарате не менее 40 % мордвы»[5].

Руководителем потребительской кооперации Мордовии с февраля 1931 г. до марта 1934 г. был И.И.Куликов. Новый руководитель уделял большое внимание кадрам районного звена и национальным (мордовским) кадрам. Особое значение в работе правления Мордовпотребсоюза приобретало закрепление выпускников кооперативных учебных заведений в системе потребкооперации. Так, на расширенном заседании правления Мордовпотребсоюза 8 апреля 1932 г. была принята резолюция по докладу И.И.Куликова: «Принимая во внимание значительную текучесть кадров из системы и большие затраты на подготовку и переподготовку их, ввести в практику заключение договоров с лицами, командируемыми в стационарные учебные заведения и на курсовые мероприятия свыше 3-х месячного срока обучения с тем, чтобы по окончании срока обучения в кооперативных учебных заведениях и курсах эти лица работали в системе не менее предусмотренного срока по договору»[6] На заседании правления облпотребсоюза 10 января 1932 г. отмечалось, что в 1931 г. на кооперативных курсах обучалось 790 чел. разных квалификаций, на них было потрачено 135 тыс. руб. Однако многие выпускники уходили в другие отрасли народного хозяйства, поэтому на заседании правления 19 января 1932 г. было принято решение обязать стипендиатов облпотребсоюза и студентов Московского института потребительской кооперации из Мордовии по окончании срока обучения отработать в системе потребительской кооперации не менее 2-х лет. Однако по архивным документам не все студенты после учебы работали в потребкооперации Мордовии.

В 30-е гг. кооперативные кадры с высшим образованием для мордовской потребкооперации готовили не только в Московском институте потребительской кооперации, но и в Саратовском межобластном и Воронежском кооперативных институтах. Специалистов со средним образованием — в Пензенском и Самарском кооперативных техникумах. Так, приказом от 13 июня 1932 г. выпускников Пензенского кооперативного техникума Богданова зачислили в планово-экономический сектор на должность экономиста по ценам

и наценкам и издержкам обращения, а Радаева — ответственным исполнителем по экономике труда и рационализации в аппарате облпотребсоюза. В Пензенском кооперативном техникуме в 1930—1933 гг. учился и будущий председатель Мордовпотребсоюза В.Я.Кротов.

В 1930—1934 гг. в Воронежском кооперативном институте учился другой будущий руководитель мордовских кооператоров Г.Ф.Бердников. Он получил специальность товароведа-технолога по мясным и птичным продуктам.

В феврале 1934 г. на II съезде работников потребкооперации Мордовии председателем областного потребсоюза был избран И.Г.Староверов, русский выходец из крестьян, родившийся в д. Аннино Петушинского района Московской области.

Во исполнение постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) 1935 г. «О работе потребительской кооперации в деревне» работники аппарата Мордовпотребсоюза непосредственно руководили сельскими потребительскими обществами. С этой целью был создан организационный отдел, подобран инспекторский аппарат из 12 чел. За инспекторами были закреплены определенные группы сельпо, рабкоопов.

И.Г.Староверов в выступлениях в печати, на собраниях, сессиях, пленумах, партконференциях неоднократно высказывал твердое убеждение в том, что одной из причин неудач в работе кооперативных организаций является низкий уровень профессиональной, общеобразовательной подготовки кооперативных кадров. В докладе Мордовпотребсоюза об итогах работы за 1936 г. с тревогой отмечалось, что мероприятия по воспитанию и подбору кадров составляют наиболее отстающий участок работы. На 1 января 1937 г. в республике было 146 сельпо и совхозрабкоопов. Из почти 150 их председателей только 50—60 чел. отвечали требованиям организационно-практического уровня, 51 чел. никогда ранее не работал в системе потребительской кооперации[7]

Особую тревогу у руководителей кооператоров Мордовии вызывало то, что из-за низкой профессиональной подготовки заведующих лавками, продавцов увеличилось количество растрат. В целях привлечения на кооперативную работу подготовленных и порядочных людей каждую кан-

дидатуру обсуждали на собраниях пайщиков. Брали на работу передовиков колхозного производства, ударников-стахановцев. Того, кто не оправдывал доверия пайщиков, увольняли. Только в 1935 г. в ходе отчетно-выборной кампании было освобождено от работы в кооперации по Старошайговскому району 24 чел., Лямбирскому — 15, а всего по республике — 133 чел.[8]

И.Г.Староверов предъявлял серьезные претензии к руководству республики по его кадровой политике. Выступая на V областной партийной конференции 10 июня 1937 г., он, с одной стороны, признал, что в Мордовпотребсоюзе немало ошибок в подборе кооперативных кадров, но, с другой стороны, обком и райкомы партии вместо помощи сами забирают лучших опытных работников. Далее он упрекнул секретаря Мордовского ОК ВКП(б) М.Д.Прусакова за то, что в его докладе ничего не сказано о работе потребкооперации, а она занимала в товарообороте республики значительное место. Так, в 1937 г. из 320 млн руб. товарооборота потребкооперация дала 180 млн руб. Она была торговым монополистом в деревне, обслуживала 1 300 тыс. сельского населения. От работы кооперативов зависело настроение колхозников, выполнение кассового плана, своевременное финансирование сельского хозяйства, промышленности, своевременная выдача зарплаты. За 1935—1936 гг. был перевыполнен план товарооборота. Продажа на одну душу сельского населения в 1935 г. составила 66 руб., в 1936 г. — 101 руб., в 1937 г. — 140 руб. Кооператоры заготовили сельскохозяйственной продукции и сырья на 10 млн руб., 5 млн руб. составил оборот системы общественного питания. Мордовпотребсоюз объединил 1 тыс. предприятий, в которых трудились 5 тыс. чел.[9]

Это, видимо, было последнее публичное выступление И.Г.Староверова. 23 октября 1937 г. бюро Мордовского ОК ВКП (б) исключило его из партии и сняло с работы. Его обвинили в умышленном, преступном провале торговой работы, стремлении срывом торговли создать недовольство среди рабочих и колхозников, в засорении системы потребсоюза чуждыми элементами и покровительстве им. 26 октября 1937 г. И.Г.Староверов был арестован. Кроме провала в работе ему было предъявлено обвинение в контрреволюционной, антисоветской деятельности. След-

ствие пыталось добиться от него признания, что он по поручению руководства правонационалистической организации возглавил антисоветскую вредительскую группу в Мордовпотребсоюзе. И это следователям удалось. 31 октября 1937 г. он оговорил не только себя, но и ряд лиц, назвав их членами контрреволюционной организации. На суде виновным он себя не признал, от показаний «выбитых» на предварительном следствии отказался.

По показаниям И.Г.Староверова на 1 ноября 1937 г., по его делу проходили 18 чел., в том числе Н.О.Боткин — заведующий производственным отделом, И.А.Махов — начальник управления торговли, А.Г.Городков — начальник спецснабжения управления Мордовпотребсоюза. Всего из центрального аппарата было освобождено около 50 чел. Подверглись гонениям руководители райпотребсоюзов: Ардатовского (А.К.Юрлов), Краснослободского (В.П.Родионов), Темниковского (Лиференко), Большеберезниковского (Грузнов); руководители межрайонных баз: Ковылкинской (Иванов), Саранской (Орлов), Торбеевской (Понамарев); руководители горпо: Ардатовского (М.П.Тихонов), Темниковского (Денисевич), Краснослободского (Мещеряков).

Руководителей районного звена, межрайбаз, горпо стандартно обвиняли за растраты и засорение аппарата классово-чуждыми элементами. Так, следователи установили, что в Краснослободском райпотребсоюзе работали сын попа, кулак, владелец пивоваренного завода, надзиратель царской тюрьмы, сын кулака, торговец рыбой, монашка, дочь попа, сын дьякона, бывший дворянин, зять помещика и т.д.

27 марта 1938 г. был арестован председатель Ардатовского горпо М.П.Тихонов. 4 апреля 1938 г. на следствии он признался, что якобы являлся участником повстанческой контрреволюционной организации. Через бывшего царского офицера в 1935 г. финансировал эту организацию и таким способом из Ардатовского горпо расхитил 149 тыс. руб. Также он признался в том, что был агентом польской разведки, собирал сведения шпионского характера, производил поджоги и диверсии в жилых домах, принадлежащих колхозникам. Следует отметить, что уже 15 февраля 1939 г. было принято решение следственное дело по обвинению М.П.Тихонова прекратить, и немедленно освободить его из-под стражи.

Систематические «чистки» коопкадров, особенно в 1937 г. привели к крупным провалам в работе кооперативной системы республики. План товарооборота в 1937 г. Мордовпотребсоюзом был выполнен всего на 85,4 %.

Исполняющим обязанности председателя Мордовпотребсоюза 28 февраля 1938 г. оргбюро ЦК ВКП(б) утвердило И.М.Клюева — не Центросоюз СССР и РСФСР, а партийный орган. В момент назначения на эту должность Клюеву было 26 лет. Он родился в д. Лобково Вачского района Нижегородской губернии. В мае 1936 г. после окончания Московского института советско-кооперативной торговли направлен на работу в Центросоюз в качестве старшего консультанта по финансам. В августе 1937 г. утвержден заместителем директора Всесоюзной конторы Центролектехсырья Центросоюза.

Молод был не только руководитель кооператоров Мордовии, но и другие руководящие работники. Его заместителем по торговле был назначен В.Я.Кротов. В 1938 г. начальником управления по заготовкам стал Г.Ф.Бердников. В этом же году стал работать заместителем начальника управления торговли В.П.Чадов, имевший высшее образование; заместителем начальника финансового отдела с 1937 г. — М.С.Черняк, также имевший высшее образование; начальником финансового отдела назначен в 1937 г. Г.В.Волков, имевший среднее кооперативное образование; с 1938 г. инструктором орготдела работал И.Ф.Настькин, также имевший среднее специальное образование.

Вдумчивая работа с кадрами, привлечение молодых специалистов — выпускников кооперативных техникумов и вузов к руководству управлениями и отделами центрального аппарата потребительской системы республики дали положительные результаты. План товарооборота кооператоры республики в 1938 г. выполнили на 105,4 %. Значительно перевыполнили плановые задания Ардатовский РПС — 127 %, Чамзинский РПС — 119, Ичалковский РПС — 113, Зубовополянский РПС — 124,2 %. В сравнении с 1937 г. увеличилась продажа продовольственных товаров: сахара — на 52,2 %, кондитерских товаров — на 37,2 %; промышленных товаров: мебели — на 187 %, шерстяных, шелковых тканей, швейных изделий, обуви — на 6,8 млн руб.; вновь построено 5 столовых,

открыто 97 хлебопекарен. План по хлебопечению был выполнен на 120 %, оборот общественного питания выполнен на 113,9 %. Были перевыполнены планы товарооборота общественного питания и хлебопечения и в 1939 г., но в 1940 г. план розничного товарооборота выполнили только на 71,1 %, оптового товарооборота — на 83,3, сельскохозяйственных заготовок — на 76,8 %. Растраты достигли угрожающих размеров. Остатки растрат на 1 января 1940 г. составили 4 504 тыс. руб., выявлено 1 188 случаев растрат на сумму 1 100 тыс. руб., остаток растрат на 1 января 1941 г. составил 3 019 тыс. руб.[10]

В декабре 1940 г. на должность председателя правления Мордовпотребсоюза был назначен В.Я.Кротов, а в феврале 1942 г. — наркомом торговли Мордовской АССР С 12 февраля 1942 г. по 31 августа 1944 г. председателем правления Мордовпотребсоюза работал Г.Ф.Бердников.

В январе 1941 г. Мордовпотребсоюз включал в себя 30 райсоюзов, 188 сельпо и горпо, 12 райзаготконтор, 3 межрайбазы, 30 раймагов, 121 сельмаг, 16 продмагов, 13 культмагов, 1 136 магазинов и лавок, 243 палатки и ларька: всего 1 564 единицы. Кооперативная сеть республики имела 66 столовых, 14 чайных и прочих предприятий общественного питания, 50 пекарен. Численный состав рабочих и служащих составлял 7 491 чел., в том числе 1 656 женщин, из них русских — 4 793, мордвы — 1 564[11]

С началом Великой Отечественной войны кооператоры республики работали в экстремальных условиях. Многие работники, в том числе и руководители, были призваны в Красную Армию. Были отправлены на фронт заместитель председателя правления по торговле И.А.Реунков, заместитель по кадрам А.В.Сертаков, начальник производственного отдела В.П.Чадов, начальник финансового отдела Г.В.Волков, начальник орготдела Ф.И.Болтунов, заместитель начальника торгового управления А.М.Комаров, заместитель начальника финансового отдела М.С.Черняк, заместитель начальника управления заготовок К.Д.Мельников, заместитель главного бухгалтера Н.М.Миронов, заместитель начальника планово-экономического управления И.Н.Батюнин, заведующий учетом управления заготовок А.С.Блинов, инструкторы орготдела С.В.Явкин, Г.И.Пронин. Были призваны в Красную Армию председатель Большеберезни-

ковского РПС Михеев, Ромодановского РПС — Юрин, Ширингушского РПС — Маслов, Теньгушевского РПС — Наумов.

Руководство потребсоюза республики стремилось создать необходимый резерв для выдвижения и замены работников, уходящих на фронт, требовало установить строгий учет номенклатурных работников. Однако уже в декабре 1941 г. правление констатировало, что отдел кадров не обеспечил полного учета номенклатурных работников системы, не был создан необходимый резерв для выдвижения и замены ответственных работников, уходящих в Красную Армию.

Кадровая проблема в системе потребительской кооперации резко обострилась в 1943 г. Мобилизация на фронт наиболее активных и опытных работников, приход к руководству малоопытных кооперативных кадров привели к крупным недостаткам в деятельности кооперативных организаций. Одной из причин неудовлетворительной работы кооперативных кадров руководство республики считало то, что в Мордовпотребсоюзе слабо занимались подбором и воспитанием кадров, не вели борьбу за очищение потребительской кооперации от жуликов и воров, поэтому центральный аппарат, аппараты райпотребсоюзов не были укомплектованы, имелась большая текучесть кадров.

На эти недостатки указывал и Мордовский ОК ВКП(б). В одном из его документов отмечалось, что в 1943 г. сменился 71 председатель райпотребсоюза, 77 директоров заготконтор. Даже в центральном аппарате Мордовпотребсоюза 35 % руководящих работников работали в торговой системе первый год, 27 % — до двух лет. Из 65 руководящих работников РПС 24 чел., или почти 37 %, также работали в кооперативной системе первый год. В этом же документе отмечалось, что начальником торгового управления Мордовпотребсоюза работал В.М.Кудрявцев, имевший 7 классов образования, в системе потребкооперации с 1942 г. производственное управление возглавлял И.Р.Стрельцов, работавший в этой системе с 1941 г. и имевший лишь начальное образование. В архивах приводятся курьезные факты, когда старшим товароведом по торговле мукой и хлебом работал музейный работник, а заготовителем в райсоюзе — военнопленный румын[12]

В объяснительной записке к сводному годовому отчету за 1943 г. правление Мордовпотребсоюза признало, что нет главных бухгалтеров в Дубенском, Мельцанском, Лямбирском, Болдовском и Казенно-Майданском РПС, требуется замена в Старошайговском и Ельниковском. По центральному аппарату имелись вакантные должности инструкторов-бухгалтеров, 2 бухгалтера-ревизора требовали замены. В организационном отделе вместо 6 чел. по штату работали 2 — начальник и его заместитель. По системе сельпо отсутствовал 31 из 184 чел. Еще хуже обстояло дело с укомплектованностью кадрами 2 новых районов. Их райпотребсоюзы в конце 1943 г. функционировали самостоятельно, не имея счетно-бухгалтерского аппарата. Отсутствовали бухгалтера опта в Козловском, Ладском, Кочкуровском, Старошайговском, Мельцанском, Пурдошанском, Атюрьевском и Лямбирском райсоюзах, инструкторов-бухгалтеров не было в 22 из 32 районов. Проблема кадров приобрела такую остроту, что руководство потребкооперации республики 6 февраля 1944 г. обратилось к населению через газету «Красная Мордовия» с таким объявлением: «Мордовпотребсоюзу для работы в районах требуются главные бухгалтера, бухгалтера, счетоводы, плановики, статистики, товароведы, инструкторы-ревизоры, сырьевщики, пекари, повара».

Бюро Мордовского ОК ВКП(б) рассмотрело вопрос о председателе правления Мордовпотребсоюза Г.Ф.Бердникове и признало его работу неудовлетворительной. 31 августа 1944 г. он был освобожден от занимаемой должности как не справившийся с работой. Руководителем кооператоров Мордовии был утвержден Н.Г.Поршаков, работавший до этого заместителем наркома торговли республики. В 1930-е гг. он занимал различные руководящие должности в кооперативной системе Мордовии: был заместителем председателя Ковылкинского РПС, председателем Инсарского РПС, директором Саранской межрайбазы, в 1940—1942 гг. — председателем Зубовополянского РПС, с августа 1943 г. — заместителем наркома торговли МАССР.

За годы войны руководителями потребсистемы были В.Я.Кротов, Г.Ф.Бердников, Н.Г.Поршаков. Все они назначались решением советско-партийных органов республики. Руководителей РПС назначали и смещали без ведома

правления Мордовпотребсоюза исполкомы райсоветов и бюро райкомов партии. В письме на имя секретаря Мордовского ОК ВКП(б) П.Петушкова 12 января 1945 г. председатель Мордовпотребсоюза Н.Г.Поршаков отметил, что в 1944 г. по системе потребсоюза республики сменилось 30 председателей РПС. Например, в Большеберезниковском и Саранском районах сменилось 3 председателя, в Ардатовском и Кочкуровском — 4. В документе приводится вопиющий случай. Председатель Ладского РПС Денисов был переведен на работу в центральный аппарат Мордовпотребсоюза. Через 15 дней Денисов выехал за семьей, но райком партии заставил его принять дела заместителя председателя райисполкома. Райкомы партии грубо нарушали постановление ЦК ВКП(б) от 25 марта 1939 г. и решение бюро мордовского ОК ВКП(б) от 28 февраля 1944 г. Руководитель потребсистемы предлагал обкому партии запретить райкомам перемещать или снимать с работы руководящих работников райпотребсоюзов, сельпо без ведома правления Мордовпотребсоюза и взять в номенклатуру ОК ВКП(б) всех председателей райпотребсоюзов[13].

В годы Великой Отечественной войны произошли изменения в организационной сети республики: в 1943 г. были вновь образованы Болдовский и Казенно-Майданский РПС; на 2 единицы сократилось число сельпо и горпо, их стало 186; на 1 заготконтору стало больше, чем в 1941 г., их стало 13; на 1 межрайбазу стало меньше, остались 2 базы. Существенные количественные и качественные изменения произошли и на уровне сельской торговой сети. Если на 1 января 1941 г. был 121 сельмаг, то на 1 января 1946 г. осталось только 80, были ликвидированы все 16 продмагов. Остался 1 культмаг из 13; от 1 379 магазинов и лавок, палаток и ларьков осталось 940. Многие сельмаги стали лавками и ларьками с бедным ассортиментом товаров. Сеть общественного питания за эти же годы сократилась на 10 единиц[14].

Преодолевая трудности военного лихолетья кооператоры имели и значительные успехи во многих областях хозяйственной деятельности. Так, годовой план розничного товарооборота в 1943 г. был выполнен на 120,3 %; перевыполнены планы закупки хлеба и картофеля (хлеб на 101 %, картофель — на 103,4 %); заготовки грибов су-

хих — на 195 %, солено-маринованных — на 186,6, пушнины — на 119,4, шерсти — на 102,3; перевыполнены планы соления огурцов на 227,2, помидоров — на 186,0 %; успешно выполнено задание ГКО по сушке картофеля и овощей на собственных предприятиях — 262 %. Направления и темпы развития хозяйственной деятельности были сохранены в 1944 и 1945 гг. Так, розничный годовой план товарооборота в 1944 г. вместе с общественным питанием выполнен на 144 %, в 1945 г. — на 121,2 %. Следует отметить, что этот план был выполнен в основном за счет водки, удельный вес которой в торговом обороте 1945 г. составил 72,1 %. Как и в предыдущие годы план сельскохозяйственных заготовок был выполнен только на 60,8 %[15]

За годы войны произошли значительные изменения в кадрах потребительской кооперации республики. На 1 января 1946 г. в ней работали 4 728 чел., т.е. их число к уровню 1 января 1941 г. сократилось на 3 763 чел., или на 52,9 %. Произошли не только значительные количественные изменения в структуре кооперативных работников, но и существенные качественные. По образовательному, профессиональному уровню руководящие кадры потребкооперации республики в конце войны уступали специалистам и руководителям Мордовского облпотребсоюза начала 1930-х гг. Низкий профессиональный и культурный уровень руководителей и специалистов не только сельских потребительских обществ, но и районного и республиканского звена, стал тормозом для развертывания цивилизованной торговли на селе, организации производства и заготовок, а также раскрытия социальных функций потребительской кооперации.

В докладе заместителя председателя правления Мордовпотребсоюза по кадрам И.А.Макушкина приводятся такие данные: личный состав на 1 июня 1946 г. составлял 5 120 чел., в том числе производственных рабочих — 890 чел., работников общественного питания и хлебопечения — 626 чел., работников заготовок — 470 чел., работников торговли — 2 289 чел., в центральном аппарате — 82 чел., руководящий состав РПС и сельпо — 763 чел.

В центральном аппарате на 1 июля 1946 г. из 81 работника с высшим образованием был только 1, со средним специальным — 15, средним и незаконченным средним —

51, начальным — 14 чел. Из 32 председателей РПС вуз не закончил никто, 10 имели среднее и незаконченное среднее образование, 22 чел. — начальное. Среди такого же количества главных бухгалтеров районных потребительских союзов среднее специальное образование получил 1, общее среднее — 4, незаконченное среднее — 12, начальное — 15 чел. Из общего количества работников руководящего состава и специалистов Мордовпотребсоюза 2 имели высшее образование, среднее специальное — 17, среднее и незаконченное среднее — 175, начальное — 102 чел.[16]

Большая была и текучесть кадров. Только по центральному аппарату в 1946 г. из 90 чел. сменилось 66: 13 из них были сняты, т.к. не обеспечивали руководство и злоупотребляли служебным положением, 19 — переведены на другую работу. Сменилось 24 председателя РПС, причем в Лямбирском, Кадошкинском, Пурдошанском, Саранском — по 2 раза, в Большеигнатовском — 3 раза. Из 184 председателей сельпо более или менее постоянно работали только 115 чел.[17]

В справке о работе с кадрами по системе потребкооперации за 1946 г., подписанной заместителем председателя Мордовпотребсоюза по кадрам И.А.Макушкиным, ничего не сказано о коопкадрах с высшим и средним специальным образованием. Впервые в послевоенные годы о специалистах с высшим и средним специальным образованием речь зашла в отчете о работе с кадрами системы потребкооперации республики за 1947 г. Дословно по этому поводу в отчете записано следующее: «Совершенно неудовлетворительно обстоит дело с людьми, имеющими высшее образование, их нет... ни в аппарате самого Мордовпотребсоюза, ни в аппарате райпотребсоюзов. Лиц со специальным средним образованием буквально единицы. Это положение совершенно нетерпимое и требует коренного изменения в отношении работы с кадрами в области повышения их образования, особенно специального»[18] Такая нелицеприятная оценка кадрового потенциала потребсистемы республики была дана заместителем председателя правления Мордовпотребсоюза П.В.Самариным. В декабре 1947 г. он стал заместителем председателя по кадрам и на этой должности работал до 28 февраля 1951 г.

В феврале 1948 г. прошел III съезд работников потребкооперации Мордовии, на котором была поставлена задача — добиваться, чтобы руководители республиканского и районного звена имели высшее или среднее специальное образование. Эта задача для потребкооперации республики была актуальной, но трудновыполнимой. На 1 января 1948 г. из 193 номенклатурных работников ни один не получил высшего образования, 9 чел. имели среднее специальное образование, 43 — среднее. Даже в составе правления Мордовпотребсоюза, избранного на III съезде потребкооперации, двое (Я.С.Файзулин, С.М.Татаринов) имели лишь начальное образование; К.М.Видякин, Н.Г.Поршаков — неполное среднее; А.И.Щетинина, А.Н.Варакин, В.М.Комраков, А.Т.Мудров — среднее и только П.В.Самарин — высшее образование. Из 23 начальников отделов Мордовпотребсоюза на 27 октября 1947 г. среднее специальное образование имели только Н.Т.Ширяева и А.И.Щетинина.

Следует отметить, что и в конце 1940-х гг. сохранилась большая текучесть кадров. Так, в 1948 г. из 185 чел. номенклатурных работников сменилось 48, или 26 %. В их числе председателей райпотребсоюзов — 10 чел., заведующих торговыми отделами — 12, директоров заготконтор — 12, инструкторов-ревизоров — 14. Большой процент сменяемости наблюдался и среди председателей сельпо: из 186 чел., выбранных в 1948 г., сменилось 74, или 40 %.

Активизация деятельности руководства Мордовпотребсоюза по улучшению состава кадров привела к резкому увеличению числа специалистов. По состоянию на 1 января 1948 г. в системе специалистов со средним образованием было 44 чел., на 1 января 1949 г. — 74, на 1 января 1950 г. — 106 чел. В течение 5 лет (1947—1951 гг.) направлял в Мордовпотребсоюз своих выпускников техникум советской торговли г. Ардатова. Многие из этих молодых специалистов стали руководителями отделов центрального аппарата Мордовпотребсоюза, главными специалистами райпотребсоюзов. Так, Л.В.Сергеева возглавила продтоварный отдел, А.В.Соколов — отдел строительных материалов и товаров производственного назначения, Т.А.Малкина работала главным бухгалтером Дубенского райпотребсоюза, но основным источником получения образования специалистами потребсистемы республики в конце 1940-х гг.

были кооперативные вузы и техникумы других регионов и заочная форма учебы работников-практиков. Молодые специалисты со средним образованием прибывали в Мордовию из Пензенского, Ростовского, Рязанского, Казанского, Чебоксарского, Московского кооперативных техникумов. Специалистов с высшим образованием для республики готовили Московский и Львовский кооперативные институты.

Таким образом, в 1930—1940-е гг. проблема улучшения качества и совершенствования структуры кооперативных кадров в Мордовии была одной из важнейших. Усиленная работа одногодичной торгово-кооперативной школы республики, помощь учебных заведений других регионов позволили кооперативной сети республики значительно укрепить подготовленными кадрами потребительские общества и райсоюзы, ее центральный аппарат. Руководство Мордовпотребсоюза понимало, что для кардинального решения этой проблемы Мордовии нужен кооперативный техникум. В связи с этим оно снова настойчиво ставило перед Центросоюзом и Роспотребсоюзом вопрос об открытии в Саранске техникума. Он был открыт в 1957 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦГА РМ. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 58. Л. 109.
[2] Там же. Оп. 1. Л. Д. 21. Л. 879—881.
[3] Там же. Л. 452.
[4] ЦДНИ РМ. Ф. 326. Оп. 1. Д. 843. Л. 16.
[5] ЦГА РМ. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 50. Л. 6.
[6] Там же. Д. 113. Л. 95.
[7] Там же. Д. 124. Л. 14, 21.
[8] Красная Мордовия. 1935. 27 авг.
[9] ЦДНИ РМ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 289. Л. 234.
[10] ЦГА РМ, Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 169. Л. 2, 20, 21; Д. 18. Л. 27, 28, 29, 32; Красная Мордовия. 1939. 2 февр.
[11] ЦГА РМ. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 185. Л. 26, 27, 33.
[12] ЦДНИ РМ. Ф. 269. Оп. 16. Д. 90. Л. 48, 49.
[13] ЦГА РМ. Ф. 11. Оп. 3. Д. 42. Л. 19.
[14] Там же. Оп. 1. Д. 201. Л. 1. Д. 291. Л. 60, 61.
[15] Там же. Д. 237. Л. 50. Д. 291. Л. 80.
[16] Там же. Д. 293. Л. 171.
[17] Там же. Д. 340. Л. 13.
[18] Там же. Д. 266. Л. 114.

Поступила 18.01.2005.

А.В.МАРТЫНЕНКО

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИСЛАМА В РОССИИ: ОТ ДЖАДИДИЗМА К НОВЫМ РЕЛИГИОЗНЫМ СООБЩЕСТВАМ

Процессы модернизации охватили мусульманский мир во второй половине XIX — начале XX в., распространившись на многие важнейшие сферы жизни мусульманской общины аль-уммы — религиозную культуру и философию, политические, правовые, экономические, образовательные институты и учреждения, социально-бытовые нормы и предписания. Во многом модернизация ислама была обусловлена мощной колониальной экспансией западноевропейских государств в странах афро-азиатского региона. Установление политической зависимости от колониальных держав, равно как и быстро растущее отставание от Запада в социально-экономическом развитии, привели к формированию в мусульманских странах движений и идеологий, объединенных в научной литературе названием «мусульманский модернизм» и направленных на актуализацию ислама, адаптацию традиционных норм мусульманского правоверия к стремительно меняющимся реалиям современности.

В конце XIX — начале XX в. процессы модернизации не обошли стороной и исповедующие ислам суннитского толка тюркоязычные народы Российской империи. В этот период в среде татарской интеллигенции России зародилось движение за реформирование начальной мусульманской школы, ставшее известным под названием джадидизм (от арабского «усуль джадид» — «новый метод»). Джадидизм зародился в 1880-е гг. именно в сфере школьного образования мусульман, распространившись как на начальные школы — мектебы (мактабы), так и на средние и

МАРТЫНЕНКО Александр Валентинович, доцент кафедры всеобщей истории и права Мордовского государственного педагогического института, кандидат философских наук.

высшие учебные заведения — медресе (мадраса). Постепенно джадидистское течение расширилось, оформилось в мощное общественно-политическое и религиозно-просветительское направление российского ислама. Джадиды резко критиковали религиозный фанатизм, ратовали за развитие просвещения и науки, выступали за издание газет и книг на тюркских языках, начали создание национальных театров тюркоязычных народов России, пропагандировали дружественные, союзные отношения между народами Российского государства независимо от вероисповедания, отстаивали эволюционный путь развития общества.

Первым крупным центром джадидизма стал Крым (тогда — Таврическая губерния), у истоков этого движения стоял видный татарский просветитель Исмаил-бей Гаспринский (1851—1914 гг.). Еще при жизни Гаспринского называли «дедушкой тюркской нации», что свидетельствует о высоком духовном авторитете среди современников. В январе 1884 г. И.Гаспринский открыл в Крыму первое учебное заведение, где преподавание велось на основе нового метода. Это был мектеб (опытная образцовая школа) при Бахчисарайском приходе Кайтаз Ага, рассчитанный на 40 учащихся, где изучались «турецкая и арабская грамота, письмо, чтение, арифметика и правила веры»[1]. К 1895 г. в Бахчисарае насчитывалось уже 7 новометодных мектебов. В других мусульманских регионах России (Кавказ, Поволжье) их количество достигало нескольких сотен. В 1909 г. Таврическое магометанское духовное управление опубликовало «Программу и общие правила для крымских духовных татарских мектебе». В программе содержался пункт, по которому джадидистская методология объявлялась основой преподавания в мектебах. Документом устанавливались возрастные рамки обучения: прием детей не младше 7 лет, срок учебы — 4 года. В программу мектебов включались исламское вероучение и исламские догматы, правила чтения Корана, история ислама, правописание, чистописание, начальная арифметика, толкование персидских слов.

Концепция И.Гаспринского, пропагандируемая им со страниц периодического издания «Терджиман» («Переводчик»), в значительной степени опиралась на идейный

фундамент пантюркизма, который его усилиями оформился в России 1880-х гг. в виде культурно-либерального течения тюрко-татарской интеллигенции. И.Гаспринский был одним из первых мусульманских мыслителей России, открыто выступившим за налаживание межконфессионального диалога и сотрудничества между исламом и православием. Такое сближение, по его мнению, могло поставить Россию во главе культурного возрождения мусульман всего мира.

Безусловно, важнейшими центрами джадидистской реформы стали Поволжье и Приуралье, где действовал ряд крупных новометодных медресе (Мухаммадийа в Казани, Усманийа — Уфе, Хусайнийа — Оренбурге, Расулийа — Троицке). Необходимо отметить, что резонанс от деятельности джадидистских школ и вузов был очень широким, поскольку движение за создание новометодных учебных заведений перекинулось на другие страны и регионы с мусульманским населением — Китайский Туркестан, Турцию, Египет, Персию, Индию.

Таким образом, можно констатировать, что модернистская реформа конфессионального образования мусульман в России конца XIX — первой трети XX в. приобрела широкомасштабный характер и привела к созданию принципиально новой системы, синтезировавшей ислам и западные культурно-педагогические традиции. В целом мусульманский модернизм в России начал развиваться в форме движения джадиди параллельно с модернистскими течениями других регионов исламского мира, испытав влияние панисламизма и особенно пантюркизма (последнее связано с тюркоязычным происхождением большинства российских мусульман). Джадидизм объединил многих представителей интеллектуальной элиты мусульманских народов России, таких как Г.Баруди (1857—1921 гг.), Х.Габаши (1863—1936 гг.), М.Бигиев (1875—1949 гг.), З.Камали (1873—1943 гг.), С.Маджиди (1878—1956 гг.), А.Каяев (1878—1943 гг.), М.Бихбуди (1875—1919 гг.), Фитрат (1886—1938 гг.) и др. Однако процесс развития джадидизма был искусственно прерван в 20—30-е гг. XX в. карательными действиями властей. Драматическим свидетельством этого стали судьбы многих татарских, башкирских, туркестанских и

северокавказских просветителей. Советская власть поставила точку на джадидизме, сделав его дальнейшее развитие в России в принципе невозможным.

Во второй половине 80-х гг. и особенно в 90-е гг. XX в. российское общество охватили процессы так называемого «религиозного ренессанса», важнейшим проявлением которого стало восстановление позиций традиционных религий России — православного христианства и ислама суннитского толка. В настоящее время ислам в России (в частности, в Поволжском регионе) развивается преимущественно в традиционной форме ханафитского мазхаба — правового толка, принятого абсолютным большинством мусульман России[2]. Однако отдельные элементы мусульманского модернизма можно проследить в социально-политической и культурно-религиозной жизни мусульманских народов современной России. Так, политическая элита тюркоязычных республик РФ все чаще апеллирует к опыту джадидизма, усматривая в нем, наряду с традиционным исламом, реальную альтернативу религиозному экстремизму. Особенно показательна в этом отношении позиция президента Татарстана М.Шаймиева, который в одном из интервью заявил: «Общественное сознание в Татарстане сформировано под влиянием джадидизма — религиозного реформаторского движения, начавшегося 200 лет назад. Это течение либерального толка, очень толерантное к другим религиям, признающее равенство мужчины и женщины, трактующее джихад не как войну с неверными, а в его первоначальном смысле — как „усердие“ в борьбе с неверием внутри себя»[3].

С другой стороны, неотъемлемой частью процессов, связанных с модернизацией ислама, стало активное проникновение на территорию России так называемых «постисламских»[4] сект — бахаи и ахмади.

Международные сообщества бахаи и ахмади представляют собой религиозные течения, сформировавшиеся в историко-культурных границах мусульманской цивилизации во второй половине XIX — начале XX в. Впоследствии бахаи и ахмади пережили достаточно глубокую трансформацию из небольших религиозных общин в международные движения, получившие широкое распространение во многих

странах мира. Стремление синтезировать исламскую традицию с элементами западной культуры определило маргинальное положение бахаи и ахмади по отношению к мировой мусульманской общине (аль-умма). В глазах правоверных мусульман и бахаи, и ахмади изначально стали опасными еретиками, впавшими в куфр (неверие).

Бахаи (вера бахаи, аль-бахаийа) — по сути, самостоятельная религиозная система, неразрывно связанная своими социокультурными корнями с исламом в целом и мусульманским модернизмом, в частности. Основатель общины бахаи, персидский аристократ Мирза Хусейн Али Нури Бахаулла (1817—1892 гг.), первоначально был приверженцем шиитской секты бабидов, но затем, находясь в изгнании в Ираке, Турции и Палестине, создал самостоятельное вероучение. Его основное содержание сводится к созданию «нового мирового порядка»[5], т.е. объединения человечества в общепланетарное государство.

Первые бахаи появились на территории Российской империи в 1883—1884 гг.: «Вскоре после завоевания Скобелевым Ахаль-Текинского оазиса (1880—1881 гг. — *А.М.*), в Закаспийскую область стали стекаться переселенцы из различных областей Персии. В их числе были и бабиды («необабиды», т.е. бахаи. — *А.М.*)»[6] Это были торговцы, ремесленники и строители из г. Сабзивар (восточная иранская провинция Хорасан), спасавшиеся от преследований со стороны шиитов. Центром сосредоточения среднеазиатских бахаи — эмигрантов стал г. Ашгабад, в котором уже в 1890 г. проживало более тысячи бахаи[7] В 1913 г. А.Е.Крымский приводил данные о миллионе русскоподданных бахаи (впрочем, он сам же и ставил эту цифру под сомнение)[8]. Возглавлял ашгабадскую общину бахаи некий Хаджи Мухаммад Реза Исфахани. Община поддерживала тесные связи с главным центром бахаи в Акке, Палестине, лично с Бахауллой. Сама идея создания ашгабадской общины принадлежит сейиду Мухсин-и Афнану, который посетил Туркестан в 1884 г., а впоследствии изложил Бахаулле свой план массового переселения в Ашгабад, получив одобрение. Сам Бахаулла неоднократно отправлял в Ашгабад послания своим приверженцам и даже переписывался с отдельными верующими, например, с Абдул-Керим

Ардебили Асадовым[9] Усилиями ашгабадских бахаи проповеди Бахауллы и странствующих проповедников — мубеллигов часто переводились на русский язык[10] Таким образом, «бабидские (бахаистские. — *А.М.*) агенты в Асхабаде, несомненно, доносили в Акку о своих сношениях с русскими, о своих беседах с ними, и, между прочим, и о вопросах, которые им, очевидно, нередко предлагались»[11] С ашгабадскими бахаи были знакомы и первые русские исследователи этого религиозного течения — В.Р.Розен, А.Г.Туманский, А.Е.Крымский, С.Уманец. Примечательно, что русские авторы упорно продолжали употреблять в отношении общины название «бабиды», поэтому бахаи считали долгом объяснить свое отличие от традиционных поклонников названной персидской секты. «Заметим, — пишет в связи с этим А.Е.Крымский, — что последователи Бехоаллаха (Бахауллы. — *А.М.*) даже не желают, чтобы их называли бабидами. Один самаркандский бехаит, Сабит (из общества „Омид“) пишет мне в письме (по-персидски) 14 декабря 1911 года: „надо различать бехаидов и бабидов. Нынешняя стадия (ан че хаст аль-ан) — это же бехаиды, а не бабиды. Бабиды имеются в некоторых городах, их немного, и их нелегко пересчитать. Тот, кто изгнанником живет в Акке, это глава бехаидов, а не бабидов, и бабиды его учений не признают, ва таалим-и ишан абадан ба таалим-и бахаи-ха мофавид нист“ (буквально — „и их благословенное учение с учением бахаи не согласуется“ — *А.М.*)»[12].

Относительно благополучное существование бахаи в мусульманских регионах России продолжалось вплоть до установления советской власти. В 20-е гг. XX в. общины бахаи в Закавказье и Средней Азии были еще достаточно многочисленны и активны. Однако проповеди бахаи о классовом мире и отказе от насильственных методов борьбы скоро вступили в противоречие с революционной и атеистической идеологией советского режима. Раздражение новой власти вызывала и основополагающая идея бахаи — «нового мирового порядка», предлагающая модель развития человечества, альтернативную марксистской. В сентябре 1929 г. на Всесоюзном партийном совещании по антирелигиозной пропаганде на Советском Востоке была принята установка на искоренение общин бахаи в Азербайд-

жане и Туркмении как вредного течения, «обслуживающего буржуазную реакцию». Своего апогея преследования бахаи в СССР достигли в 1938 г., когда ашгабадский дом преклонения Машриг аль-Азкар был конфискован под советские учреждения (окончательно он был разрушен уже во время и после землетрясения 1948 г.). Саму общину бахаи запретили, часть среднеазиатских бахаи депортировали. Таким образом, в период сталинизма группы и общины бахаи на территории СССР прекратили свое существование. История веры бахаи в нашей стране прервалась почти на полстолетия.

Своеобразное «второе пришествие» веры бахаи в Россию и другие регионы постсоветского пространства приходится на конец 80-х — 90-х гг. XX в., и миссионерская деятельность последователей Бахауллы уже не ограничивается только Средней Азией и Закавказьем. В 1986 г. Всемирным домом справедливости (своеобразным бахаистским «правительством») в Хайфе (Израиль) был принят очередной план распространения веры бахаи, который уделял пристальное внимание освоению ранее закрытых для этого религиозного течения стран Восточной Европы и СССР С 1989 г. возникают общины бахаи в Москве, Казани, Екатеринбурге, Санкт-Петербурге, других российских городах. Бахаи действуют в Волгограде, Краснодаре, Орле, Тобольске, Петрозаводске, Нижнем Новгороде (попытки проповеди веры бахаи имеют место и в Саранске).

В декабре 1990 г. в Москве состоялась первая Всесоюзная конференция бахаи, на которой присутствовали 244 делегата от местных духовных советов и 17 зарубежных гостей. Весной 1991 г. делегаты Национального съезда от общин бахаи из 42 городов СССР избрали Национальный духовный совет бахаи СССР. С 30 апреля по 2 мая 1992 г. с распадом СССР на территории СНГ прошло одновременно 5 съездов по выборам в духовные национальные собрания бахаи (Прибалтика, Украина с Беларусью и Молдовой, Средняя Азия, Азербайджан, Россия с Грузией и Арменией). Таким образом, была создана сеть местных духовных собраний, ставших составной частью мирового «административного порядка» бахаи. Несмотря на обширную географию распространения веры бахаи в Российской Федера-

ции, бахаистские группы в российском обществе еще немногочисленны и, как правило, редко превышают 100 чел. Общая численность российских бахаи превышает 3 тыс. чел., хотя точной статистики не существует. Интерес к вероучению бахаи проявляют в основном представители интеллигенции — учителя школ и преподаватели вузов, журналисты и научно-технические работники, студенчество, артисты. Налажена пропаганда учения, работают бахаистские воскресные школы, записываются видеофильмы и радиопередачи, проводятся благотворительные мероприятия, предпринимаются настойчивые попытки наладить сотрудничество или хотя бы вступить в диалог с другими религиозными объединениями и конфессиями.

Таким образом, бахаи развернули в современном российском обществе активную прозелитическую деятельность, заняв свою «нишу» в общем ряду нетрадиционных сект, осваивающих постсоветское пространство. Несомненно, к таким сектам относится и ахмадийат — модернистское течение в исламе суннитского толка.

Община ахмади образовалась в Британской Индии, среди суннитов Пенджаба и Кашмира в 1860 — 1900-е гг. Ее основатель проповедник Мирза Гулам Ахмад Кадиани (1835—1908 гг.) в 1882 г. объявил себя новым пророком, апеллируя при этом к представителям всех религий. Важной частью учения ахмади стало положение о том, что Иисус Христос избежал распятия, отправился путешествовать на Восток в поисках затерянных еврейских племен — «колен израилевых», — которые обнаружил в Кашмире, в г. Шринагар, где якобы он умер и был погребен.

Первые попытки организации ахмадийских проповедей на территории России приходятся на конец 10-х — первую половину 20-х гг. XX в. Так, в 1919 г. ахмади по имени Фатих Мухаммад, служивший в британской армии, был направлен в составе своего батальона на российско-иранскую границу, а затем, как английский военнослужащий, принял участие в одном из разведывательных рейдов интервентов в Средней Азии. По свидетельству нынешнего ахмадийского халифа, Мирзы Тахира Ахмада, Ф. Мухаммад обнаружил небольшую общину ахмади в Ашгабаде[13]. Вспомним, что именно в Ашгабаде с конца XIX в. дей-

ствовала достаточно крупная община бахаи. Как и бахаи, немногочисленные ашгабадские ахмади испытывали постоянные проявления враждебности со стороны мусульманского духовенства (правда, не шиитского, как в ситуации с бахаи, а суннитского). Мирза Тахир Ахмад даже утверждает, что эта вражда провоцировалась и подогревалась эмиссарами из Британской Индии (которых он называет «Индийской Улемой»). Другой ахмадийский проповедник, Мухаммад Амин Хан, действовал на территории уже советской Средней Азии в 1922 г. В 1924 г. его усилия продолжил ахмади Маулави Захур Хусейн, который был арестован, а затем депортирован в Британскую Индию. В целом, в рассматриваемый период ахмадийская пропаганда в СССР не добилась столь масштабных успехов, как проповедническая деятельность бахаи (хотя и те, и другие в итоге были разгромлены советскими властями).

Только с начала 1990-х гг. возобновилось проникновение ахмади в СССР, а после распада последнего — в государства СНГ и страны Балтии. В этот период ахмади удалось создать достаточно крупные общины в Каунасе (Литва) и Гродно (Белоруссия), т.е. в регионах, где мусульманские уммы (общины) носят конклавный характер и в значительной степени изолированы от своих единоверцев. С 1995 г. в Москве функционирует штаб-квартира ахмади. В Российской Федерации ахмади стремятся распространить свое влияние на районы с преобладающим мусульманским населением, например, Татарстан, что наталкивается на сопротивление со стороны исламских традиционалистов.

Таким образом, мусульманский модернизм в России прошел длительный и сложный путь развития. Зародившись в конце XIX в., практически параллельно с аналогичными зарубежными течениями (и во многом под их влиянием), мусульманский модернизм России, принявший форму джадидизма, в очень короткий срок (несколько десятилетий), стал достаточно влиятельным религиозно-просветительским и политическим движением, несмотря на неизменное сопротивление со стороны исламских традиционалистов и подозрительность со стороны российских царских властей. Однако эволюция джадидизма была насильственно прервана с установлением в стране атеисти-

ческого режима. В настоящее время о возрождении традиций джадидизма среди мусульман РФ говорить не приходится, хотя имеет место определенное тяготение части татарской и башкирской интеллигенции (отчасти — политического истеблишмента) к джадидистским идеалам и культурно-просветительским установкам.

Что же касается так называемых «постисламских» течений, то при их кажущейся доктринальной и организационной несхожести, бахаи и ахмади постигла общая участь преследуемых изгоев в мусульманском мире. Новая трактовка исламских норм (или даже прямой отход от них), проповедуемый этими течениями, был воспринят абсолютным большинством мусульман как недопустимая ересь — би'да. Это породило массу личных трагедий рядовых последователей веры бахаи и ахмадийата, которые в мусульманских странах (Иране[14], Пакистане и др.) подвергались постоянным гонениям и репрессиям. Как известно, они продолжаются и поныне. В целом необходимо признать, что международное сообщество бахаи и ахмадийат обладают достаточно сильным социально-экономическим и культурным потенциалом для дальнейшего развития и распространения, но только не в рамках исламской цивилизации. Весьма, на наш взгляд, проблематичны перспективы развития этих религиозных общин в мусульманских регионах Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ислам в Евразии. Современные этические и эстетические концепции суннитского ислама, их трансформация в массовом сознании и выражение в искусстве мусульманских народов России // Под ред. М.В.Иордана. М., 2001. С. 379.

[2] Хотя, как известно, в 1990-е — начале 2000-х гг. в мусульманских регионах Российской Федерации (Северный Кавказ, Поволжье) наблюдается тенденция к быстрому распространению ваххабизма, опирающегося на самый консервативный мазхаб суннитов — ханбалитский.

[3] Джадидизмом — по ваххабизму! Отвечает Президент Татарстана М. Шаймиев // Аргументы и факты. 2004. № 46.

[4] Несмотря на то, что сам термин «постисламский» носит дискуссионный характер, его применение при характеристике бахаи и ахмади видится вполне оправданным в силу маргинального характера этих

религиозных течений по отношению к исламу, на основе которого они сформировались.

[5] Бахаи часто используют английское словосочетание «The New World Order».

[6] *Туманский А.Г.* Два последних бабидских откровения. СПб., 1898. С. 3.

[7] Единство. Бюллетень советских бахаистов. 1990. № 1. С. 1.

[8] *Крымский А.Е.* История мусульманства. Очерки религиозной жизни. М., 1912. С. 25.

[9] См.: *Туманский А.Г.* Указ. соч. С. 6—7.

[10] См.: *Уманец С.* Современный бабизм (раскол в магометантстве). Тифлис, 1904. С. 41.

[11] *Розен В.Р.* Еще раз о послании «Благие вести». СПб., 1898. С. 316.

[12] *Крымский А.Е.* Общий исторический очерк бабизма и обзор новейшей литературы о нем. М., 1902. С. 83.

[13] См.: *Хазрат Мирза Тахир Ахмад.* Народам СССР — с любовью. Послание Главы Ахмадийского Движения в Исламе Мирзы Тахира Ахмада. Исламабад, 1990. С. 40—41.

[14] Преследования бахаи, в частности, отражены в следующих периодических изданиях Ирана 1950—1980-х гг. (на языке фарси): «Бамдад» («Утро») (Тегеран); «Джомхури Эслами» («Исламская республика») (Тегеран); «Кейхан» («Мир»); «Набард-и Миллет» («Сражающаяся нация»); «Фирдоуси» (Тегеран); «Хабар-и Джануб» («Новости Юга») (Шираз).

Поступила 22.02.2005.

ВОРОНИНА Н.И. Лики провинциальной культуры. — Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2004. — 232 с.

Книга посвящена анализу жизни и творчества интересных личностей в культуре мордовского края, развитию духовности в провинции, созидательной деятельности Н.П.Огарева, В.С.Серовой, М.М.Бахтина, И.Д.Воронина, И.М.Яушева, В.А.Попкова, М.Н.Антоновой и др.

Для преподавателей, студентов, аспирантов, докторантов и всех, интересующихся вопросами развития культуры в регионах России.

КЕВБРИН Б.Ф., ТАРАСОВ А.А. Развитие капитализма, философии и этики буржуа: историко-культурологический аспект: Учеб. пособие: В 2 кн. Кн. 2; История предпринимательства и капиталистических отношений в России: В 2 т. Т.1. Дореволюционная Россия (IX в. — февраль 1917 г). — Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2004. — 496 с.

Анализируются пути становления и развития предпринимательской деятельности и ее морали в России с IX в. до февраля 1917 г. Значительное внимание уделено вопросам психологии и этики русского буржуа. Через призму исторического, философского и экономического аспектов освещаются процессы утверждения капиталистического общества.

Для ученых, преподавателей, докторантов, аспирантов, студентов и всех, интересующихся историей России.

КИРДЯШОВ В.Ф. Этнополитология: Учеб. пособие. — 2-е изд., испр. и доп. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2004. — 200 с.

В пособии раскрываются основные положения этнополитологии, ее значимость в современном обществе, когда этничность является существенным фактором политической мобилизации населения и источником конфликтов.

Для преподавателей, студентов, аспирантов, докторантов и всех, интересующихся этносоциологией.

КОЗЛОВ Ю.Ф. Быт и нравы России: Очерки из истории государства Российского. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2005. — 560 с.

На основе многочисленных архивных документов, свидетельств ряда писателей и ученых разных периодов воссоздается семейный быт и государственный уклад, обычаи и нравы России.

Для историков и широкого круга читателей.

КУЛЕШОВА Г.П. Система социальной защиты населения в Республике Мордовия. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2004. — 200 с.

В монографии раскрываются теоретические и методологические проблемы социологического анализа системы социальной зашиты регионального уровня как регулятора социальной дифференциации населения. Исследуется проблема преодоления бедности как основное направление модернизации системы социальной защиты. Характеризуются показатели качества жизни и социальной защищенности населения региона. Выделяются основные механизмы организации социальной защиты на региональном уровне.

Для социологов, социальных работников, студентов вузов, преподавателей, аспирантов и докторантов.

ЛЫСЕНКОВ Е.В., СПИРИДОНОВ С.Н., КОНСТАНТИНОВ В.М., ЛАПШИН А.С. Экология и биоценотическое значение врановых птиц Мордовии. — Саранск; Улан-Удэ, 2004. — 232 с.

Монография содержит результаты многолетних исследований по морфологии, фенологии, гнездовой биологии и экологии врановых птиц Мордовии.

Для орнитологов, экологов, специалистов городских хозяйств и охраны природы, а также широкому кругу биологов, преподавателей вузов и студентов.

ФАДЕЕВА И.М. Высшая школа в современном российском обществе. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2004. — 232 с.

В монографии анализируются социальные изменения и динамика развития отечественной высшей школы в трансформирующемся обществе, а также механизмы формирования ее различных моделей в соответствии с ведущими мировыми тенденциями.

Для преподавателей, студентов, аспирантов, докторантов и всех, интересующихся проблемами высшей школы.

ЦЫГАНКИН Д.В. Память, запечатленная в слове: Словарь географических названий Республики Мордовия. — Саранск, 2005. — 432 с.

Словарь представляет собой первый опыт историко-этимологического анализа географических названий Мордовии. В него вошли все типологические классы, охватывающие широкий круг объектов.

Для всех, интересующихся географией и историей родного края.

Географ и география: Марк Михайлович Голубчик / Сост. А.М.Носонов, А.А.Ямашкин. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2004. — 132 с.

Книга посвящена памяти известного ученого, организатора учебной и научной работы профессору М.М.Голубчику. В книге содержатся статьи об ученом, его последние статьи и библиографический указатель научных работ.

Для всех, интересующихся проблемами географии и историей науки.

Млекопитающие Мордовии (Присурье): Учеб. пособие / В.С.Венчаков, В.А.Кузнецов, Л.Д.Альба, А.Б.Ручин. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2004. — 64 с.

В учебном пособии приводятся данные о видовом составе и биотопическом распределении, характерных признаках и особенностях биологии млекопитающих в мордовском Присурье.

Для биологов и всех, интересующихся животным миром региона.

Парламент Республики Мордовия: История и современность / Сост.: А.С.Малайкин, Л.Г.Снегирева; Редкол.: В.А.Кечкин, В.Н.Ефимов, А.С.Купчинин, Л.Г.Меркушкина, В.А.Юрченков и др. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. — 160 с.

Книга посвящена анализу деятельности депутатского корпуса Мордовии, развитию традиций парламентаризма, реализации своих представительских полномочий, встреч с избирателями.

Для всех интересующихся теорией и историей представительных органов государственной власти.

Саранск: история и образ города-провинциала: Материалы III Воронин. науч. чтений / Сост.: Н.М.Арсентьев, К.И.Шапкарин. — Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2005. — 304 с.

Книга посвящена истории г.Саранска как административного и духовного центра Мордовии, основы ее промышленности и бизнеса. Составители стремятся отобразить гуманитарное пространство города, воспитать просвещенного горожанина, гражданина своей малой родины.

Для ученых и всех, ассоциирующих себя с городской культурой и своей малой родиной.

Управление человеческими ресурсами: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Н.П.Макаркин, зам. отв. ред. Н.Д.Гуськова, отв. секретарь И.Н.Краковская и др. — Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2005. — 272 с.

Рассматриваются теоретические и методологические аспекты управления человеческими ресурсами на макро-, мезо- и микроуровнях, обосновываются цели, приоритеты, стратегия и механизмы государственной политики занятости населения и развития человеческого капитала, освещаются проблемы кадрового обеспечения предприятий и организаций, а также зарубежный опыт управления человеческими ресурсами.

Для ученых и практиков, занимающихся проблемой человеческих ресурсов, а также специалистов служб занятости, предприятий и организаций.

Этика журналиста: Учебник / П.Н.Киричек, О.В.Федотова. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2004. — 140 с.

Учебник посвящен рассмотрению актуальных проблем современных СМИ — этике. Книга включает множество примеров газетных публикаций, характеризующих соблюдение или несоблюдение этического кодекса российской и региональной журналистики.

Для ученых журналистов и всех, интересующихся проблемами журналистской этики.

ANNOTATIONS

Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation, April the 25th, Moscow, Kremlin.

V.I. Grishin. Legal Provision for Establishing New Constituent Entity of the Russian Federation.

The article is devoted to the analysis of different legal aspects of amalgamation of the Krasnoyarsk Territory, the Taimyr (Dolgano-Nenets) and the Evenk Autonomous Districts into the new constituent entity of the Russian Federation.

A.A. Fomin. Regional Aspect of Juridical Security of the Russian Federation.

The necessity to provide federal constitutional security of Russia is analysed in the article. Unity of constitutional and legal space is treated as integral component of juridical security of the country and indispensable condition of strong state power.

I.V. Bakhlov, O.V. Bakhlova. Federative Idea in the Conception for Integration of Post-Soviet Space.

Basic contents of Russian conceptions for integration of CIS countries and the role of Russia in this process are analysed in the article.

G.N. Nuryshev. Role of Unified Spiritual Space in Geo-Political Structure of Russia.

The article underlines the necessity to single out the object for geo-political researches of Russian regions. The necessity to preserve unified spiritual space of Russian regions as an important component of unified spiritual space is substantiated in the article.

I.V. Mitrophanov. Programmatic and Special Management of Social and Economic Development of the Region.

Brief description of contensive structure of programme for social and economic development of the Volgograd Region is presented. Financing sources of measures, determined by the Programme, are also presented here. Through the system of achieved and forecasted indices the presence of significant anti-inertial potential of programmatic and special approach to regional development management is proved.

R.K. Kulakovsky. Management of Regional Social Sphere.

The article is devoted to the social aspect of modern regional development. After the example of the Krasnoyarsk Territory the author comes to the conclusion that the process of high-quality diagnostics of social development is not always accompanied with the improvement of the population quality of life. The way out of the current situation seems to be in administrative reform and in the involvement of the broader circle of social subjects into the solution of social problems.

Where in Russia it is Good to Live.
Basic indices of social and economic state of the Russian Federation regions in 2004 are presented.

Leading Centre of Regional Research in Russia.
Interview with Professor A.A. Adamesku, devoted to the 90th anniversary of the Council for Production Forces Research.

I.R. Gaphurov. Estimation of Economic Potential of the Territory and Efficiency of Measures of Territorial Strategic Programming.
Basic approaches to the elaborated by the author methods for estimation of economic potential of the territory, which allow to objectively evaluate the place and the role of the territory in the environment and highlight inner tendencies and problems, are presented in the article. Besides, new methods for estimation of the efficiency of measures of territorial and strategic programming, allowing quantitatively and qualitatively evaluate the results of their implementation in connection with the strategic priorities of the territory, are offered.

N.D. Kulikov, V.V. Runkov. Increase of Efficiency of the Resource Potential in the Agriculture of the Region.
The resource potential in the agriculture of Mordovia is analysed in the article. The mechanism for self-supporting relations in some agricultural enterprises, allowing increasing the resource potential, is presented.

L.M. Chernyakevich. Transformation Principles, System and Economic Model for Forest Management.
The article is devoted to the analysis of basic principles of forest management in the conditions of market economy.

M.A. Panphilov. Professional Formation of a Specialist as Social Order and Pedagogical Problem.
Pedagogical aspects of personality formation, the necessity of implementation of scientifically substantiated pedagogical technologies into practice of professional education are treated in the article.

N.D. Phirer. Notion «Provinciality» in the Context of Determination of Notions «Region» and «Social Space».
Correlation of the notions «social space», «region» and «province» as the common, peculiar and individual in determination of social space is analysed in the article. The model for provinciality, including social and territorial essence with group identification and complex of social and genetic features, is created. It represents a special sub-culture with peculiar mentality, valuables and professional activities.

I.V. Antokhonova. Social Problems of the Region with Ecological Regulation.
The article is devoted to the analysis of different social problems of the Republic of Buryatia, south-eastern coast of the Baikal lake which is the region of ecological regulation.

G.P. Kuleshova. Social Defence and Self-Defence of Population in the Region.

The necessity to develop self-defence of poorly defended categories of population and form active self-defending strategies is substantiated in the article.

N.V. Sereda. Regional Policy of Ekaterina the Great.

Main trends in the process of reforming regional policy of the Russian Empire by Ekaterina the Great, including its de-centralisation, formation of local inter-class communities, regional elites are analysed in the article.

A.R. Tsiunchuk. State Duma in the Geography of Power and Ethno-Regional Processes of the Russian Empire.

Historical and politological analysis of the complex of ethnic, confessional and regional processes and problems of the later Russian Empire (the years 1905—1917) in the system of «centre — region» through the prism of origination, formation and crisis of the first in the history of the Russian State Parliament — the State Duma — is presented in the article. Inter-relations of State power and the society, new geography of power after establishment of the State Duma of the Russian Empire are in the centre of attention.

O.B. Kevbrina. Employees and Specialists of Mordovpotrebsoyuz of the Period of the 30th—40th Years of the XX Century.

The dynamics of quantitatively and qualitatively personnel potential of Mordovian consumers' organization in 1930—1940 years as well as the dynamics of fulfilling planned tasks in this period are analysed in the article.

A.V. Martynenko. Modernisation of Islam in Russia: from Jadism to New Religious Communities.

Transformation processes in Islam of Sunit trend in Russia, starting with social and political and religious and moral trend of Russian Islam of Jadism up to Bakhai and Akhmadi are analysed in the article.

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-публицистический журнал

Учредители — Министерство образования Российской Федерации, Министерство промышленности, науки и технологий Российской Федерации, Правительство Республики Мордовия и Федеральное государственное научное учреждение «НИИ регионологии».

Темы журнала — процессы, происходящие в регионах в области экономической, социальной, политической и духовной жизни, проблемы федеративного устройства нашего государства, взаимоотношения федеральных и региональных структур власти, региональная политика в научно-технической сфере, образовании и культуре.

Объем журнала — 10 п.л.

Мы выходим ежеквартально.

Подписка на журнал принимается во всех отделениях связи без ограничения по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» «Газеты и журналы».

Подписная цена на 1-е полугодие 2005 г. — 120 руб.

Индекс журнала **73335**

АВТОРАМ

* Уважаемые коллеги, с 2005 г. журнал «Регионология» переходит на частичную самоокупаемость. В связи с этим публикации в нашем журнале платные: 150 руб. за страницу. Оплата производится не позже 10 дней после уведомления автора о публикации. Наши реквизиты:

ФГНУ «Научно-исследовательский институт регионологии»
Мордовское отделение № 8589 Сбербанка России
р/с 40202810439010000006
к/с 30101810100000000615
БИК 048952615
ИНН 1326049155.

* Статья, предоставляемая в редакцию, должна соответствовать профилю журнала. Объем статей — до 12 м. с. Примечания приводятся в конце. При цитировании и ссылке на те или иные источники необходимо указывать фамилию автора, название книги, место, год издания и конкретные страницы. Все материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном виде.

* В аннотации (8—10 строк) просим кратко изложить содержание статьи.

* В авторской справке необходимо указать Ваши фамилию, имя, отчество (полностью), ученую степень и звание, должность, место работы, домашний адрес, телефон. Просим выслать свою фотографию.

Журнал распространяется по подписке, часть тиража — бесплатно.

Технические редакторы *Т.Т.Алыкова, Е.Н.Маскаева, С.А.Пулова*
Макет *И.А.Пакшиной*
Перевод аннотаций *С.И.Лягущенко*

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16450 от 22 сентября 2003 г. Сдано в набор 11.03.2005. Подписано в печать 29.04.2005. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Jurnal. Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 14,69. Тираж 1000 экз. Заказ № 2152.

Адрес редакции: 430000 г. Саранск, ул. Б.Хмельницкого, 39а. ФГНУ «НИИ регионологии». Тел. (834-2) 47-44-51, 48-07-00; факс (834-2) 47-39-95. E-mail: redreg@yandex.ru, rri@moris.ru

Набрано в Федеральном государственном научном учреждении «НИИ регионологии».
430000 г. Саранск, ул. Б.Хмельницкого, 39а.

Отпечатано в ГУП РМ «Республиканская типография «Красный Октябрь».
430000 г. Саранск, ул. Советская, 55а.